
ОГОНЁК
№ 23 МАЙ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Казанский компрессорный завод освоил в нынешнем году выпуск автоматического пульта управления для доменных и мартеновских печей. На снимке: электромонтажники С. Н. Сухоруков и А. А. Карюкин (слева) за сборкой пульта управления.

Фото А. Гостева.

На первой странице обложки:
ВОЛЖАНОЧКА.

Фото С. Фридлянда.

На последней странице обложки:
ПРОГУЛКА К МОРЮ. СОЧИ.

Фото А. Бочинина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 23 (1668)

31 МАЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

АЛБАНИЯ ВСТРЕЧАЕТ СОВЕТСКИХ ДРУЗЕЙ

25 мая в Народную Республику Албанию прибыла партийно-правительственная делегация Советского Союза во главе с Первым секретарем ЦК КПСС и Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым. Восторженно приняли советских гостей трудящиеся республики. Приветствуя Н. С. Хрущева и других членов советской делегации, Первый секретарь ЦК Албанской партии труда Энвер Ходжа сказал: «Сегодня албанский народ встречает вас с распростертыми объятиями, с раскрытым сердцем, с чувством огромной радости».

Каждый день пребывания партийно-правительственной делегации Советского Союза в Албании — яркое свидетельство прочной дружбы между советским и албанским народами, единства двух социалистических стран.

Фото специального корреспондента «Огонька» А. НОВИКОВА.

Встреча советских гостей на Тиранском аэродроме.

На всем пути от аэродрома до города партийно-правительственную делегацию Советского Союза приветствовали тысячи людей.

←
Партийно-правительственная делегация Советского Союза во главе с Н. С. Хрущевым нанесла визит ЦК Албанской партии труда, Президиуму Народного Собрания и Совету Министров Народной Республики Албании. На снимке: Н. А. Мухитдинов, Мехмет Шеху, Н. С. Хрущев, Энвер Ходжа.

Н. С. Хрущев и Н. А. Мухитдинов возлагают венок на могилу героев, павших в национально-освободительной борьбе албанского народа.

Ждут дорогих гостей...

Переговоры между партийно-правительственными делегациями Советского Союза и Народной Республики Албании протекали в сердечной, дружеской обстановке.

Московская центральная лаборатория автоматики

Инженеры лаборатории В. Пастухова, Б. Знаменский и Е. Сальнова испытывают авторегистратор основных показателей выплавки стали.

Фото Е. Умнова.

В стенах этой лаборатории сейчас создаются самые разнообразные автоматические приборы и вычислительные устройства для комплексной автоматизации металлургических предприятий.

Сейчас, накануне Пленума ЦК КПСС, у конструкторов и инженеров лаборатории особенно много работы. Заканчивается разработка полупроводникового регистрирующего устройства для доменных печей. Оно позволит ученым и инженерам глубже изучить работу доменных агрегатов и в дальнейшем перейти к созданию своего рода «автоматического мастера доменной печи». Ведутся работы и по автоматизации управления прокатными станами и по созданию первого в мире «электронного сталевара». В ближайшее время станет возможным полностью автоматизировать сложнейший процесс плавки стали.

НОВАЯ ПОТОЧНАЯ ЛИНИЯ

На Московском заводе низковольтной аппаратуры начала работать универсальная переменно-поточная линия. На конвейере длиной 164 метра равномерно распределены 6 рядов лотков со специальной тарой. Это позволяет вести одновременную сборку различных видов электроаппаратуры: магнитных пускателей, реле, кнопочных станций.

Линия спроектирована в институте «Оргстанкинпром».

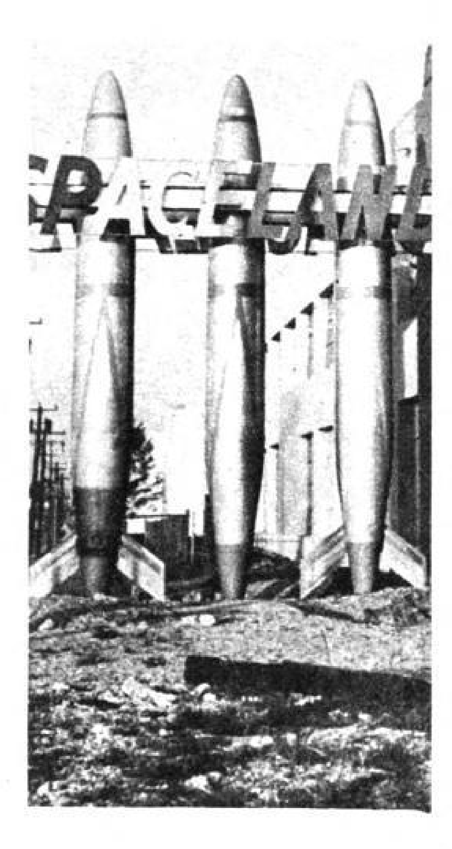
С пуском новой переменно-поточной линии значительно повысилась производительность труда, снизилась себестоимость, улучшилась культура производства.

На этом конвейере идет одновременная сборка различных видов электроаппаратуры.

Фото Ф. Короткевича.

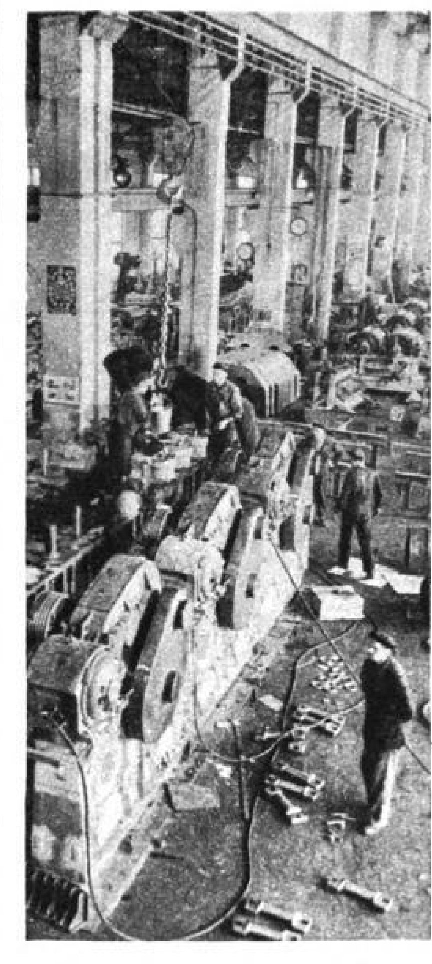
Фотографии напоминают

Уберечь юное поколение от страшной угрозы истребительной войны — этому посвящены помыслы всего прогрессивного человечества, отмечающего Международный день защиты детей. Две публикуемые здесь фотографии напоминают, от чего именно надо защитить детей.

На верхнем снимке изображена не выставка ракетного оружия, это и не двор военного арсенала. Моделями атомных бомб «украшен» вход на детскую площадку в Нью-Йорке.

Нижний снимок сделан в Японии. Над школой в Маедаси проносятся американские реактивные самолеты. Полеты сопровождаются таким шумом, что школьники вынуждены прерывать занятия.

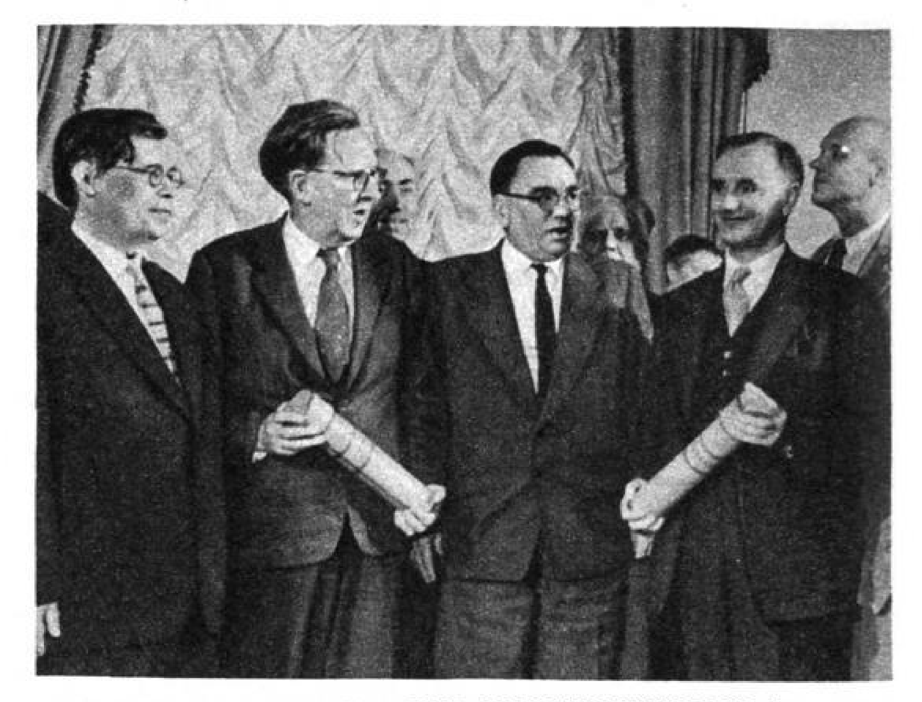

ДЛЯ КИТОБАЗЫ «СОВЕТСКАЯ УКРАИНА» на Ростовском машиностроительном заводе изготовили валковый пресс. На этом прессе будет холодным способом отжиматься жир из покровного сала китов.

Эта первая в мире машина создана советскими конструкторами, рабочими и инженерами.

На снимке: сборка валкового пресса.

Фото Ю. Беловолова.

ДИПЛОМЫ ИНОСТРАННЫХ ЧЛЕНОВ АКАДЕМИИ НАУК СССР были вручены на днях в Москве английским профессорам Д. Д. Берналу и С. Ф. Пауэллу.

На снимке: после вручения дипломов (слева направо) — академик Н. Н. Боголюбов, профессор Д. Д. Бернал, вице-президент Академии наук СССР А. В. Топчиев, профессор С. Ф. Пауэлл.

Фото Г. Санько.

80 ШКОЛЬНИКОВ-ИНСТРУКТОРОВ готовит Ставропольская детская туристская станция. Кроме изучения теории, они получают практическую подготовку в походах.

На снимке: шестиклассники Витя Платов (справа) и Сережа Козловский ориентируются на местности по компасу.

Фото О. Пожарского.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ДЕКАДА В МОСКВЕ

Вот они во всей своей юной красе и грации предстали на декаде перед требовательными москвичами — участницы самодеятельного танцевального ансамбля «Чинара», студентки Азербайджанского мединститута. Почти все до одной — комсомолки, активистки, отличницы учебы.

Аплодисментами встречают жители столицы и опытных заводских артистов — танцоров, певцов, музыкантов, чьи таланты сложились и окрепли в крупнейшем самодеятельном коллективе завода имени лейтенанта Шмидта.

Особенно успешно проходят национальные азербайджанские балеты и оперы на сцене Большого театра. С большим интересом москвичи слушают оперы Узеира Гаджибекова «Кер оглы» и «Севиль» Фикрета Амирова, смотрят балет «Семь красавиц» Кара Караева.

Тепло принимают москвичи спектакли, поставленные по пьесам классика азербайджанской литературы Самеда Вургуна двумя театрами: Азербайджанским драматическим имени М. Азизбекова и Русским театром драмы имени С. Вургуна.

На экраны кино вышли азербайджанские картины, посвященные современности: замечательный документальный фильм «Покорители моря» — о нефтяниках Каспия; художественные фильмы: «Ее большое сердце», «Мачеха»...

Москвичи встречаются с людьми, природой, бытом солнечной республики, неисчерпаемо богатой народными талантами.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Азербайджанский самодеятельный танцевальный ансамбль «Чинара» выступает в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

Фото Г. Мочейкиса.

ХОТИМ НА РОДИНУ!

Тысячи и тысячи корейских граждан, живущих в Японии, хотят вернуться на родную землю, в Корейскую Народно-Демократическую Республику. В прошлом, во времена хозяйничанья в Корее японских милитаристов, корейцы уезжали в Японию в безнадежной попытке найти работу, пищу, кров. До сих пор не прекращается поток отчаявшихся людей из Южной Кореи, живущей под гнетом лисынмановцев.

Правительство КНДР широко открывает путь корейским гражданам, оказавшимся в Японии, к новой жизни в свободной, демократической Корее.

На снимке: митинг корейцев, требующих возвращения в КНДР.

ПРЫЖОК К ТИХОМУ ОКЕАНУ

8 430 километров воздушного пути за 560 летных минут!

Садясь в кабину «ТУ-104Б» в Ленинградском аэропорту, трудно было поверить, что путь от Балтики до Тихого океана займет столько же времени, сколько продолжается поездка по железной дороге из Ленинграда в Москву.

Но вот сумерки невской белой ночи сменяются густой, плотной тьмой над горами Урала и сибирской тайгой. Миллионами электрических огней сверкает Свердловск. Над облаками нас встречает рассвет: на левом крыле воздушного лайнера еще серебрятся отблески луны, а на правом — розовеют блики занимающейся зари.

Стремительность путешествия настолько занимает всех пассажиров, что никому не хочется спать.

Остались позади Новосибирск, Иркутск. Лучи яркого солнца освещают кабину. Пилот В. Г. Несмеянов ведет машину прямым курсом от Байкала к Приморью. Внизу в разрывах облаков мелькают китайские города Хайлар, Цицикар, Харбин... И вот золотятся внизу воды Амурского залива, хорошо виден красавец Владивосток, раскинувшийся амфитеатром по склонам холмов.

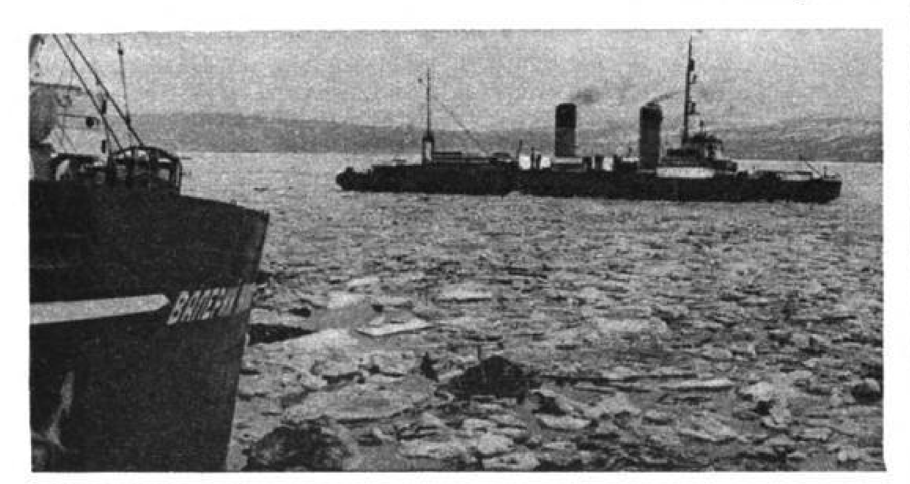
Расписание выдержано точно. Самая длинная в нашей стране воздушная трасса, связывающая Балтику и Тихий океан, открыта.

К. ЧЕРЕВКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Ленинград — Владивосток.

Бортпроводница Л. Д. Павлова угощает пассажиров завтраком.
Фото автора.

РАНО ОТКРЫЛАСЬ НАВИГАЦИЯ В МАГАДАНЕ. Сквозь тяжелые льды бухты Нагаево ледокол «Анастас Микоян» провел первый караван.
Фото Я. Романцова

РИЖСКИЙ УИМБЛДОН

Уимблдон — местечко под Лондоном, где ежегодно проводятся открытые состязания на первенство Англии по теннису. Со всех континентов туда съезжаются сильнейшие мастера ракетки. По существу, в Уимблдоне разыгрывается неофициальное первенство мира.

Вот уже несколько лет в Риге весной собираются самые сильные теннисисты Советского Союза, чтобы после зимней тренировки выступить в состязаниях на открытых площадках. Это своего рода «всесоюзная прикидка» накануне грядущих летних турниров. Совет Министров Латвийской ССР установил специальные призы для победителей соревнований,

Анна Дмитриева в финальной встрече.

теперь уже ставших традиционными.

Местные жители метко назвали эти встречи «рижским Уимблдоном». В нынешнем сезоне турнир представлял особый интерес, так как в нем приняли участие спортсмены Венгрии и Чехословакии, и среди них такие известные мастера, как Золтан Катона, П. Корда, Клара Бардоци.

Еще в марте на закрытых кортах «Динамо» в Москве в дни ежегодных зимних состязаний молодые теннисисты впервые пошли в открытое наступление на позиции, которые слишком долго были заняты ветеранами советского тенниса. Это походило на «разведку боем». Атака имела частичный успех. Теперь молодым спортсменам предстояло встретиться не только со своими ветеранами, но и с опытными зарубежными мастерами ракетки. Это придавало соревнованиям дополнительный интерес.

Рижане, наблюдавшие встречи теннисистов разных поколений, не были разочарованы. Они увидели разнообразную технику и тактику игры, которой, кстати сказать, блеснули именно молодые спортсмены.

У женщин хорошо зарекомендовали себя В. Кузьменко (Киев), И. Рязанова (Тбилиси) и особенно восемнадцатилетняя А. Дмитриева (Москва), вышедшие на первые места во всех видах: в одиночном, парном и смешанном разрядах.

У мужчин борьба в основном шла между М. Мозером (Киев), Т. Лейусом (Таллин) и А. Потаниным (Ленинград). Интересно, что ни многократный чемпион СССР С. Андреев, ни венгр З. Катона, ни чех П. Корда не сумели противостоять молодым теннисистам и «сложили ракетки» в четвертьфинале и в полуфинале. М. Мозер в пяти сетах обыграл С. Андреева, а Т. Лейус в четырех сетах добился победы над П. Корда. И только опытный З. Катона оказал серьезное сопротивление А. Потанину. Их встреча носила крайне напряженный характер. Успех, как чаши весов, склонялся то в одну, то в другую сторону. Был момент, когда казалось, что венгр добился решающего преимущества, но молодость взяла верх. В итоге две последние партии, а вместе с ними и матч выиграл А. Потанин.

Несколько иначе проходил другой полуфинал: М. Мозер — Т. Лейус. В марте, на закрытых кортах, помнится, таллинец с большим трудом обыграл киевлянина, а на сей раз М. Мозер, как выражаются теннисисты, «едва успевал подбирать мячи». Школьник Томас Лейус выигрывал с нарастающим темпом: 6:3, 6:1, 6:0.

Финальную встречу Т. Лейуса и А. Потанина нельзя назвать интересной, но все же борьба, проходившая больше четырех часов, позволила выявить все достоинства и недостатки молодых теннисистов не только в физической подготовленности, но и в области технического мастерства. Лишь упрощенная тактика — игра преимущественно у задней линии, продиктованная извечным страхом равных по силе финалистов,— не дала возможности ни одному из соперников показать разнообразную игру на корте. К тому же испытывалась и нервная система. Лейус показал поразительное спокойствие, выдержку и умение держать себя на площадке, чего никак нельзя сказать о А. Потанине. Победил школьник Томас Лейус. Итог состязания красноречиво говорит о степени его напряженности: 6 : 3, 6 : 8, 8 : 6, 0 : 6, 8 : 6.

В женском финале встретились К. Бардоци с А. Дмитриевой. В первой партии москвичка легко победила со счетом 6:1. Вторая партия проходила в очень красивом, упорном состязании. Обе спортсменки показали высокий класс игры. Победа снова досталась А. Дмитриевой — 7:5.

Так молодые теннисисты уверенно заняли первые позиции. Им уже время выходить на большую международную арену, если даже на первых порах их там и подстерегают неудачи.

М. МАРТЫНОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото В. Прикулиса.

Рига.

Томас Лейус в игре с А. Потаниным.

Рассказы о новых науках

МАЛЕНЬКОЕ СОЛНЫШКО

Вл. КРУПИН

Фото автора.

Для нашего уха стали уже привычными такие сокращения: АЭС, ВЭС, ГЭС. Каждый и без словаря определит, что означают эти сочетания букв: атомная, ветровая, гидравлическая электростанции. Но ни в одном еще словаре или энциклопедии нет объяснения тому, что такое БЭС. Дело в том, что биоэнергетические станции только начинают свою жизнь.

Болото в бетоне

Однажды в детстве меня остановил в сумрачном подъезде мой сверстник.

— Ты был на горящем болоте?

— Нет.

— Махнем?

— Махнем!

Вскоре мы очутились в пригородном лесу. Он встретил нас запахом прели, кваканьем лягушек. У небольшой лужи, поросшей осокой и тиной, предводитель нашей экспедиции остановился, вынул из-за пазухи коробку спичек и торжественно объявил:

— Сейчас я зажгу воду!

Тогда я еще не знал знаменитой басни о синице и высмеять его с помощью цитаты из классиков не мог. Я покорно делал все, что мне приказывали: сломал прут подлиннее, лег на берег болотца и сунул в воду хворостину. Со дна набежали пузырьки. Вовка тоже лег, поднес к пузырькам спички. И — о, восторг!—вода «зажглась»: над ней вспыхнули и забегали голубые язычки пламени.

Случай этот я вспомнил вот почему.

Кандидат технических наук Георгий Давидович Ананиашвили, показывая мне первую биоэнергетическую станцию, созданную в Грузии, в совхозе «Крцаниси», под его руководством, обронил такую фразу: «Перед вами болото в бетоне».

Почему болото? Да потому, что в бродильной камере БЭС происходят те же процессы, что и на дне болот. Вот в чем их суть.

Камера наполняется органическими отходами, прежде всего соломой и навозом. Затем заливается водой и подогревается без доступа воздуха примерно до 30—35 градусов. Проходит некоторое время, и поверхность всей этой массы начинает «дышать». Она покрывается пузырьками, которые то и дело лопаются. Поднесите тогда к заводной трубке, что торчит над камерой, спичку — и перед вашими глазами заколеблется призрачно голубое пламя. Откуда взялся этот огонь?

Русский ученый В. Л. Омелянский открыл еще в 1902 году особый вид микроорганизмов — метановые бактерии. Излюбленные места их обитания — болотный ил, мусорная яма, гора преющих опилок. Немного тепла и влаги, полное отсутствие воздуха — вот и все, что им нужно для жизни.

Попав в благоприятную среду, метановые бактерии начинают бурно развиваться. Тогда-то и появляются в болоте уже знакомые нам пузырьки. В каждом из них продукт «дыхания» бактерий — болотный газ.

От пробирки до газгольдера

Какие выгоды БЭС сулят народному хозяйству?

Пройдем по территории любого совхоза. Сколько здесь добра под ногами: картофельная ботва, очесы льна, опилки, выполотые сорняки! Изо всех этих сельскохозяйственных отходов можно получить метан. И довольно много. По расчетам грузинских ученых, БЭС на базе фермы в двести дойных коров и пятьдесят свиноматок будет давать тысячу кубометров отличного газа! Много ли это? Порядочно. Хватит, чтобы обеспечить горячей водой, электрическим светом и отопить ферму да сверх того поставить двести газовых плиток в дома поселка.

Отработанная масса отходов даром не пропадет: ведь это — превосходное удобрение. Опыты показали, что при внесении полного минерального удобрения урожай пшеницы увеличивается на десять процентов против обычного. А отходы, претерпевшие метановое брожение, дают прибавку на двадцать семь процентов!

За каждой цифрой, которая ошеломляет собеседника своей простотой и значимостью, тысячи опытов, годы напряженного труда, дни раздумий и часы сомнений. Не сразу пришел успех. И далеко не все ему способствовали. Даже друзья иронически улыбались, услышав, что Георгий Давидович опять всю неделю пропадал на скотном дворе. А скептики от науки уверенно прочили Ананиашвили провал. «Все равно из вашей затеи ничего не выйдет», — писал ему один специалист в области азотных удобрений.

Еще строже, чем любой скептик, задавал себе вопросы Георгий Давидович. Как обеспечить герметичность генератора и всей сети? Чем заменить металл в строительстве? Как удешевить БЭС?

Но вот перед нами Крцанисская БЭС. Железобетонная камера, где образуется метан, газгольдер, сделанный из старой цистерны. Отсюда газ подается в коровник. Здесь водогрейная колонка, плита московского завода «Газоаппарат» — вещи, ставшие обыденными в городской квартире, но никак не на совхозной ферме. После работы доярки заходят в душевую, вспыхивает газ, и через несколько секунд горячие струи воды дробно стучат по настилу...

БЭС в Крцаниси бесперебойно работает уже целый год. Ее опыт подтвердил возможность широкого биоэнергетического строительства в сельской местности. В Запорожской области, в колхозе имени Сталина, Марнеульского района, Грузинской ССР, построены новые станции.

Расчеты показывают, что сооружение БЭС доступно и выгодно каждому колхозу. Деньги, вложенные в установку производительностью 220 кубометров газа в сутки, окупятся примерно за два года. Это не считая прироста урожайности, который будет получен благодаря удобрению с высоким содержанием азота.

Будущее биоэнергетики

На столе две пухлые папки. Сотни страниц машинописного текста, десятки диаграмм, таблиц, фотографий. Докторская диссертация Г. Д. Ананиашвили «Основы биоэнергетики и биоэнергетического строительства». Несколько дней назад в ней дописана последняя фраза.

Биоэнергетика как наука возникла на стыке трех отраслей знания — энергетики, агрохимии и микробиологии. Ни в одном институте страны нет еще такого ученого совета, чтобы он включал специалистов одновременно по всем вопросам, поставленным в диссертации.

Где же будет защищать свой труд грузинский ученый? Президент ВАСХНИЛ П. П. Лобанов обратился в Высшую аттестационную комиссию с ходатайством создать для этой цели авторитетный ученый совет.

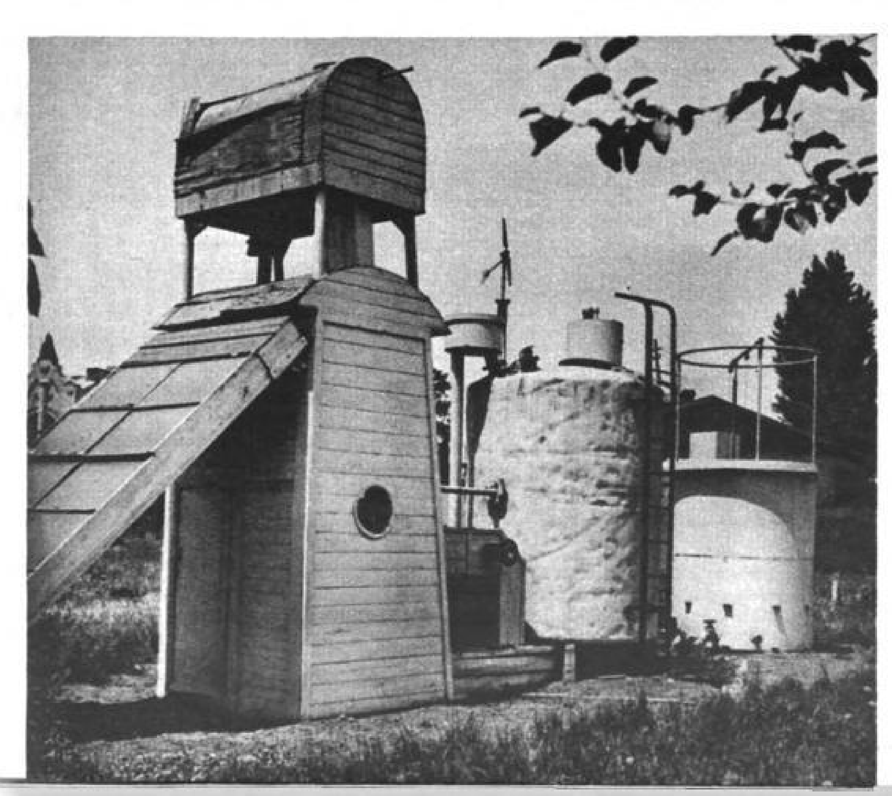
Г. Д. Ананиашвили у приборов Крцанисской БЭС.

Каждый день на имя Георгия Давидовича приходят десятки писем — с Урала и целины, из Чехословакии и Средней Азии. Содержание их одинаково: «Пришлите проект!» А вот бандероль из Китайской Народной Республики. Товарищ Ян Цунь-бао, побывавший в прошлом году в Крцаниси, прислал брошюру о первых шагах биоэнергетического строительства у себя на родине. Тепло и проникновенно пишет ученому молодой солдат из Сибири: «Каждая БЭС, по-моему, — это маленькое солнышко. И мне очень хочется, чтобы у нас в стране было как можно больше таких «солнышек»!

Что ж, этого хотят многие. Газифицировать село, не строя магистральных трубопроводов и распределительной сети, не тратя средств на поиски и разработку месторождений, — великолепная мысль! Представим на минуту колхозную БЭС недалекого будущего мощностью тысячи на три кубометров газа. Как будто все так же — генератор, газгольдер, трубы. Но присмотритесь внимательнее: во всех сооружениях нет почти ни килограмма металла — бетон, кирпич, асбоцемент, керамика. Отпускная цена газа — пять копеек за кубометр, удобрений — рубль за тонну, электроэнергии... Да, электроэнергии! Биоэнергетическая станция будущего — это своего рода теплоэлектроцентраль в миниатюре. Газ, выработанный в камере брожения, приведет в действие движок или даже турбину колхозной электростанции. Газобаллонные автомобили и тракторы, принадлежащие артели, будут заправляться горючим местного производства.

А если БЭС соорудить при каждой ферме? Тогда все колхозы и совхозы страны будут обеспечены теплом, светом, горючим и удобрениями. Ибо на основе отходов животноводства в Советском Союзе можно построить биоэнергетические станции общей мощностью пятьдесят миллионов киловатт. Это двадцать Волжских ГЭС имени Ленина!

Таковы перспективы биоэнергетики — науки, рожденной у нас в стране.

«Бабушка» биоэнергетических установок — опытная БЭУ Грузинского института механизации и электрификации сельского хозяйства.

ТРЕВОГА ЛЮДЕЙ АНГЛИИ

Ноуэл ДЖОНСОН

Дети Англии такие же, как дети любой страны. Такие же живые, забавные, любознательные, такое же совершенство в глазах своих любящих матерей. Они такие же озорники, как их сверстники в любой части нашей старой, доброй планеты.

Но в день, когда матери всего мира поднимают голос в защиту своих детей от ужасов истребительной войны, хочется сказать несколько слов об одной вызывающей тревогу проблеме, относящейся к подрастающему поколению Англии.

Уже в течение многих лет я сталкиваюсь по роду моей общественной деятельности с детской преступностью. Я работаю судьей в судах, занимающихся рассмотрением дел малолетних правонарушителей.

Рост преступности малолетних в Англии за последнее время несомненен. Он вызывает серьезные размышления у всех, кто заинтересован в будущем нашей молодежи.

Почему дети предстают перед судами, разбирающими дела малолетних? Причин много. Разрушенный семейный очаг — вот одна из главных бед многих наших детей. За последние десять лет все больше и больше женщин вынуждено искать заработка: цены на все товары резко повысились за этот период, заработной платы мужчин часто стало не хватать на то, чтобы поддерживать в семье прежний уровень жизни. И матери уходят на работу. Во весь рост встает проблема детской безнадзорности.

Наши дети начинают ходить в школу с пяти лет. Но для более маленьких нет прибежища: детских садов и яслей в Англии практически не существует; те же, которые были открыты в военное время, постепенно закрылись. Некоторые ребятишки пяти — шести лет ходят в школу с ключами от их домов, ключи на тесемках вешают им на шею.

Во время пребывания в Советском Союзе я посетила детские сады. Для советских людей это дело привычное: перед уходом на работу матери могут оставить своих детей и быть уверены, что они находятся в безопасности, хорошо накормлены, и, более того, их учат жить в дружбе, помогать друг другу, учат петь, танцевать, рисовать и мастерить игрушки. Я видела, как детские сады на летние месяцы выезжают из городов, чтобы детишки могли жить в лесу, на цветущих лугах, на берегах рек или озер. Это — великое счастье для советской матери. В Англии мы этого, к сожалению, лишены.

Не менее остра у нас проблема досуга детей. В Англии в субботу школы не работают, как и в воскресенье и праздничные дни. Чем дети могут заняться, особенно в больших городах? В суде перед нами не раз представала такая картина: дети отправляются в одиночку бродить по большим магазинам и воруют с открытых прилавков; иногда они собираются в маленькие шайки и «соревнуются» между собой в том, кто может добыть больше сластей и прочего таким вот незаконным путем.

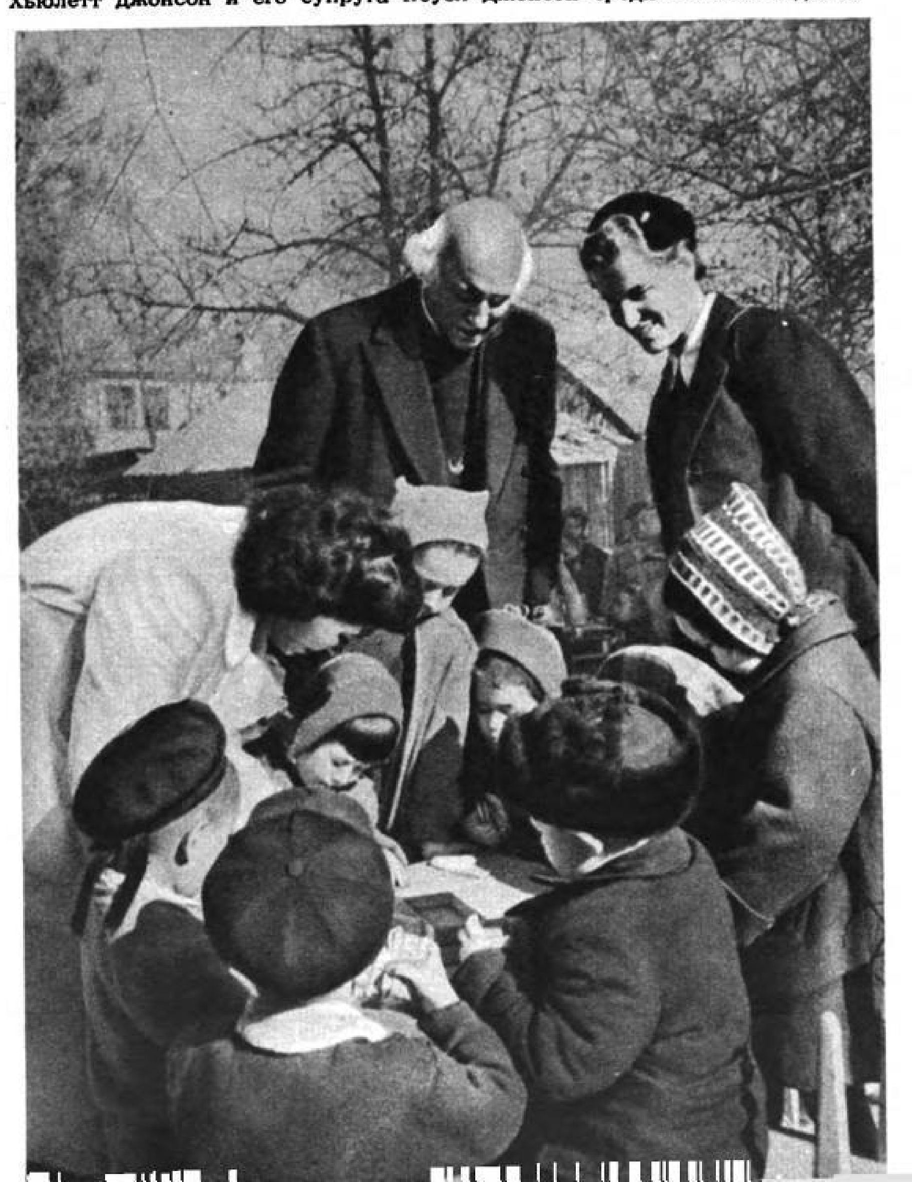
Одна группа маленьких ребят, помнится, играла в пиратов. Они влезли по пожарной лестнице на один из этажей здания, которое ремонтировалось. Через дыры в стене дети проникли в склад, где хранились игрушки и другие товары. Моментально они набили себе карманы этими вещами, спустились вниз и спрятали свои трофеи в строительном мусоре. Мальчишки предстали перед судом, их пожурили и отпустили с условием, что они не будут замечены в подобных делах в течение года. Однако такие сравнительно «безобидные» выходки, вызываемые безнадзорностью, могут привести к дальнейшим неприятностям. Один из этих пятерых парнишек начал с того времени воровать, и теперь он находится в специальной исправительной школе.

Велика нужда в Англии в лагерях для детей, где они могли бы проводить праздничные дни и каникулы, в площадках, где бы дети могли играть под педагогическим наблюдением. Правда, в Англии много площадок, создаваемых в порядке добровольной инициативы родителей, вечерние клубы для мальчиков и девочек; однако проблема значительно шире и сложнее, и эти меры, конечно, недостаточны.

Находясь в Советском Союзе вместе со своим мужем и дочерьми в 1956 году, я провела целый день в пионерском лагере. Он расположен на высоком берегу реки, в лесу. Мальчики и девочки целыми днями были заняты интересным, веселым и полезным делом. В остальное время года дети могут проводить время во Дворцах пионеров, где им предоставляется помощь и место для работы и игр. Как нужно нам все это в Англии! Если бы у нас меньше тратили на вооружение, наша страна могла бы иметь все это.

Еще одна причина роста детской преступности в Англии — увы! — та же, что и в Соединенных Штатах и в некоторых других странах. Наша молодежь в кино, по радио, по телевизору ежедневно видит и слышит о насилиях, убийствах, разврате. О том, как это отражается на большинстве английских детей, полных данных нет, но мы хорошо знаем, что имеются дети и подростки, на которых все это оказывает пагубное влияние. Количество судебных дел, героями которых являются несовершеннолетние, за последние годы сильно увеличилось, в том числе и дел об убийствах.

Хьюлетт Джонсон и его супруга Ноуэл Джонсон среди советских детей.

Всего несколько недель назад один подросток сбил с ног беременную женщину, ударив ее палкой. Когда его спросили, почему он это сделал, он ответил, что видел подобную сцену по телевизору и ему хотелось узнать, какое у него будет при этом ощущение. Этот инцидент — один в целой серии таких печальных случаев.

Кинофильмы и телевизионные программы, находящиеся в руках частных лиц, комиксы и отвратительные книжонки на сексуальные темы — все это издается и показывается исключительно для прибыли: чем более они сенсационны, чем больше примеров жестокости, цинизма и разврата они содержат, тем быстрее распродаются. Общественность Англии сильно встревожена этим массовым производством, тлетворно влияющим на незрелые умы молодежи.

В последнее время многие в Англии сильно обеспокоены новым явлением: безработицей среди подростков. Безнадежные поиски работы после окончания школы порождают в них горькое чувство, что они отщепенцы, которым нет места в жизни; они рано начинают страдать от ощущения своей неполноценности. Шестнадцатилетний парнишка предстал перед судом за кражу сигарет. Год тому назад он бросил школу. Девять месяцев был рабочим. Потом предприятие закрылось, и он оказался безработным. Суд вынес ему условное наказание. Спустя месяц я встретила этого парня на улице. Было одиннадцать часов утра. Он медленно брел, разглядывая витрины магазинов, то бесцельно останавливаясь на некоторое время, то снова пускаясь в путь. Найти работу оказалось для него невыполнимой задачей.

Недавно в Ливерпуле была созвана конференция по вопросу о безработице среди молодежи. Делегация, возглавляемая судьей, обратилась с запросом к лорду — мэру города. Из разных городов собираются осенью направиться в парламент с петициями делегации общественности. Однако можно ли многого ожидать от этого, если предприниматели открыто утверждают, что они приветствуют безработицу как средство, предотвращающее нежелательный им рост заработной платы?

Таковы проблемы, с которыми приходится иметь дело у нас в Англии, и каждая из этих проблем имеет прямое отношение к жизни и благосостоянию людей. Правда, как я уже сказала, малолетние преступники составляют меньшинство прекрасной английской молодежи, которой мы по справедливости так гордимся.

Находясь в чудесной Ялте, я много думала над тем, какие огромные возможности предоставляются детям, юношам и девушкам в Советском Союзе. Никакого страха перед тем, что советский молодой человек может оказаться безработным! Любые возможности для получения образования. Грандиозный семилетний план, гарантирующий возможность всем трудиться творчески, с пользой для себя и для народа.

И я не могла не пожелать, чтобы наша английская молодежь имела тоже такие великолепные возможности, такой прямой и ясный путь в жизнь.

РУКА Леонида Леонова

Владимир ОРЛОВ

Энгельс прославил человеческую руку, способную как бы силой волшебства вызвать к жизни картины Рафаэля, статуи Торвальдсена, музыку Паганини. Рука мастера носит след его мастерства.

Рука Леонида Леонова неожиданна. Это не рука поэта, избалованная весом гусиного пера, но рука краснодеревца, шершавая от лака и политуры, рука садовника в мозолях от заступа, с частицами земли в порах. Карандаш в руке Леонова представляется инструментом какой-то более острой технологии, чем обычная принадлежность для письма,— долотом резчика или иглой гравера.

Когда тихо проходишь через маленький сад, где на каждом метре земли произрастают разнообразные доказательства сизифова упорства и громадной ботанической эрудиции его хозяина, где за каждым камешком благоденствует капризное зеленое создание; когда всматриваешься украдкой сквозь раскрытое окно в кабинет писателя, похожий на мастерскую, и видишь человека, склоненного над токарным станком, над кудрявой стружкой, завивающейся прихотливо, начинаешь лучше понимать генезис леоновской строки.

Вот она, знакомая, микроскопически мелко выгравированная строчка! Она пряма, как авиационная трасса, но при этом затейливо кудрява, словно летчик добирался до цели непрерывной вязью фигур высшего пилотажа. Строчка ложится за строчкой на листе широком, как чертежный ватман. Он разделен вертикальными графами на столбцы. Строки так тесны, что в каждом столбце умещается несколько страниц машинописного текста. Достигается необычная широта обзора. Как бы с птичьего полета озирает писатель рукописное поле, истребляя монотонности, глушащие мысль, искажающие музыку слова. Накопляются вставки, варианты: все соседние столбцы параллельно заполняются текстом. Получается что-то вроде партитуры симфонии, разносимой по голосам. Но столбцов уже явно не хватает. Прилепляются бумажные квадратики, испещренные мелкой леоновской вязью, и трепещут у края листа, как флажки.

Происходит процесс в такой степени ответственно-кропотливый, что любитель старинных метафор уподобил бы его ковроткачеству, а приверженец новой метафорики — программированию для электронных машин.

Но на этом дело не заканчивается. Историкам литературы предстоит прийти к документальному выводу, что один лишь вид машинописной страницы вызывает у Леонова ярость. Он кидается на нее с пером наперевес и еще и еще раз вступает в затяжную серию схваток с самим собою. Затухая, борьба переходит в гранки и снова вспыхивает в сердцевине мирно сверстанного текста...

О, какая это могучая правка! Фразы глыбами идут в отвал. Текст не просто улучшается, но преображается удивительно и нежданно.

Назидательно было бы экспонировать подобные рукописи где-нибудь в музее охраны труда, чтобы раз и навсегда покончить с обывательскими байками о привольном и легком писательском житье. Возникает сомнение в диагнозе: от садового ли заступа мозоли на руках Леонова или вот от этого наилегчайшего, словно бы гусиного пера?

Так в горниле вдохновения завивается каленая леоновская строка, распестренная всеми цветами побежалости: радостью, гневом, печалью, иронией — всем!

Так слагается книжная страница, обладающая всеми достоинствами того классического полотна, где широкий очерк целого сочетается с подробностью миниатюры; страница густая, как леоновский сад, где на каждом квадратном сантиметре распускается неожиданным цветом самобытное русское слово, орошенное пóтом трудолюбца и согретое теплотой садовничьей руки.

Так располагается в одну неповторимую группу миллион типографских значков, составляющих леоновский роман: цифра бóльшая, чем видно обычным глазом звезд на трехстах небосводах.

Так рождается призматической формы заряд, именуемый книгой, более мощный, чем ядерная энергия, потому что пред силою советского гуманизма поникает, смирясь, грибовидное облако; зажигательней, чем атомный взрыв, испепеляющий тело, потому что способен зажечь души, воспламенить сердца, повести их на бой за победу коммунизма.

Как и все замечательные произведения советской литературы, романы Леонова рождены в теснейшей связи с жизнью народа, с современной действительностью. Это либо итог командировок на стройки первой пятилетки, либо плод раздумий над судьбами интеллигенции в реконструктивный период, либо результат исследования народнохозяйственной проблемы, столь фундаментального, что оно могло бы иметь самостоятельный научный интерес.

Архитектоника романов Леонова оригинальна и сложна. Это крепкие, виртуозно возведенные постройки, где удачно и верно найденные конфликты, словно мудро расставленные пружины, в нарастающем темпе движут действие.

Литературоведы спорят о том, какое место занимают романы Леонова в разветвленном русле развития русской национальной литературной формы. Нам хотелось бы обратить внимание на гоголевское русло. На обложке «Мертвых душ», нарисованной Гоголем, выделено в рамке слово «поэма». Гоголь хотел подчеркнуть, что отказывается от обычных романных форм и прибегает к форме произведения с высоким поэтическим строем. Несмотря на отличие стиля Леонова от гоголевской манеры, слово «поэма» может быть поставлено на титуле всех леоновских романов. Все они развиваются по принципам поэтическим; автор не разменивается на мелкие подробности бытия, но спешит подняться до широких обобщений, до мышления крупными, монументальными образами. Поэтическая образность безмерно расширяет идейный смысл и тематику романов Леонова, далеко выводя их за пределы чисто производственной проблемы. Получаются произведения как бы эшелонированные в глубину, где за внешними рядами действия открываются глубинные ряды философских построений.

Русский лес в удостоенном Ленинской премии одноименном романе выступает как величественный символ жизни во всей сложности ее внутренних связей, как живое воплощение красоты и богатства, могущества и бессмертия Родины. А поэтому главною темой романа становится тема отношения к жизни, к родному отечеству, проблема патриотизма и высокой гуманности. Победа правды в романе — это не только победа передовой лесохозяйственной теории, но и торжество всего коммунистического мировоззрения, его философии и его морали, торжество диалектики над бесплодной метафизикой, торжество патриотизма над предательством, торжество живого над мертвечиной.

Пусть эстеты, смакующие зарубежное буржуазное чтиво, упивающиеся обнаженностью чувствований современных Адамов с пробором, пусть опомнятся и ответят нам, где, в какой стране появилось произведение, отличающееся бóльшей заботой о творческой личности, бóльшей тревогой за судьбы всей планеты, чем прославленный «Русский лес»!

Колоннада драматических произведений Леонова образует некий форум, где решаются высокие моральные проблемы. В пьесах драматурга герои не изменяются. Они так же неизменны, как клинки из светлой и темной стали, и поднятие занавеса знаменуется звоном скрещенных клинков. Но с каким напряженным вниманием следят зрители за скрещением блестящей и ржавой стали, за упрямым борением идеологий и с каким восторгом приветствуют победу светлых сил!

Ах, как хороша публицистика Леонова! Так и видишь, шагает по газетным страницам молодой, красивый, грозный богатырь и сторонится в страхе, разбегается врассыпную всякая враждебная нечисть. Победительный напор, упоение боем публицистики Леонова военных лет можно уподобить лишь танковому маршу его легендарной «двести третьей» из финала «Взятие Великошумска».

Леонов — певец нашей победы, но он же скорбный сказитель, повествующий о страданиях народа во время фашистского нашествия на нашу страну. Потому так ярки и убедительны его речи и статьи в защиту мира, появившиеся в послевоенные годы. Потому так страстны его выступления в защиту «зеленого друга» на истерзанной войною земле...

Открыватель «русского света» академик Василий Петров срезал кожицу на кончиках пальцев, чтобы лучше почувствовать толчки нарождающегося электрического тока. Вот такой же обостренной чувствительностью обладает рука Леонида Леонова.

Потому так отрадно сознавать, что средь леса рабочих рук слесарей, комбайнеров, механиков, доярок — мастеров и хозяев нашей жизни — при решении важнейших государственных проблем на сессии Верховного Совета СССР поднимается и рука советского писателя Леонида Леонова.

В день его шестидесятилетия мы с глубоким чувством пожимаем эту славную, мастеровую, вдохновенную руку.

РАСКОПКИ ПОД МУЗЕЕМ...

Шел капитальный ремонт в знаменитом горьковском музее — «Домике Каширина». Под стеной, отделяющей комнату от кухни, были замечены сгнившие доски — одна над другой. А за досками появилась насыпная земля. Уже при первом осмотре были найдены вещи из домашнего обихода, описанные А. М. Горьким в повести «Детство»: коклюшки, которыми бабушка плела кружева; веретена няньки Евгении; наперстки — как известно, красильщики Каширины много шили. Были найдены также нательный крест, монеты.

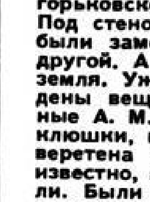
Оказалось, что обнаруженные доски — часть сруба давно заброшенного подполья. Все подполье было наполнено насыпной землей.

Найдены остатки глиняной, стеклянной и фаянсовой посуды, остатки рыболовецких сетей и старинной обуви, детские игрушки, нитки бисера, гусиные перья и многое другое.

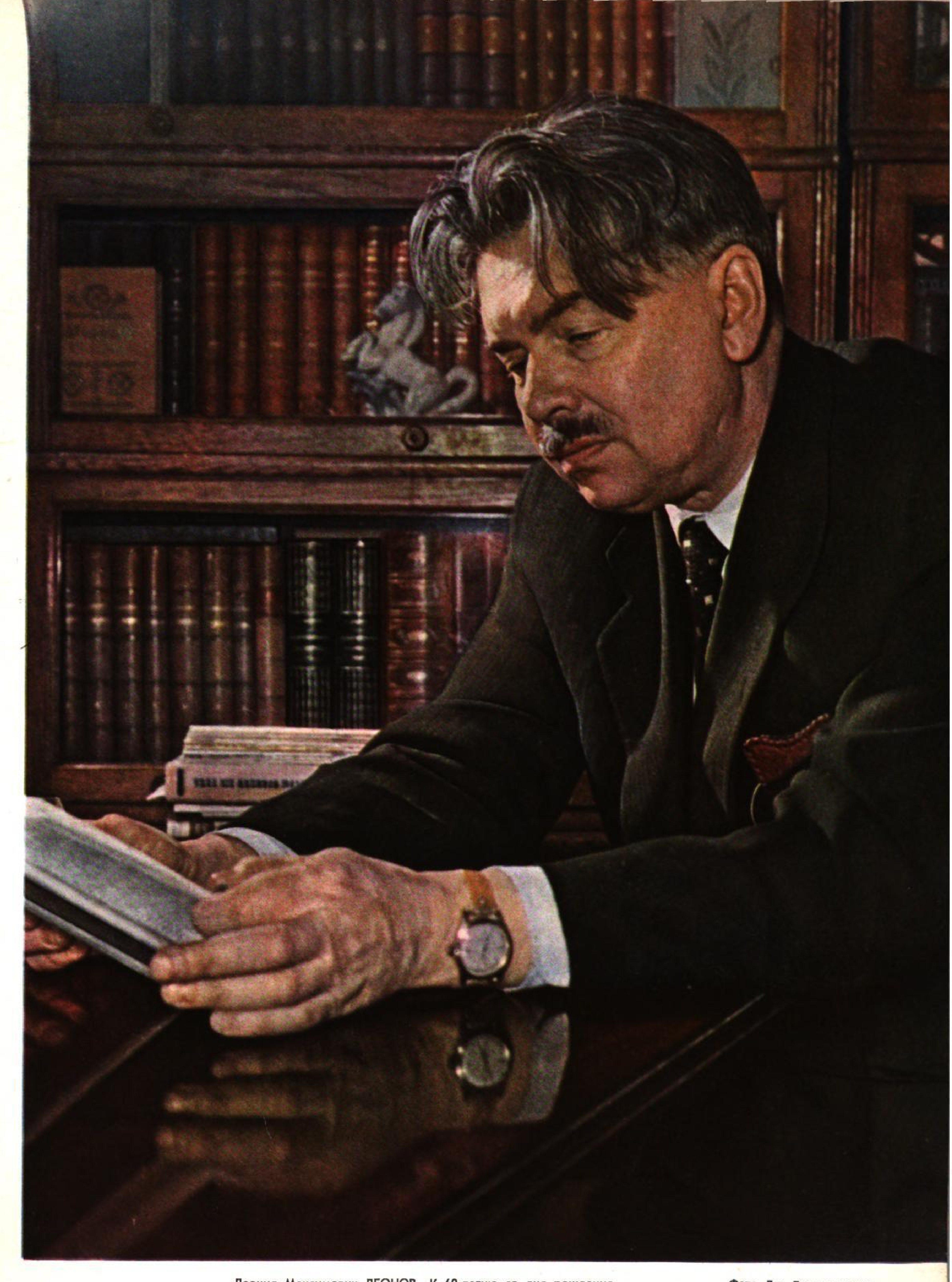
«Домик Каширина» в Горьком — один из популярнейших музеев Поволжья. В прошлом году его посетило более 70 тысяч человек.

Н. ЗАБУРДАЕВ,
директор Государственного музея А. М. Горького

← Сотрудники музея С. В. Буслаева (слева) и П. С. Кузнецова рассматривают найденные при раскопке предметы.
Фото Н. Капелюша.

Леонид Максимович ЛЕОНОВ. К 60-летию со дня рождения. Фото Дм. Бальтерманца.

Ч. Ахмаров. ФРАГМЕНТ РОСПИСИ КАЗАНСКОГО ТЕАТРА.

ВЫСТАВКА МОНУМЕНТАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ МОСКОВСКИХ ХУДОЖНИКОВ.

Н. Кавтарадзе, М. Сидоров, В. Фукс, Р. Сурская, В. Хрящев.

ЭСКИЗ ДЕКОРАТИВНОГО ПАННО «МОЛОДОСТЬ МИРА».

Товарищ Елкин

Маленькая повесть

Вадим **КОЖЕВНИКОВ**

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Елкин заботился о своем организме. Делая заказ официантке, он внушал:

— Без первого, два вторых. Понятно? От жидкой пищи полнеют. Обратите внимание.— Отодвинувшись от стола, хлопал по животу ладонью, жаловался: — Глядите, уродство какое! А был как хворостинка.— Отпустив официантку, сообщал доверительно:—Главная моя любовь — шашлык. Но разве в трассовой столовке его стряпают? В Москве исторический ресторан имеется — «Арагви». Вот там удовлетворяют человека!

— Охота тебе столько слов о жратве!

— Я же для аппетита, для соков, пусть выделяются.

И о внешности своей Елкин тоже заботился. Даже в рабочее время носил кубанку из серого каракуля. Пробривал на верхней губе узенькие, стильные усики. Входя в помещение, тотчас вынимал из кармана круглое зеркало, гребенку и начинал налаживать пробор в поредевших волосах. Плешивость свою объяснял охотно:

— Это у меня не от аморального поведения, а от газов волосы повылазили.

— От каких еще газов?

— А вот ведешь пальбу из танка, угоришь, башку ломит. Я даже первое время в санчасть ходил, пирамидону выпрашивал.— Задумывался.— Весьма возможно, и от порошков волос повредился.

Зарабатывал Елкин много. Он с равным мастерством работал на тракторе, трубоукладчике, бульдозере, даже на новом трубогибочном агрегате. Сберегательную книжку, бережно обернутую в целлофан, носил всегда при себе и, охотно показывая, сообщал с достоинством:

— Прошлый месяц вместе с премией три тысячи отхватил! Профессорская ставка, а?

— А ты хапуга!

— Не с того края критикуешь,— спокойно возражал Елкин.— Получка — самый правильный показатель, кто как работает. С моим здоровьем и квалификацией можно и больше заработать, но я режим соблюдаю, надрываться мне врачи не велели.

— Ты что, хворал чем-нибудь?

— Нет, болезней у меня во всю жизнь никогда не было.

— Значит, на фронте ранен?

— Я человек везучий, в бою ни разу ничем не задело.

— Что ж ты тогда докторов беспокоишь?

— После лагеря у меня иногда бзик бывает, велели периодически наведываться.

— Срок отбыл или реабилитированный?

— Да я не у своих, я у немцев содержался.

— Выходит, в плен взяли?

— Не взяли, а сам к ним дошел.

— Да ты что, дезертир, сволочь?!

— Если ты такой нервный, так мне с тобой разговаривать неохота. Я сам нервный, только от людей скрываю.

— Нет, ты договори до конца, раз начал.

— Пропало у меня удовольствие с тобой разговаривать! — сурово произносил Елкин и предупреждал: — Больше ты ко мне с разговорами не подходи! Обижу.

Но если бы собеседник проявил выдержку и проницательность, то он узнал бы кое-что любопытное об этом на первый взгляд не очень-то симпатичном человеке.

Вообще плохое распознать в человеке легче, чем хорошее. Для этого ни особого ума, ни таланта не требуется. Тем более, что в характере русского человека щепетильная застенчивость часто мешает ему высказывать прямо то, что свидетельствовало бы о нем с лучшей стороны.

Говорят о себе такие люди обычно несколько иронически, словно боясь, чтобы не подумали о них лучше, чем они есть. И словно боясь тонкости, нежности, доброты своей натуры, они защитно пользуются грубостью, сохраняя в ней, как в корявой, жесткой ореховой скорлупе, мягкую сердцевину своего характера.

Вот, скажем, тот же Елкин пришел к заведующему орсом просить, чтобы тот принял на работу одну женщину. Но как он рекомендовал ее? Усевшись перед канцелярским столом на табуретку, положив ногу на ногу, отставив левую руку с круглым зеркальцем и правой с расческой раскладывая поперек лысины чахлые волосы, говорил доверительно:

— Я, товарищ Хлебников, феминку нашел для передвижной лавки, прямо закачаетесь! На что я мужчина хладнокровный, и то все поджилки затряслись. В журналах портрет трофейной «Мадонны» помните? Так эта гражданка получше.

Хлебников, тощий, плоский, со светлыми, рыбьими глазами, спросил деревянным голосом:

— В торговой сети прежде работала?

— Да у ней же улыбка, Петр Игнатьевич! Под такую улыбку не хочешь, а самый ваш залящий ассортимент раскупят!

— Пускай сначала пройдет отдел кадров!

— Да вы на нее взгляните, поговорите, составьте объективное мнение! Я же говорю, дама потрясающая!

— Не могу брать торгового работника, основываясь на личном впечатлении.

— Так я сопровожу ее в отдел кадров,— засуетился Елкин,— поскольку вы, значит, не возражаете!

Хлебников предупреждающе поднял костистый, бледный палец и сказал строго:

— Я не возражаю только против того, чтобы любой гражданин проходил через отдел кадров! Но это еще ничего не означает...— помахал он пальцем.

И когда Елкин склонился, Хлебников произнес укоризненно:

— Я вас, товарищ Елкин, как механика уважаю, и ваша рекомендация для меня много значит. Но вы, извините, сейчас, как кобель, рассуждали. Даже, я бы сказал, не совсем прилично.

Конечно, Елкину было стыдно получить от Хлебникова такую отповедь. Елизавета Григорьевна Сорокина, которую он рекомендовал в заведующие передвижной лавкой, была совсем не посторонней женщиной, а вот всетаки наговорил столько пошлых слов, что от болезненного стыда у него снова долго ломило затылок, как это случалось, когда он угорал в танке после боя.

Женская красота успешно и щедро описана в творениях многих прославленных литераторов. Мы же во избежание излишеств и расточительства изобразительных средств сообщим самые краткие сведения о Елизавете Григорьевне: рост средний, возраст тоже, образование законченное среднее.

Сказать конкретно, из каких показателей складывается идеал женской красоты, означало бы допустить вкусовщину, субъективизм, впасть в ошибку.

А в сочинениях могут совершать ошибки только герои, но отнюдь не автор.

В природе любого человека таится художник. Чувство прекрасного присуще каждому.

Хорошая работа вызывает наслаждение, восторг; скверная — отвращение, ярость. В конце концов подлинный мастер любой профессии — изысканный художник своего дела.

Елкин — отличный механик-водитель. Его работой любовались многие рабочие на трассе. Значит, у Елкина чувство прекрасного сильно развито, и он мог острее чувствовать красоту Елизаветы Григорьевны, чем другие.

Но еще до войны, когда Елкин не был отличным механиком-водителем, он увидел Елизавету Григорьевну впервые мельком на улице. Она прошла мимо Елкина под руку с Алексеем Сорокиным.

Девушка лет двадцати, невысокая, гладко причесанная, с несколько великоватыми для ее худенького лица глазами, нормального телосложения, хотя узковатая в талии. Платье — серый креп-жоржет. Обувь — босоножки, размер тридцать пятый — тридцать шестой. В руке сумочка из черной клеенки, издали можно принять за лаковую. Губы некрашеные, бледные от слишком ярких глаз.

Но Елкин ничего этого не заметил. Он оказался вдруг во власти странного ощущения мгновенной грустной утраты чего-то такого чудесного, что было больше и, может быть, лучше, чем только что промелькнувшая мимо девушка, хотя и вызвано ею и ей только присуще.

Сорокин познакомил Елкина с Лизой. Всегда в присутствии Лизы Елкина охватывало застенчивое оцепенение. Он стеснялся смотреть на нее. Курил, глотая дым, разговаривал сипло, отрывисто, угрюмо потупившись, еле двигая сухими, дымящимися губами.

— Какой у тебя приятель неразвитый! — пожаловалась Лиза.

— Это он обалдел: ночами занимается, в машиностроительный поступить хочет. А так был веселый.— И, рассмеявшись, Сорокин добавил: — Купил, чудак, новые ботинки и все на них смотрит, не налюбуется.

Вскоре Лиза вышла замуж за Сорокина. И Елкин с неожиданным облегчением избавился от этого наваждения.

Елкин был волевой и честный парень. Некоторые девушки знали его как веселого, наступательного и инициативного, но он даже думать о жене товарища считал подлостью. Теперь он смотрел на Лизу с таким искренним равнодушием, что вызвал неприязнь.

Ведь любая красивая женщина обижается, если вы хотя бы в чем-нибудь, хотя бы ради объективности не выразите восхищения столь ценным даром природы, каким она наделена.

После автобронетанкового училища Елкин и Сорокин попали на фронт в одну часть.

В боях Елкин никогда не утрачивал тщательно обдуманной осмотрительности. Но не из боязни смерти. Он берег танк.

Брезгливо очищая после боя траки гусениц от налипших кусков, Елкин говорил озабоченно:

— Машина — силища! Тысяч сто цена! А расколотить ее фашист болванкой в два счета может. Кто виноват? Водитель.

— Это на гражданке. А на фронте такое забудь.

— Зачем забывать! Война — дело временное.— Спрашивал сурово: — Чем воюем? Моторами. У кого первого забарахлит, тот и накрылся. По-настоящему тот могилу фашисту роет, у кого техника в лучшем состоянии.

С фанатическим усердием он содержал танковый дизель в чистоте, присущей часовому механизму.

Про Елкина даже шутили: «У него от смерти талисман — гаечный ключ и пучок ветоши».

Елкин всегда уклонялся, если его звали смотреть пленных.

— А зачем мне? — произносил он безразличным тоном.— Нет в этом надобности. Вот развернемся в Берлине на сто восемьдесят, тогда из танка вылезу, сяду на башню, погляжу с высоты на город, на людей просто, по-человечески. А сейчас не могу. Сейчас я хладнокровный, как гадюка.

Английская прославленная разведка после долгих и доскональных изучений своих агентов не нашла ни одного, кому можно было бы с твердой уверенностью в успехе поручить задание чрезвычайной важности. Англичане предпочли живому человеку труп. Они выбросили из подводной лодки у берегов Италии мертвеца, одетого в мундир морского офицера. На груди у трупа была сумка, где лежал «секретный документ» с фальшивой дислокацией английского флота. Сделано это было для того, чтобы ввести в заблуждение немецкий генеральный штаб.

Однажды на рассвете Елкин приволок на санитарных санях дизель, снятый им из подбитого нашего танка почти у самого переднего края противника.

Всю ночь, пока он возился у танка, немцы били из пулеметов и минометов. Елкин получил приказ немедленно явиться к командиру корпуса.

Генерал был невелик ростом. Сух, подвижен, лицо морщинистое, изможденное. И только глаза сверкали задором, злостью. Свежевыбритая голова была цвета перламутра.

— Тебе кто приказал к ним на передний край лазить?

— Это я самовольно,— признался Елкин.

— Тебя же, негодяя, прикрывать пришлось, сколько снарядов потратили!

— Мотор — вещь ценная, он дороже снарядов стоит. Тут наша выгода.

— На твоей машине недавно новый поставили. Зачем полез?

— Я не для себя, я для других.

— Как же ты его один поднял?

— Треногу из бревен поставил и на талях вздернул. У ремонтников консультировался.

— Ты что, смерти не боишься?

— Нет, боюсь. Раз у нас на одну машину меньше, у них лишняя возможность наших ухлопать.

— А ты чего такой шепелявый?

— А вот.— Елкин раскрыл окровавленный рот. В опухших деснах торчали обломки зубов.— Соскочила вага и торцом поддала. Теперь обеззубел.

— Почему сразу не доложил? Такую боль стоишь терпишь!

— Объяви вам: «Извиняюсь, зубы болят, после зайду»,— вы бы меня за такой рапорт пропесочили — лучше не надо.

— На, сержант, выпей, помогает!

— Больше не могу и так совсем пьяный. Ребята со всей роты собрали, у кого что осталось.

— Пьяный, а соображаешь!

— А сила воли на что? Выйду из блиндажа, сразу ослабну, может, такое отчудю, даже понять будет невозможно.

— А если я тебе прикажу быть как стеклышко?

— А зачем?

— Надо, сержант, для одного дела надо.— Генерал коротенькими шажками побегал по блиндажу, остановился, сказал сурово: — Приказываю! Немедля к ремонтникам! Соберешь, проверишь, дизель установишь на двести семидесятый и сейчас же доложишь мне лично!

— Да я же пьяный, зубы болят невыносимо! Две ночи не спал, надорванный и озябший тоже.

— Знаю, сержант, и потому, что знаю, приказываю.

К вечеру, совсем обессиленный, Елкин явился к генералу. Доложить об исполнении приказа он не мог: так сильно опух рот.

Генерал был не один в блиндаже. Уставившись яростными глазами на начальника разведки, он сказал:

— Не тот ваш, а этот наш! Я и комиссар корпуса рекомендуем для выполнения особого задания.— И тут же закричал на адъютанта: — На моей машине в санбат, лечить, кормить самым что у них там есть лучшим! И пусть каждый день докладывают мне о самочувствии!

Когда Елкин ушел с адъютантом, генерал набросился на начальника разведки:

— Обмануть противника — ваша обязанность. Но обмануть советского солдата не позволю! Должен знать, на что послан! — Ласково произнес: — Да разве среди моих танкистов найдется такой, чтобы, даже мертвый, оставил в целости секретный приказ? Он же его заранее вокруг гранаты обвернет, проволокой свяжет и рванет себя вместе с ним в случае чего. Вот чем весь ваш фокус кончится.— Заявил категорически: — Задание может выполнить только человек, знающий, на что он идет, волевой. Вот как этот солдат Елкин. А проверку я ему сделал надежней всей вашей канцелярии. Меня, батенька, партия с семнадцатого года учит в людях разбираться, прошел школку надежней вашей...

Елкину вручили секретный пакет с фальшивым приказом, и он выехал на мотоцикле ночью с целью, чтобы этот приказ обязательно попал в руки врага.

Елкин всегда в беседах уклонялся рассказывать о тех пытках, каким его подвергали, и только пошучивал:

— Про то, что в гестапо каждого стерилизуют,— это брехня. Тут у меня порядок.

Поэтому подробности о том, как его там истязали, нам неизвестны.

Но как бы ни была грубовата эта «байка» Елкина, в ней пряталась целомудренная, застенчивая душа человека, совершившего подвиг, душа, чуждая жажде восторгов, похвал за совершенный подвиг.

И люди, хотя и смеялись, в глубине сердца догадывались, что только очень чистый человек может так говорить про свой подвиг, не боясь, что слова его примут за правду.

Да, это в черте характера моего народа — стесняться высоких слов о самом высоком.

И когда кто-нибудь говорит: «Наши опять нового спутника запузырили, но теперь — солнцу», — я слышу за этим грубым словом «запузырили» застенчиво скрытый безмерный восторг перед эпохальным подвигом наших талантливых людей.

И когда Елкина спрашивали, почему бы ему, холостому, не ухлестнуть за красивой заведующей передвижной лавкой, он отвечал развязно:

— Красивые бабы подхалимов любят: пальто ей подай, галоши подставь, под ручку держи. А я гордый, заискивать перед ними не желаю и к тому же предпочитаю пухлых и толстых: такие гражданки ленивые, потом за тебя всю жизнь не цепляются.

Слова эти он произносил лихим тоном. Но погрустневшие глаза не соответствовали своим выражением бодрому голосу.

В бетонной камере с откидными, как в вагоне, койкой, столиком и сиденьем, зимой замерзая, словно запертый в холодильнике, летом задыхаясь от жары, как в паровой сушилке, измученный пытками, от которых давно погибло бы даже самое сильное животное, Елкин часто лепил из хлебного мякиша лицо Елизаветы Григорьевны; уходя на допрос, он съедал его, чтобы руки или взгляд тюремщика не коснулись этого женского лица.

Елкин не любил купаться со всеми вместе в реке. Выбирал уголок в сторонке. А уж если такого уголка не оказывалось, лез в воду в исподнем. Когда же он поспешно одевался, можно было заметить на его теле глубокие черные полосы, будто выжженные железными прутьями.

Сразу после войны Елкин уехал в деревню для улучшения здоровья. Поступил в МТС разъездным механиком. На свежем воздухе и от хорошей пищи быстро окреп и даже несколько округлился. Но не прошло и полгода, как он стал снова тощим и нервным. Дело в том, что Елкин выбрал Холмскую МТС не случайно.

В районе ее находилась деревушка с неблагозвучным названием Сукино. Жители этой деревушки во время одного нашего неудачного танкового рейда проложили из бревен своих изб гать через болото, и благодаря этому Елкин спасся на танке с поврежденной пушкой от преследования вражеских самоходок. Деревню немцы потом сожгли.

На месте ее был создан бедный колхоз «Красный партизан». Значительная часть людей ютилась в землянках. Директор Холмской МТС рекомендовал себя так: «Я человек, жизнью до блеска потертый. С низов доверху был поднят и обратно до среднего уровня спущен. Значит, есть закалка».

Выслушав повествование Елкина о подвиге жителей деревни Сукино, директор заявил решительно:

— Если б я генералом был, я им бы медали сразу всем выдал, это определенно. Но в мирной обстановке руководитель должен исходить из экономической целесообразности. Су-

кинцы на сегодняшний день иждивенцы района. Достаточно и того, что мы их зерновой дефицит за счет передовых покрываем. А ты им лес требуешь! Стимул может быть только за сегодняшние показатели, а не за вчерашние! — И посоветовал: — Ты напиши в свою прежнюю часть, может, по линии военного ведомства им что-нибудь подкинут. А на мою МТС сваливать твою благодарность за спасение военной техники никак не получится.

Елкин сказал кротко:

— Значит, даете команду отставить?

— Выходит, так! — вздохнул директор и попросил: — Только ты на этом факте демагогии не разводи, не рекомендую.

— Почему же мне ее не разводить? — задумчиво спросил Елкин и пообещал со слабой улыбкой: — Разведу, и обязательно.

Чувствуя, как от волнения болезненная судорога сжимает затылок, Елкин поспешно заговорил, торопясь все высказать, пока знакомая боль не вызовет привычную обморочную слепоту:

— Вы эту вашу считалочку бросьте! Бедные и богатые! Богатым колхозам первым запашка, первым уборка, лучшие машины и водители! Да кто тебе позволил таким счетом колхозный строй ломать! — уже не сдерживаясь, кричал Елкин.

Директор распахнул дверь и, обратившись к дожидавшимся за ней посетителям, попросил вежливо:

— Будьте любезны, прошу вас быть свидетелями.— И приказал секретарше: — А вы его формулировочку зафиксируйте и дайте товарищам заверить.— Потирая руки, поощрил Елкина: — Ну, ну, давай, давай полностью и до конца.

Через некоторое время в райкоме разбирали персональное дело Елкина.

На бюро Елкин заявил:

— Я, товарищи, признаю: совершал проступки и развел склоку с директором не по принципиальным побуждениям, а по сугубо личным причинам. Поскольку меня сукинцы лично спасли и я считаю себя им лично обязанным. Но считалочку эту, на бедные и богатые колхозы, по линии нашей МТС считаю вредной и здесь хоть до ЦК дойду, а ломать ее надо!

Елкин получил на вид за неправильное свое поведение. Но после заседания бюро секретарь райкома спросил:

— Ты, Елкин, где ночевать собираешься? — И предложил: — Давай ко мне. Доскажешь, почему рейд у вас сорвался. Я сам бывший танкист, мне интересно.

Но разговор с секретарем состоялся вовсе не о войне. Расхаживая в трусах в жарко натопленной комнате, секретарь говорил:

— Ты, Елкин, правильно слабость в работе МТС нащупал. И директор ваш, верно, деляга, и мы его снимем. Но ты тоже хорош, благодетеля из себя строить! Все мы, кто на войне не убитые, кому-нибудь этим обязаны.

Елкин произнес упрямо:

— А я не вообще обязан, а конкретно сукинцам!

— Меня партизаны Пустошинского района выходили. Так что ж, я туда секретарем проситься должен?

— Обязательно!

— Сучок ты упрямый!

— Какой есть,— печально согласился Елкин.

Фамилия секретаря райкома была знаменитая: Пушкин. Чернявый, невысокого роста, энергичный. Его даже спрашивали: «Вы случайно не родственник?..»

Жена Пушкина маленькая, худенькая, скуластая, с большими, сиреневого цвета глазами.

Жили они бедновато. Ходила Пушкина в резиновых ботиках, заплатанных красной резиной от автомобильной шины.

Елкин спросил ее:

— Видать, на секретарскую зарплату не справляетесь? Или, может, Андрей Михайлович много денег на книги тратит и вам на обмундирование скупится?

Пушкина улыбнулась и сказала застенчиво:

— Нет, Андрюша вовсе не скупой, он просто благодарный. Его в том бою, где он рану в голову получил, командир танка, старший лейтенант Ефим Борисович Егоров, спас, а сам погиб. После нашел Андрюша семью Ефима Борисовича: жена, бабушка, трое детей. Очень симпатичные люди. Ну и договорилась я с мужем: за то, что он у меня живой, за свое счастье Егоровым благодарными быть. Каждые три месяца переводы шлем от неизвестных товарищей. Разрешил нам начальник почты такой адрес писать, когда рассказали, в чем дело.

— А вы встречаетесь с этой семьей Егоровых?

— Нет, что вы! — испуганно произнесла Пушкина. — Разве можно? А то они на нас подумали бы.

Вечером Елкин рассказывал своему дружку, трактористу Филину, о том, какой секретарь райкома Пушкин человек душевный. Но Филин выслушал его без особого воодушевления. Согласился только, что такое меж бывшими фронтовиками водится.

Нахмурившись, заявил:

— Я сам, например, в неловкое положение попал. Нужно было срочно мостишко разминировать. Из нашего батальона один я за это дело взялся. Оставил ребятам адрес жены, чтобы отписали в случае чего. А последняя мина все-таки рванула. Конечно, все убитым посчитали. И вот началось это самое. Шлют переводы денежные на имя супруги в благодарность за покойного. А я живой! Одному отпишу, другой шлет. Ну прямо хоть в газете объявление давай! Еле от них отбился! — Задумался.— Конечно, со мной по недоразумению. А вообще, что ж, не один Пушкин. Вся партия, она такая, про людей думать обязанная.

И вдруг Елкин взял и уехал на два года в Арктику.

— Я туда за длинным рублем погнался,— признавался он с беспечной откровенностью и рассказывал: — Сверху донизу на тебе собачий мех. А все равно: выскочишь наружу — зябко. Работа! Скребешь бульдозером, тычешься в торосистый лед, как муха об стекло, насквозь от пота взмокнешь. Бежишь к палатке, одежда на тебе смерзается, хрустит, словно ты весь в яичной скорлупе. В остальном же все культурненько, и денег собрал кучу.

— Как жить планируешь?

— Куплю для форса «Волгу».

— Ну!

— Взял курс на высокий уровень личной жизни.

— А не оторвался ты там у себя, на «Северном полюсе», от обстановки?

— Зачем? Просто у меня пора такая, возраст.

Но имелся один факт, с которым следовало считаться. Супруги Сорокины — Елизавета Григорьевна и Алексей — давно приглашали Елкина навестить их в Армавире. Вот для того, чтобы явиться туда в полном блеске жизненного благополучия, Елкин два года и проработал на станции «Северный полюс». Может, Елкин на что-нибудь рассчитывал? Нет. Так в чем же дело? Елкин считал себя слабодушным и опасался своего слабодушия. Вот увидит он Елизавету Григорьевну — и вдруг размякнет, потеряет голову! Но пока совесть при нем, он беспощадно определил себе тактику и успешно проверил ее на своих приятелях.

Явится он к Сорокиным напыщенным, самодовольным, беспечным. Да как бы Сорокины ни были до этого к нему расположены, скажут то же, что и другие: «Елкин салом изнутри зарос». И если Елизавета Григорьевна из вежливости не скажет, все равно, полная гарантия, так о нем подумает. Значит, не будет особой подлости, если он ее снова увидит и теперь снова на всю жизнь запомнит.

Но почему Елкин подозревал себя в слабодушии? Разве не совершил он героический подвиг, выполнив специальное задание командования? Разве слабодушный человек мог такое сделать? Конечно, не мог.

Но у Елкина были с самим собой особые счеты. Когда гестаповцы тщательно и долго истязали его, дабы убедиться в том, что захваченный танкист не подослан советской разведкой, Елкин выл, рыдал, молил. Первое время он поступал так продуманно, считая, что если обнаружит твердость, она может заронить сомнение у гестаповцев: раз человек твердый — значит, такого специально отобрали, и тогда приказ фальшивый. А если реагирует на мучения вполне нормально — значит, обыкновенный солдат связной и приказ правильный. Но со временем Елкин ослабел от истязаний и уже хотел сдерживаться, но не мог. На всю жизнь остался у него в мозгу исступленный визг, который никак не мог исходить от человека, таким он был ужасным. А вместе с тем это орал он, ослепший от боли и обезумевший, утративший самого себя в этой боли. Гестаповцы перестали сомневаться. Фальшивый приказ был передан высшему командованию, и немцы поплатились двумя моторизованными дивизиями.

«Каждый человек воображает о себе, что он что-то такое особенное,— признавался самому себе Елкин,— и я тоже таким себя считал, а на поверку полезла из меня скотина. Ребята считают, герой. А всю правду не знают. Теперь я в себе неуверенный,— печально думал Елкин,— я себя получше считал, чем я есть. Вот что на самом деле получается».

Елкин ни с кем не делился своими переживаниями. Но с того времени стал на людях держаться как-то нахально, самоуверенно, хвастливо, стараясь этой фальшью скрыть то, что его так глубоко терзало и беспокоило. Может он всегда быть верным себе или при каких-нибудь особых обстоятельствах снова потеряет власть над собой и станет совсем другим, чем он есть?

Вот какие сложные чувства противоборствовали в душе Елкина, этого уже теперь немолодого, полысевшего, обремененного брюшком человека.

На трассу строительства магистрального газопровода, где начальником участка работал бывший секретарь райкома, ныне инженер Пушкин, Елкин прикатил в собственном «Москвиче».

Одет он был во все новое. Крошечная коверкотовая кепка, вельветовая куртка на «молнии», брюки с напуском, хромовые сапоги с низко спущенными голенищами.

В таком виде он и представился Пушкину.

— Я к вам только похвастаться завернул,— объявил Елкин. — В Армавир направляюсь к приятелю на денек, а потом — в Сочи, покупаться, как все люди.

Пушкин остановил самосвал и, поднявшись на подножку, сказал:

— Ты извини, Елкин, у меня сейчас самая горячка: опрессовку трубы производим на сто двадцатом километре, люди ждут.

— Так я вас подвезу! — с готовностью предложил Елкин.— Зачем же на грузовике трястись! Вот легковушка, будьте любезны.

Но получилось так, что Елкин не только отвез Пушкина на сто двадцатый километр, но целые две недели возил его на своем «Москвиче» по трассе.

Кончилось все это аварией. Ночью Елкин наскочил на прицеп с погашенным сигналом и расколотил своего «Москвича». Но ни Елкин, ни Пушкин не пострадали сильно.

— У частника психология совсем другая, чем у государственного водителя. Ответственности он не испытывает,— пытался оправдаться Елкин.

— Просто шофер ты никудышный,— сказал Пушкин, заклеивая на лице ушибы папиросной бумагой.

— Моя карьера другая: бульдозер, трактор. Тут я властелин.

— Ну, раз ты теперь безлошадный, иди ко мне в мехколонну, что-нибудь для тебя подберем сил на шестьдесят.

— А знаете,— сказал Елкин,— правильно все получилось. Ловкая у меня судьба, оберегла от глупостей.

— Может, ты левачить на своей машине собирался? — строго спросил Пушкин.

— Вы меня, Андрей Михайлович, про мои планы не спрашивайте. Поломал их вместе с машиной навсегда и окончательно. Такая формулировка вас устраивает? — И, чтобы переменить разговор, Елкин произнес задумчиво: — Когда я ихний танк своим таранил, после от переживаний нервные лишаи по всему телу пошли, так мне в санчасти мазь выписали, и сразу в два дня сняло. Забыл только, как эта мазь называется.

— У нас на стройке медпункт есть. Зайдешь — спросишь.

— Ну что ж, пошли.

Светила луна. Золотистым мехом созревших хлебов теплилась степь, и поперек ее лежал гигантский ствол газопровода.

Взяв власть над Елкиным, Пушкин говорил уже официально и строго:

— Идея газификации страны, выдвинутая на XX съезде, близка по своему значению ленинской идее электрификации. Поэтому мы, газовщики, считаемся на самом переднем крае борьбы за создание технической базы коммунизма...

Елкин, шагая по асфальту, слушал Пушкина, но перед глазами его в лунном, матовом свете всплывало лицо Елизаветы Григорьевны. Тонкое, печальное, гладко зачесанные волосы, собранные на затылке в упругую корону.

Работа на строительной трассе газопровода при всей насыщенности техникой требует от человека большой физической закалки. По существу, это цех под открытым небом. Машины и агрегаты непрерывно передвигаются по пересеченной местности. Здесь люди лишены многих жизненных удобств, семьи, дома. Кочевой обиход их подобен походному, армейскому быту.

Чем больше на трассу приходило новых машин, устранявших ручной труд, тем малочисленней становились бригады и строже отбор рабочих. И ведал этим отбором не столько отдел кадров, сколько сам коллектив бригады.

Присмотревшись к нерадивому и, после попыток приучить его трудиться в темпе рабочего шага бригады, убедившись, что человек непригоден, кто-нибудь во время перекура подходил к нему и произносил с леденящей вежливостью:

— Ты, друг, вот что. Сходи в контору и подай заявление по форме, как полагается, об уходе.

— Это зачем еще?

— Бригада тебя устраняет, понял? Неподходяще ты для нас работаешь.

— Да вы кто такие, чтобы меня с производства снимать?

— Кто? Да такие же, как и ты, только вся

— Ну, ладно,— сдавался человек.— Дотерпите только до получки.

— Нет, друг, не выйдет. Бригада решила твердо, а чтобы не сильно обидеть, меж собой сложились.

Но человек отказывался брать деньги. Его убеждали.

— Нам же дешевле тебе на дорогу дать. Возьми, дорогой, не стесняйся. Придет вместо тебя крепкий машинист агрегата, мы за эту неделю две нормы вышагаем и расход на тебя с макушкой покроем.

разница — вкалываем на полную железку, от этого самые главные.

— Пускай прораб мне скажет.

— Он тебе этого не скажет, у него права такого нет — тебя с работы гнать.

— Ага, значит, вы тут беззаконничаете!

— Ты обожди, мил-человек, ты спокойно, умом послушай. У тебя машина стала раз, стала два, а мы должны друг на дружку налезать. Ты свое дело не сделал — другому нечего делать. У нас поточное производство. Взаимная зависимость. Подсобляли тебе. Глядим, что такое? Привык. Вон ты какой воробей! Наловчился не свое клевать. Если бы ты рабочий был, так мы бы тебе еще ко всему сказали, почему поспешать надо, что такое газ для страны значит.

— А я не рабочий?

— Ты мастер отдыхать. Здесь собрались люди, уважающие друг дружку за работу.

— Может, вы бригада коммунистического труда?

— Нет, мы самые обыкновенные.

— Так чего выдумываете, выситесь?

— Мы не высимся, только на полсотни километров впереди графика шагаем, и под ручки тебя вести охоты больше нет. Благожелательно советуем: подавай заявление. Нет к тебе уважения, а без этого ты тут обязательно скиснешь.

В буран, вьюгу, в нестерпимую жару и нескончаемые ливни, в самых тяжелых природных условиях строительные бригады, подобно заводскому коллективу, работали ритмично, гордясь своей суровой самодисциплиной не меньше, чем высокими заработками.

И когда строительная трасса магистрального газопровода проходила через населенные пункты, механики, машинисты, экскаваторщики, бульдозеристы, сварщики, трактористы, водители тяжелых «МАЗов» были самыми солидными покупателями в магазинах. Почтовое отделение отправляло крупные денежные переводы и ценные посылки во многие районы страны с обратным адресом: «Строительство магистрального газопровода».

Но сами строители обладали скудным имуществом, самым необходимым для человека, ведущего походную жизнь. Правда, были любители, которые обременяли себя телевизорами, приемниками, патефонами, музыкальными инструментами. Обычно на трассе жили в вагончиках, в палатках, в шалашах. Зимой расселялись в деревнях по избам, снимали углы и койки, так как вагончиков на всех не хватало. Строительные бригады растягивались на сотни километров, и, когда трасса долго шла по пустынной местности, люди чувствовали себя так, как чувствуют себя зимовщики или геологи: оторванными от Большой земли. И это

ощущение сплачивало рабочие коллективы, понуждало взыскательно и вместе с тем заботливо относиться друг к другу.

Елкин в бригаде держал себя заносчиво, высокомерно. Но товарищи по работе примирились с повадками Елкина. Они ценили властное мастерство, с каким он владел трактором, бульдозером, экскаватором, трубоукладчиком... Бывшие танкисты сразу угадали в нем танкиста и говорили уважительно:

— Елкин из тех, кто свой техминимум сдал в Берлине, у самого рейхстага.

Рекомендую заходить иногда в народный суд не в качестве подсудимого или свидетеля, а просто так, слушателя: полезно. Из всех бракоразводных дел, которые мне приходилось там слышать, признавая всю проникновенную мудрость судей и народных заседателей, я каждый раз выносил ощущение, что главная причина разводов в уязвленной человеческой гордости. И когда судья терпеливо убеждает пойти на компромисс, я восхищаюсь его душевными словами, умственной энергией. Но что поделать, если мужчина и женщина ради возмездия за измену упорно уклоняются от компромисса! Ни к чему наши люди столь жестоко непримиримы, как к измене, какой бы она ни была и где бы она ни случилась.

Бывает ли так, чтобы человек хороший работал плохо, а скверный, наоборот, работал хорошо? На производстве человек — образец дисциплины, а в быту — безобразник? Или, например, будучи невеждой, вдруг обнаруживает высокую культуру труда? Такие роковые вопросы терзают умы некоторой части наших драматургов, томящихся в поисках материала для построения острого конфликта. Что касается строителей газопровода, то они были убеждены в одном: если человек сильно и хорошо работает, значит, он любит, чтобы его уважали, и, дорожа трудовым престижем, постарается быть даже лучше, чем он есть, ибо ничто так не возвышает и не выпрямляет человека, как восхищение его мастерством. Это знают поэты, художники, актеры, экскаваторщики, бульдозеристы, трубоукладчики и представители множества других не менее важных профессий.

Работал Елкин на бульдозере с той грациозной, небрежной уверенностью, какая бывает только присуща высоким мастерам своего дела. Стальная многотонная глыба бульдозера, могучим натиском выворачивающая из земли гигантские валуны, дробящая пополам нижним срезом щита деревья, соскабливающая пласты песчаника, словно известковую накипь, с покорным проворством подчинялась Елкину. Тяжелые руки его, лежащие на рычагах, казалось, только отдыхали на них, и лицо его во время работы обретало какое-то странное, сонно-спокойное выражение безмятежного властелина. Но стоило кому-нибудь восхититься мастерством Елкина, он застенчиво конфузился и, словно извиняясь за что-то, объяснял:

— Я же танкист. Это с фронта, а не от квалификации.

Когда шофер двадцатипятитонного «МАЗа» разговаривает с шофером пятитонного грузовика, то с лица его не сходит величаво-снисходительное выражение. Когда молодой машинист сложного трубоочистного агрегата обращается за советом, Елкин дает ему рекомендации, надменно щурясь, пренебрежительно цедя слова сквозь зубы. Но на это высокомерие мастеров никто не обижается. Люди труда почитают умельцев и произносят благоговейно имена знаменитых мастеров с не меньшим пылом, чем поклонники всемирно известных талантов. Наслаждение своей рабочей славой столь же упоительно, как литераторское, художническое, актерское наслаждение успехом. Дорожа этим наслаждением и ради него люди самых разных профессий готовы многим поступиться в жизни, превращая труд в подвижничество, в подвиг, и все во имя ласкающей теплоты человеческого уважения.

Но все-таки Елкину пришлось съездить в Армавир. Он получил от Елизаветы Григорьевны письмо, состоящее из отчаянных и нелепых слов.

Елкин мыслил о ближайшем будущем так. Все для всех будет обязательно хватать с макушкой. И люди должны быть обязательно вежливыми, ласковыми, предупредительными друг к дружке. Самая короткая в мире рабочая неделя, — значит, будьте любезны. Допустим, ухаживаешь с солидной целью. Не только в выходной с ней в кино сходишь или в театр, встречайся, пожалуйста, каждый день, вникай, подходящий товарищ или нет. А то когда нет времени, возможны ошибки. Нельзя только по выходным дням человека изучать, нужно по будням, когда он обыкновенный, то есть самый настоящий, какой он в натуре, а не в праздник наряженный.

Когда Елкина из гестаповской тюрьмы перевели в лагерь, он держал себя развязно, говорил:

— После гестапо тут дом отдыха. А за нас факты.

— Какие такие факты?

— Исторические. Старые большевики бодро себя в тюрьме вели, когда революции не было, в революцию верили, а у нас СССР, нам все ясно... И бежать известно куда.

— Ты кто, политработник?

— Если другой работенки не предвидится,— могу.

С меланхолическим спокойствием переносил он издевательства охраны. Утверждал:

— Все правильно!

— Что правильно?

— По своей идеологии с нами действуют, в точности как газеты про их зверства описывали.

— Не форсил бы ты, Елкин. У тебя только и осталось — скелет да болячки.

— Ты моего резерва не знаешь.

И здесь, в лагере, Елкин однажды совсем нечаянно вылепил из глины лицо Елизаветы Григорьевны.

— Это кто?

— Невеста,— гордо сказал Елкин.

— Красивая. Для такой выжить стоит.

— Стараюсь,— скромно сказал Елкин.

Он бежал из лагеря, воспользовавшись налетом английских бомбардировщиков.

В Армавире Елкин нашел Елизавету Григорьевну жалкой, подавленной, растерянной. Одета она была неряшливо, лицо сильно напудрено, губы накрашены.

Кто из двух супругов Сорокиных оказался больше виноватым, Елкин не хотел и не мог судить. Чтобы вывести Елизавету Григорьевну из состояния душевного отчаяния, он покорно поддакивал, будто бы Алексей — человек плохой. Но когда спустя несколько дней Елизавета Григорьевна пришла «в норму» и даже попросила Елкина устроить ее куда-нибудь работать, он признался, что соглашался лживо: Алексей — настоящий фронтовик, хороший парень.

Выслушав, Елизавета Григорьевна сказала устало:

— Вы не представляете, как тяжело было думать, что вы плохой человек, когда вы мне поддакивали! Ведь Алеша мне всегда говорил: вы хороший. Потерять веру в вас обоих — это такая мука. Зачем, зачем вы это делали? — И добавила тихо: — И теперь я все равно буду испытывать к вам плохое чувство. Хотя поступали вы так действительно только из хороших побуждений.

Елкин молча смотрел на тонкое, нежное, печальное лицо Елизаветы Григорьевны, на ее голову с темными глянцевитыми волосами, разделенными на пробор и собранными на затылке в упругую корону. Длинные вялые руки ее лежали на столе, и она держала фотографию, где на танке сидели ее муж и Елкин в обнимку. Оба сильно выпившие, так как в этот день обмывали ордена.

Каждому ясно: хочешь понравиться женщине, старайся показать себя с лучшей стороны, тем более что любовь вдохновляет, а всякое воодушевление украшает человека, делает его лучше. Но Елкин не желал ничем красоваться перед Елизаветой Григорьевной.

На лице Елизаветы Григорьевны блуждала грустная улыбка, такая же прелестная, как у Джиоконды.

Может ли считаться в нашу бурную эпоху идеалом красоты нежная, покорная, хрупкая женственность с еле заметной тенью увядания? Пусть ответственно решают этот вопрос искусствоведы. Главная их добродетель — беспристрастность. Я же, как и многие мои соотечественники, женат и поэтому лишен возможности публично судить о красоте посторонней женщины объективно.

Сидя сутуло перед Елизаветой Григорьевной на стуле и разглядывая так, будто он видел в первый раз, свои сильные, сухие, жесткие и цепкие, как у птицы, пальцы механика, Елкин думал о том, что красота — это драгоценность и ее нужно уважать, потому что она сама по себе излучает таинственную, волнующую радость. И уже это одно хорошо и полезно людям. И то, что красота рождает жажду стать ее собственником,— это вполне понятно. Но как-то совестно и неловко, ощущая в себе эту естественную жажду, притворяться равнодушным. Сказать же правду о своих переживаниях, минувших и сегодняшних, не означает ли это вызвать у женщины лестью и пресмыканием перед ее красотой благодарную, уступчивую слабость? А может, скорей всего она проявит эту слабость из одного мстительного желания, чтобы убедиться в силе своей красоты, оскорбленной, отвергнутой бросившим ее мужем?

В комнате горела только настольная лампа. После портвейна лицо у Елизаветы Григорьевны стало томным, глаза глянцевито блестели, губы нежно припухли. Она сидела, откинувшись на стуле, положив ногу на ногу. Елизавета Григорьевна спросила раздраженно:

— Ну чего вы там молчите, говорите что-нибудь! Да оставьте в покое свои руки!

— Заусенцы,— сипло сказал Елкин.— Об-

стричь их, что ли, или, может, йодом помазать? Зудят.

— Я вам нравлюсь, Елкин?

— Вы женщина особенная! — пасмурным голосом произнес Елкин.

— Ну вот,— с облегчением произнесла Елизавета Григорьевна,— а притворялись, будто не такой, как все.

— Нет, я такой, как все,— твердо сказал Елкин. И спросил обиженно: — Почему же вы думаете, я всех хуже?

— Вы со всеми такую тактику применяете?

— Нет у меня никакой тактики,— глухо сказал Елкин.

Елизавета Григорьевна нервно рассмеялась.

— Алексей говорил, вы с некоторыми девушками вели себя очень стремительно. Разучились?

Растирая ладонью себе колено, Елкин произнес, потупившись:

— Я про счастье для себя даже не верил.

— Какое счастье?

— А вот мое с вами.

— Вы уверены? — ослабевшим голосом спросила Елизавета Григорьевна.

— Лиза,— сказал тихо Елкин.— Лиза, я вот что скажу, обязательно скажу. Нагляделся я во время войны на женщин. Как иные с горя, с отчаяния, теряясь, на всякого вешались. Война убыточна не только тем, что люди на фронте гибли, калечились, она и души портила. А теперь человека налаживать надо. Уважительностью. И первым делом к женщинам. Во время войны вам тяжелее всех было. Если по-честному сказать, то женщины войну выиграли, а не кто другой. И на заводах и в колхозах. Они же всюду самостоятельно властвовали! А подведи они, что бы мы на фронте жрали, из чего и чем пуляли? Ведь вы тоже вся, как цветок, слабосильная, а работали в эвакуации в литейном, тяжести ворочали.

— Что ты тут мне лекции читаешь? Нашелся тоже! — перебила гневно и гордо Елизавета Григорьевна.— Вино принес? Хочешь, чтобы каялась перед тобою? Когда я перед Алешкой не каялась! Уходи к черту!..

Была осень. Нежно, сладко и печально пахло скошенной травой. Томная одинокая березка с робким шорохом осыпала с длинных сережек легкую шелуху.

Вернувшись на трассу, Елкин после работы ходил ночевать в вагончик ремонтной летучки. Сидя на ступеньках, висящих над землей, он курил последнюю перед сном.

Светилось неомраченное небо, прозрачное, торжественное, и только пепельно меркло там, где замирал слабый всплеск малинового отблеска заката.

Потом в белом лунном свете металлически блестела стерня, и какая-то деликатная птаха все никак не могла наладить свою песню. Попробует голос, пискнет, замрет, прислушается — не то. Опять через некоторое время, уже в другом месте, свистнет, осторожно затихнет, сконфузится — опять не то.

Вдруг над зазубренным краем леса беззвучно юркнул и исчез реактивный самолет, и только потом пустое небо прорычало ему вслед.

Чем больше темнота заливала землю, тем ярче становилось небо и ослепительнее его великое сияние.

Подняв лицо, Елкин отдался этому дивному ощущению себя наедине с вселенной, усыпанной мирами, расстояние до которых, говорят, исчисляется световыми скоростями в сотни тысяч миллионов лет. Он сидел и думал о себе, о Елизавете Григорьевне, о мелькнувшем, как видение, реактивном самолете. Да мало ли о чем он еще думал!..

Бывают люди, которые живут суетно, обидчиво, все боясь что-то упустить, чего-то недополучить. Во всем жадно и корыстно хотят быть первыми. Такие и помирают поспешно, как и жили, с недожеванным куском любительской колбасы в зубах.

Даже самый плохонький цветок, наклонись к нему, хорошо пахнет. Так же человек. Приблизься, пойми — обязательно найдешь что-нибудь хорошее. Так что не будем никого осуждать. Скажут о человеке: у него глупая улыбка, и тот на всю жизнь перестанет улыбаться. А что может быть драгоценнее человеческой улыбки?

Может быть, в данный момент Елкин мысленным взором снова видел запрокинутое тогда лицо Елизаветы Григорьевны с закрытыми глазами и вздрагивающими веками, будто туго сцепившиеся ресницы не давали им раскрыться. Может, он сожалел, что не заявил тогда убежденно: «А знаете, вы мне давно нравитесь». И с восторгом не доложил, как он в тюрьме и в лагере довольно удачно лепил ее лицо из хлеба и глины.

Я думаю, что авторитетные в таких делах товарищи подтвердят, что такой аргумент можно считать неотразимым. Но, возможно, Елкин полагал, что у Елизаветы Григорьевны настолько прекрасные глаза, что, когда она смотрит, в них все должно выглядеть сияющим, радостным, красивым. А если перед такими глазами долго будет торчать человек с далеко не прелестной наружностью, ничего путного из этого не получится.

Говорят, женщины питают слабость к сильным мужчинам. Возможно. Но для того, чтобы убедиться в этом, сильный мужчина со своей стороны должен проявить слабость. А вот Елкин не проявил. Почему? А кто его знает!

Ведь вот он умеет говорить с восторгом и упоением. Я слышал, например, как он сказал с сияющим лицом:

— «МАЗы» я обожаю! Что же касается роторного экскаватора, то это грезы, мечта! Это же чистое наслаждение — на нем работать!

Видите, какие слова знает!

Когда Елкина, бежавшего из лагеря, подобрали в лесу партизаны, тяжелая рана на его голове была забинтована обмотками с ног. Он долго не приходил в сознание. Очнувшись, вдруг объявил, глядя удивленно и радостно:

— Если я живой, ребята, так я за это теперь должен...

Но ему не дали высказать все, что он тогда хотел сказать.

— Молчи и лежи, холера! — грубо сказал партизанский самозванный доктор.— Может, у тебя мозг сотрясенный, а ты его словами тревожишь. Молчи, а то обвяжу рот тряпкой!

Поскольку Елкина лишили тогда возможности все прямо высказать, мы не можем точно информировать, какую особую жизненную цель предназначил для себя Елкин.

...Итак, Елкин сидел на ступеньках ремонтной летучки и думал, о чем желал думать, а вокруг него струнно звенела сухая, жесткая, осенняя трава. Посидев еще с полчаса, он ушел спать в летучку, где терпко пахло металлом и кисло — соляркой.

Сюда, в эту летучку, в канун экзаменационной сессии переселился и прораб Глебов. Разложив на тщательно вытертом паклей верстаке книги и тетради, в едком свете аккумуляторной переноски, он просиживал до рассвета, скорчившись на черной от машинного масла табуретке.

Иногда среди ночи Елкин просыпался от странного шума. Открыв глаза, он видел, как Глебов, сидя все в той же позе, мерно бил себя кулаками по скулам.

— Ты что? Зубы болят?

— Это я кровообращение восстанавливаю,— равнодушно объяснял Глебов и извинялся: — Прости, друг, забылся, разбудил.— И снова склонял свою просвечивающую желтой плешью голову к учебнику.

Когда Глебов работал на экскаваторе, он зарабатывал значительно больше, чем теперь прорабом. Получив диплом, он, пожилой человек, в качестве молодого инженера едва ли будет получать больше, чем опытный прораб.

Елкин высказал это Глебову, тот спросил недоверчиво:

— Ты что, шутишь? Инженером работать интереснее, да и себя больше уважаешь. Техника идет все новая, хочется, понимаешь, не глупее ее быть.

— Ну, ну, давай стирай грани! — снисходительно поощрил Елкин.

Глебов пытливо взглянул в лицо Елкину и сказал твердо:

— А ты не бодрись, что пока считаешься хорошим механиком. Время сейчас такое, аж в ушах свистит. Читал в газете: тракторы испытывали на программном устройстве. И получилось. — Положив на колено Елкину руку с длинными сухими пальцами, признался: — Меня, знаешь, тоже мечта мучает! Только все не получается. А технический расчет сделал, даже чертеж вот в две краски выполнил.

Когда Глебов находился на трассе, его ни в чем нельзя было отличить от рабочих. В промасленной стеганке и в таких же ватных штанах, в резиновых сапогах с отогнутыми голенищами, он всегда находил себе дело у какого-нибудь механизма. Отдавал руководящие указания следующим образом. Собирал рабочих и говорил:

— Давайте, ребята, посоветуемся о сегодняшней проходке.

И получалось как-то так, будто не Глебов приказывал, а словно сами рабочие додумывались, что и как делать лучше, а Глебов только с ними соглашался, осторожно высказывая свое мнение. Замечание о неправильном ведении работы делал следующим образом. Отзывал человека куда-нибудь в сторону и предлагал:

— А ну, сядь отдохни.

Рабочий садился и встревоженно, вопросительно глядел в лицо Глебову. Глебов вытаскивал из кармана какой-нибудь технический справочник и погружался в чтение.

— Товарищ прораб, механизм же простаивает! — напоминал о себе рабочий.

Глебов оборачивался, спрашивал сурово:

— Значит, отдыхать на виду всех, когда другие работают, тебе совестно? А еще что совестно?

Рабочий вытирал лицо платком, произносил страдальчески:

— Ладно, чего там, Ипполит Павлович, душу из меня вынимать! Понятно! Зачищу те места, где грунт в траншею сполз. В слабых местах надо на полметра больше выбирать в расчете на оползание.

— Верно! — обрадованно соглашался Глебов и поощрительно советовал: — Ты и другим скажи правильное твое предложение.

Елкину прораб Глебов очень нравился.

Что же касается Елизаветы Григорьевны, то в обеденный перерыв ее всегда можно увидеть в передвижной лавке-вагончике с печальной, обворожительной и кроткой улыбкой. Она не очень расторопно отпускала покупателям продукты. Но никто из мужчин не сетовал, не проявлял нетерпения, не раздражался на медлительность продавщицы. И даже наоборот, охотно уступали очередь работницам, которым не доставляло особого удовольствия любоваться лицом Елизаветы Григорьевны.

Елизавета Григорьевна несколько пополнела и теперь взбивала чуть потускневшие волосы в пышную прическу. Но по-прежнему она оставалась настолько красивой, что когда самый дерзкий, отважный холостяк подходил к окну вагончика, он вдруг неожиданно для себя лепетал: «Мне бы, знаете, сосисочек и молочка», — хотя первоначальное намерение было весьма твердое: пиво, четыреста граммов копченой грудинки, батон.

В этом году зимой мне тоже довелось повидать Елизавету Григорьевну в передвижной лавке. Одета она была в полушубок, голова закутана пушистым платком.

Не обладая даром описывать женскую красоту, скажу кратко. Впрочем, нет. Не решаюсь. Ведь так легко спугнуть читательское доверие, вторгаясь в ту область, где ты только что признал себя недостаточно квалифицированным! Мне показалось, будто действительно красивое лицо Елизаветы Григорьевны омрачено выражением какой-то утомленной, брезгливой скуки. Пухлые губы презрительно сжаты. По некоторым повадкам было заметно, что эта женщина гордится своей наружностью. И хотя все черты лица удивительно правильны, гармоничны, лишенные живости, они теряли прелесть обаяния. Бездушная, самоуверенная торжественность никогда ни в ком не возбуждает симпатии.

Опираясь широко расставленными локтями о прилавок, какой-то хорошо упитанный гражданин в тугом желтом кожаном пальто умильно, подобострастно и горячо убеждал в чем-то Елизавету Григорьевну, нетерпеливо и энергично шаркая при этом по грязной земле почти новыми бурками. Лицо Елизаветы Григорьевны оставалось прекрасным и невозмутимым. Но, судя по тому, как она милостиво кивала головой, то, что говорил гражданин, ей нравилось, и она соглашалась с его словами, шипящими, быстрыми, напоминающими своим звучанием шипение сала на раскаленной сковороде.

Передвижная лавка стояла на дорожной обочине. Все было окутано белым сумраком снегопада. Кругом возвышались с гордой осанкой глубоко вонзившиеся в небо огромные сосны. Автомагистраль блестела скорлупой гололедицы. По дороге катились могучие «МАЗы» — трубовозы. Звенья труб походили на стволы тех гигантских орудий, которые на марше артиллеристы возят отдельно от лафетов. В низине лежали болота, покрытые выпученными, в коричневой шерсти мха прыщами кочек. В хворых, тощих зарослях валялись трухлявые стволы древесной падали. Воспаленные тлением торфяники дымились паром и сочились незамерзающей водой цвета бронзы. И через всю эту непроходимую болотную топь тянулась широкая просека с глубокой траншеей посередине. Заполненная черной водой, траншея походила на русло канавы.

Начальник строительного участка, до этого с сановной важностью беседовавший со мной, вдруг произнес умильно и восторженно:

— Глядите, какая красота!

Но никакой красоты в этой просеке среди чахлой болотной растительности, в гнили бездонной грязи я не увидел.

— Чудо! — сказал начальник участка.— Мастерство на грани фантастики.— Сладко поеживаясь, кивая головой на приближавшегося к нам человека, он объявил шепотом: — А это вот и есть сам товарищ Елкин. Выражаясь на вашем языке, автор проходки через эти самые непроходимые топи.— Добавил огорченно: — Жаль, не видели, как он водит свой бульдозер с уширенными траками по почве со слабо несущей поверхностью. Даже для несведущего в технике человека зрелище бесподобное.—Почтительно поздоровавшись за локоть с заляпанным с ног до головы болотной трясиной Елкиным, начальник сказал воодушевленно: — Ну-с, поздравляю! Теперь, как говорится, можете поспать на лаврах.— Оборачиваясь ко мне, пояснил: — Товарищ Елкин главным образом, используя ночные заморозки, ночами работал. Теперь финиш. Прошли самое гиблое место. Со значительным перевыполнением плана.

Лицо Елкина было усталым, изможденным. Он смотрел сурово, не мигая, но глаза у него, как у птицы, яркие, без тени усталости.

— Представьте, в таких условиях не допустил перерасхода горючего!— Елкин усмехнулся.— Как тот пулеметчик, который, экономя боезапас, вытаскивал из ленты патроны и пулял из винтовки.

— Товарищ из редакции,— строго предупредил начальник.— Для него факт экономии — первостепенной важности.

Елкин равнодушно согласился:

— Действительно, имеется такое наличие.

— Так вы, значит, побеждаете о своих показателях,— сказал начальник и заметил Елкину: — У вас лицо несколько забрызгано. А может, товарищ пожелает вас сфотографировать!

Елкин вынул из кармана круглое зеркальце, поглядел в него одновременно надменно и презрительно, объявил раздраженно:

— У меня рожа даже на фотографии, как в натуре. Стоит ли пленку портить?

— Да! — вспомнил начальник.— Я на вашего напарника взыскание хочу наложить. Оставил машину почти без воды в радиаторе!

— Ничего,— сказал Елкин,— я в резиновых сапогах натаскал из родника чистой.

— Это как же понимать, босиком?

— Зачем босиком? В портянках! — И тут же потребовал: — Вы моего напарника не трогайте. Парнишка молодой, старательный, хороший. Ему не до заправки было, когда в трясину с бульдозером ухнул по самые свои брови и не уходил, пока бульдозер не вытащили. Вся одежда льдом залубенела.

— Тогда отменяю. Был неточно информирован,— согласился начальник.— Ну, я вас покидаю, беседуйте.

Начальник участка рысцой устремился к болоту, где он усмотрел какой-то непорядок в работе насоса, выкачивающего из траншеи жирную черную воду.

Глядя вслед маленькой подвижной фигурке, семенящей по черному болотному льду, я заметил несколько иронически:

— А начальник у вас энергичный.

— Да вы что! — неприязненно спросил Елкин.— Про Пушкина так? Да он только что сам в сухое переоделся. Он же из болота не вылезал, пока не прошли! И про моего напарника все знает. Только он человек тактичный. Ему охота, чтобы вы про моего напарника тоже отметили, чтобы я не забыл про него сказать.

И Елкин горячо, возбужденно стал рассказывать, какой замечательно способный у него напарник. И, когда он так говорил, лицо его вдруг обрело совсем иное выражение. И не только доброта смягчила его суровые черты. Оно осветилось улыбкой, ласковой, осторожной, мечтательной. Той красотой человеческой улыбки, которую я видел у танкистов, завершивших войну у стен рейхстага, обретших радостное право мечтать о счастье для всех, счастье, добытом тяжелой ценой.

— Вы извините,— прервал себя Елкин,— сегодня забыл пообедать. — Кивнув на лавку, пообещал: — Я быстренько чем-нибудь подзаправиться возьму.

Кончился снегопад. Подслащенное розовым закатом небо медленно тускнело. Стало холодно, подул леденящий ветер.

Чем ближе Елкин подходил к передвижной лавке-фургончику, стоящей на толстых резиновых шинах, тем медленнее, неувереннее становилась его походка и ниже обвисали плечи. Он выглядел таким обессиленным, слабым и даже жалким, с сутулой спиной, облепленный болотной грязью. Вернулся он действительно быстро, прижимая к груди широкогорлую бутылку молока и пакет с едой, обернутый в пергаментную бумагу. Но я не узнал его лица: столько в нем было безнадежного уныния, скорби и затаенной боли.

— У нас лавка обычно до девяти торгует,— сказал Елкин,— но сегодня раньше закрывается: заведующей на поезд поспеть надо. В городе работать будет. Там, конечно, лучше, в городе, чем у нас на трассе.

— Может, отложим беседу? Ведь вы так устали, да и дела у вас, наверное, есть.

— Нет,— твердо сказал Елкин,— я сегодня совсем от всего свободный. Зачем же, давайте поговорим, если вам это надо!

В избе, где Елкин снимал койку, мы поужинали. А потом он, беспрестанно куря, рассказал о себе. И, очевидно, если бы сегодня с ним был не я, а кто-нибудь другой, он так же беспощадно правдиво рассказал бы о себе. Я не решился записывать при нем все, что он рассказывал. У журналистов, когда им приходится выслушивать душевную исповедь человека, существуют правила профессионального целомудрия. Но факты я все запомнил. Факты, приведенные здесь, точные. Конечно, важно, как их подать. Но это уже вопрос индивидуальных способностей. А пишущие граждане, так же как и все остальные, и даже, может, несколько более, не любят добровольно признаваться в своих слабостях и недостатках, даже если их к этому понуждают воспитывающие нас литературные критики, самые осведомленные товарищи на свете...

Спохватившись, Елкин вдруг сказал:

— Однако светает. Заморочил вам голову всякими не разбери-поймешь. А для вас главное — цифры. Наша мехколонна — ведущая на трассе. Ребятам приятно будет прочесть цифры.

По дороге в контору участка, где по распоряжению Пушкина для меня была поставлена койка, Елкин остановился на бугре, возвышавшемся над болотом, словно остров. Он сказал проникновенно, взволнованно:

— Вот пройдешь такую гиблую трясину, намучаешься, а потом какое удовольствие людям в глаза смотреть! Газ тянем. До войны в столичных городах на нем только чайники кипятили, а теперь весь его подземный океан наружу вытягиваем. Такое богатство стране подкинули! А все кто?..

— Ну, спасибо вам, товарищ Елкин,— сказал я, прощаясь.

— За что спасибо? — удивился Елкин.— Это вам спасибо, что со мной побыли,—признался.— Вы мне сегодня пригодились. С посторонним человеком поговорить о себе не совестно. А так я не любитель со своими ребятами трепаться, только голову забивать. В нашей мехколонне народ напряженный. Новую технику подкидывают, ею овладевать надо, курсы на ходу, зачеты. А вы человек беспечный, вам бы старой техникой овладеть — на все хватит. Вот Тургенев как писал, будь здоров! — И, широко, добродушно улыбаясь, сказал: — Это я шучу, конечно. В вашем деле тоже технический прогресс намечается. Попадаются книжки тоже подходящие. Значит, желаю успеха!

И попросил озабоченно:

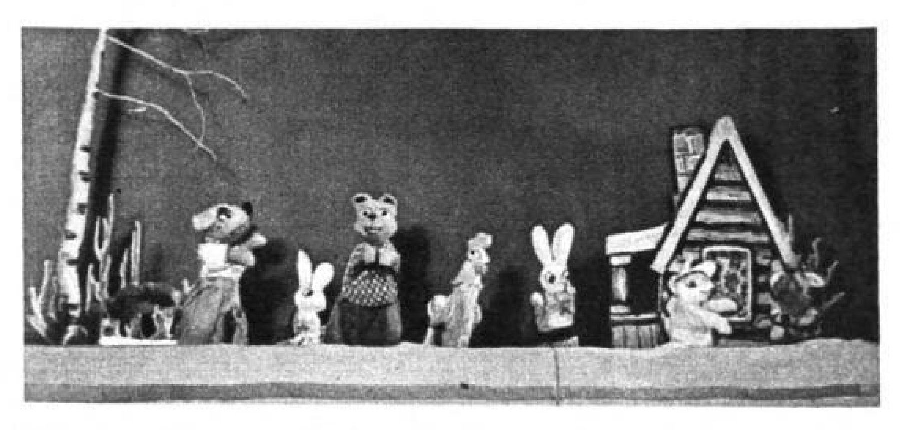
— Вы только в своей корреспонденции про меня там легче. Я ведь почему высокую норму даю? Старый опыт: танкист! В мирных условиях машину вести, когда по тебе не стреляют, — легкое дело. Молодые — это да! Вот они, наши козыри! Вы про моего напарника с нажимом напишите. Рационализатор! Ну, пока!

Медленно растворялись длинные сумерки северной ночи в робком белесом свете короткого северного дня.

И, как я ни старался, едкий мутный рассвет будто просачивался сквозь сомкнутые веки и не давал уснуть. Мучимый бессонницей, я невольно вспоминал все рассказанное Елкиным и раздраженно думал, что именно от этого не могу уснуть. Но на самом деле во всем виноват был север с бессонными белыми ночами, где никак не угадаешь границы, когда начинается день и когда кончается ночь. И не так ли противоборствует у сильного человека, омраченного печалью, ощущение радости жизни, которое не гаснет даже тогда, когда ему очень больно и трудно?

Жизнь ИСКУССТВА

Ученики 519-й московской школы показали спектакль «Заяц и Лиса». Фото Г. Санько.

ПУТЬ ОТКРЫТ

Приложить лишь надо руки —
И в искусстве и в науке
Перед каждым путь открыт!

Эти слова, произнесенные одним из героев спектакля, сегодня находят особый отклик. Ведь здесь, в Центральном театре кукол, идет заключительный смотр детских самодеятельных кукольных театров, и в зале собрались его участники.

В смотре участвовали пятьдесят кружков — около тысячи московских школьников. Трудно было отобрать лучших. Предпочтение отдали тем, которыми руководят не артисты, а сами школьники или учителя.

Итак, лучших было восемь.

Но особенно понравилось выступление юных кукольников школы № 298 Рижского района. Они показали русскую народную сказку «Колобок». Ребята изменили конец сказки, считая его несправедливым. В спектакле Лиса не съедает Колобок. «За что награждать мошенницу Лису?» Он возвращается к деду с бабкой. «Кто трудился, тому и честь»,— заключает ведущий.

Да, маленькие артисты хорошо знают, что такое труд. Разговаривая с ребятами об их работе, часто слышишь с гордостью произносимую фразу: «Мы все делаем сами!» И это правда: декорации к спектаклям, костюмы для кукол, а в большинстве кружков и куклы сделаны школьниками.

Вероятно, ни один вид художественной самодеятельности не дает детям так много, как работа в театре кукол. Какие только ребячьи таланты не находят применения в этом увлекательном деле! Здесь потребуются и техническая смекалка, чтобы заставить куклу хорошо двигаться, и талант живописца, и умелые руки, чтобы соорудить кукле нарядный костюм. Театру нужны и музыканты — ведь большинство спектаклей идет в музыкальном сопровождении.

Школьники приобщаются к настоящему искусству и получают самые разнообразные и полезные навыки, что особенно ценно теперь, в пору всемерного развития политехнического обучения.

Н. ЦВЕТКОВА

ЗАПЕВАЛЫ ДЕТСКОГО ХОРА

Как-то по радио в детской передаче прозвучал звонкий голос. Мальчик пел популярную песенку Соловьева-Седого «Закаляйся, если хочешь быть здоров!». Пел он весело, задорно. Исполнение его понравилось слушателям. И в адрес детского радиовещания на имя пионера Володи Черкасского — запевалы детского хора Калининграда, Московской области,— пришли сотни писем.

Руководитель хора А. Н. Чмырев и Слава Провоторов на репетиции. Фото О. Кнорринга.

Песня эта, записанная на пленку в Володином исполнении, и сейчас довольно часто звучит в эфире. И по-прежнему приходят на радио письма, адресованные пионеру Володе Черкасскому. А Володя уже окончил школу, отслужил в армии. Теперь он учится в московском октябрьском музыкальном училище на дирижерском отделении.

Детский хор клуба имени Калинина существует 16 лет. Им бессменно руководит заслуженный деятель искусств РСФСР Анатолий Николаевич Чмырев. Когда Володя Черкасский запевал, коллектив был небольшой. Теперь в нем 140 человек. В репертуаре — Чайковский и Брамс, русские народные напевы, песни советских композиторов. Хор пользуется известностью не только в Московской области. Дети не раз выступали с концертами в воинских частях, в колхозах и на предприятиях соседних областей, побывали и в Ленинграде.

На брюссельской выставке по телевидению показывали их концерт.

Недавно румынские пионеры прислали на радио песенку и попросили, чтобы ее записали на пленку с русским текстом. Песню исполняет хор клуба имени Калинина, запевает ученик 4-го класса Слава Провоторов.

Четыре года тому назад на детском утреннике Слава услышал выступление калининградцев. После концерта малыш попросил руководителя хора принять его в коллектив.

...Легко, свободно льется румынская песня; Слава лукаво улыбается, разводит руками: «В свои ворота — да-да-да — послал я два мяча»,— и зрители награждают маленького певца шумными аплодисментами.

Т. ТРОИЦКАЯ

Красота родного края

Один из старейших художников Армении, Акоп Коджоян, известен как мастер станковой и книжной графики. Иллюстрации к произведениям Ованеса Туманяна, Егише Чаренца, Аветика Исаакяна, рисунки к армянским народным сказкам, многочисленные работы по оформлению книги дали возможность художнику в полной мере проявить не только свой недюжинный талант, но и любовь к традициям национального искусства. С ним он познакомился еще в детстве, когда под руководством отца-ювелира делал росписи на серебряных кувшинах, чашах и подносах.

Профессиональные навыки и приемы Коджоян приобрел сначала в Москве, а затем в Мюнхенской академии, но они не погасили его любви к национальным традиционным формам письма.

Вся графика художника отмечена печатью тонкого вкуса и ювелирного исполнения.

Недавно в Москве в связи с 75-летием художника впервые были собраны его живописные полотна. Они открыли новую сторону дарования этого своеобразного художника — певца родной природы, которую он любит, непрестанно наблюдает и которую с поразительной смелостью и уверенностью «пересказывает» красками на полотне.

В пейзажах А. Коджояна есть элементы декоративности и условности, которые мы видели и у других армянских живописцев, но художник имеет свою, отличную от других манеру письма и свои колористические особенности.

Его картины не залиты южным палящим солнцем. Большая часть полотен, поэтически воспевающих природу Армении, написана в блеклых тонах, на первый взгляд не сочетающихся с красками Юга.

Несмотря на это, художнику удается правдиво передать своеобразную красоту родного края и в монументальных горных пейзажах, и в двориках с цветущими абрикосами, и в картинах, где изображены люди: «У родника», «За выпечкой хлеба»...

Привлекают картины «Весна», где изображены два молодых оленя на фоне бурно цветущей сирени и яркого синего неба, и аллегорический «Давид Сасунский» — сказочный всадник с обнаженным мечом, скачущий над облаками по огненному небу.

Это, пожалуй, наиболее выразительный художественный образ богатыря из Сасуна.

М. МЕРЖАНОВ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

В московской гостинице «Будапешт» сидят два пожилых человека: венгр Иожеф Добош и русский Максим Яковлевич Скибин.

Они встретились впервые, но разговаривают как старые друзья, взволнованно вспоминая исторические события. Иожеф Добош рассказывает, как 22 марта 1919 года он, телеграфист Чепельской радиостанции в Будапеште, по заданию Бела Куна передал в Москву радиограмму о том, что рабочие и крестьяне Венгрии взяли власть в свои руки и организовали советское правительство.

Радиограмма кончалась словами: «Венгерская Советская Республика просит товарища Ленина к радиоаппарату».

— Ваш вызов мы услышали случайно, — вспоминает Скибин. — 22 марта в 17 часов по московскому времени дежурный радист принял наши позывные: «МСК... МСК... МСК...» Дальше следовало: «ДЕХБ... ДЕХБ...» — позывные Будапешта.

Удивленный радист позвал меня в аппаратную. Ведь шла гражданская война. На Советскую Россию наступали войска Антанты, и радиосвязи с заграницей не было. Я надел наушники. Действительно, Москву вызывал Будапешт. Включив передатчик, я дал согласие на прием...

Иожеф Добош (слева) и М. Я. Скибин в гостинице «Будапешт» в Москве. Фото О. Кнорринга.

О принятой радиограмме сразу сообщили в Наркоминдел, и через несколько минут раздался телефонный звонок. Я снял трубку, назвал свою фамилию и услышал в ответ:

— Говорит Ленин. Мне сообщили, что вы приняли радио о Венгерской революции.

Я ответил Владимиру Ильичу, что текст радиограммы мы срочно высылаем в Кремль.

Иожеф Добош вспоминает радиоразговор, который произошел между Лениным и Бела Куном.

— В середине дня,— говорит старый радист,— я вызвал Москву и принял сообщение: «Ленин у аппарата»,— передал ему радиограмму Бела Куна. Помню ее буквально: «Вчера ночью венгерский пролетариат завоевал государственную власть, ввел диктатуру пролетариата. Приветствует вас, как вождя международного пролетариата. Передайте наш привет и выражение нашей революционной солидарности русскому революционному пролетариату... Венгерская Советская Республика предлагает русскому советскому правительству вооруженный союз против всех врагов пролетариата. Просим немедленно сообщить о военном положении».

В ответ на это Скибин передал в Будапешт радиограмму Ленина. Владимир Ильич приветствовал Венгерскую Советскую Республику. На следующий день в радиотелеграмме Ленин интересовался, когда в Венгрии состоится съезд Советов. Потом, чтобы убедиться, что он говорит лично с Бела Куном, Владимир Ильич задал ему вопрос.

— Но о чем он спрашивал, не помню, забыл! — сокрушенно признается Скибин.

— Зато я помню,— приходит ему на помощь Иожеф Добош.— Ленин спрашивал, о чем он беседовал с Бела Куном при личной встрече в Кремле. Владимира Ильича ответ Бела Куна вполне удовлетворил.

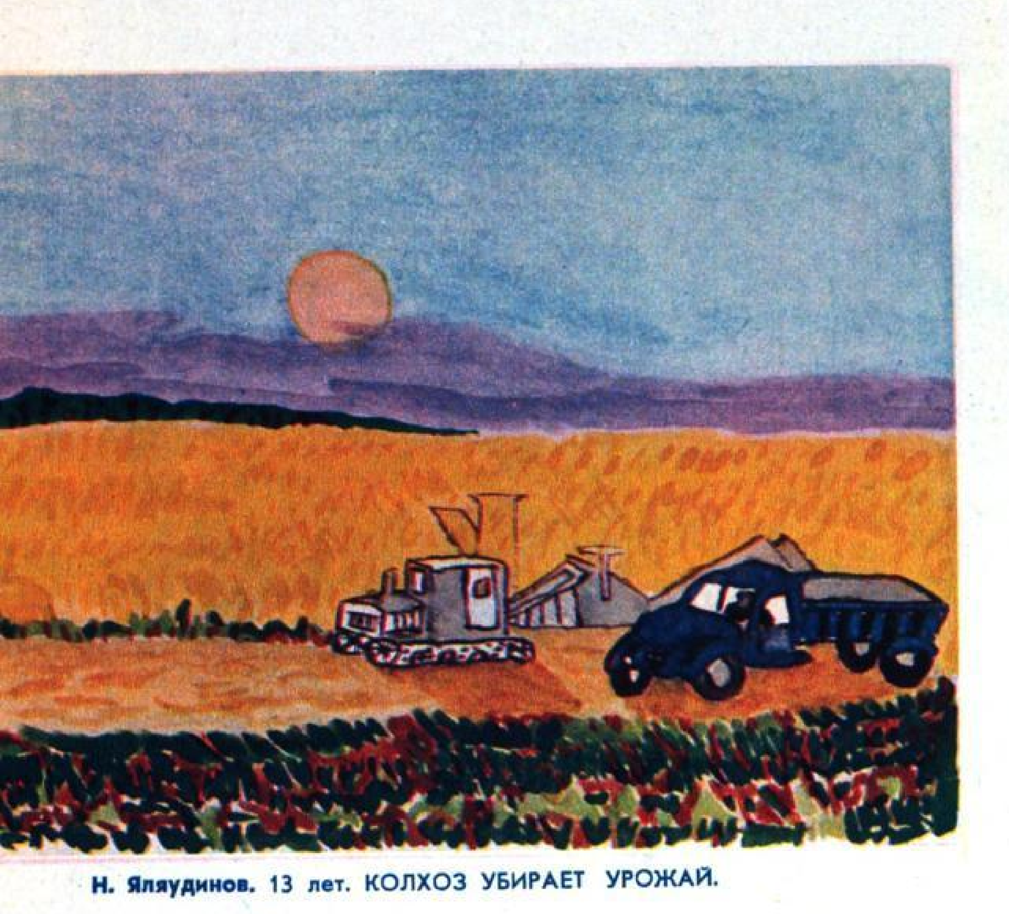
По указанию Ленина Московская радиостанция на Ходынке поддерживала непрерывную связь с Будапештом во все время существования Венгерской Советской Республики.

А. ГОЛИКОВ

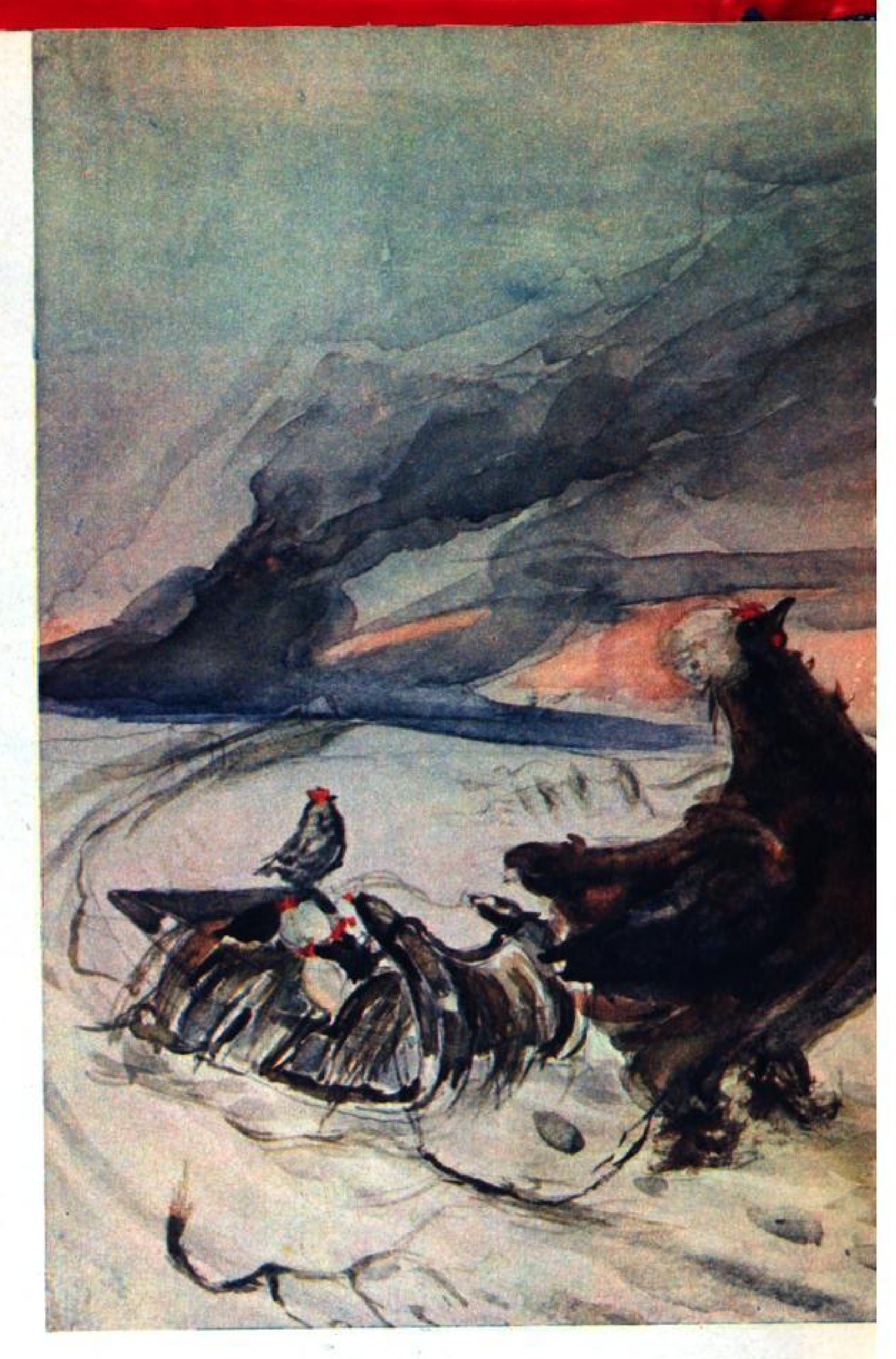
Акоп Коджоян. ДАВИД САСУНСКИЙ.

Акоп Коджоян. ВЕСНА.

Детское

Н. Яляудинов. 13 лет. КОЛХОЗ УБИРАЕТ УРОЖАЙ.

И. Крестьянников. 15 лет. БОРЬБА ЗА МИР.

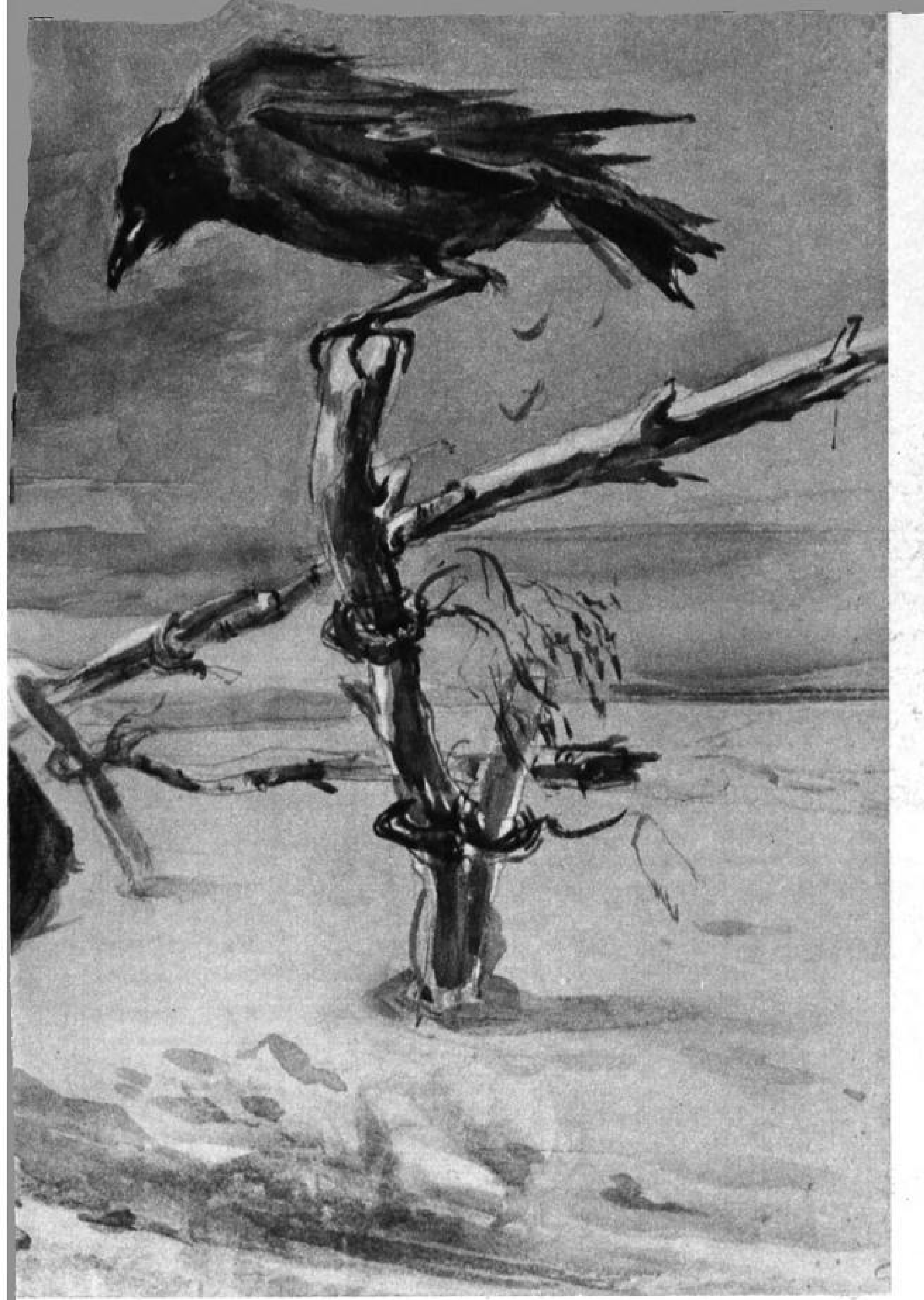

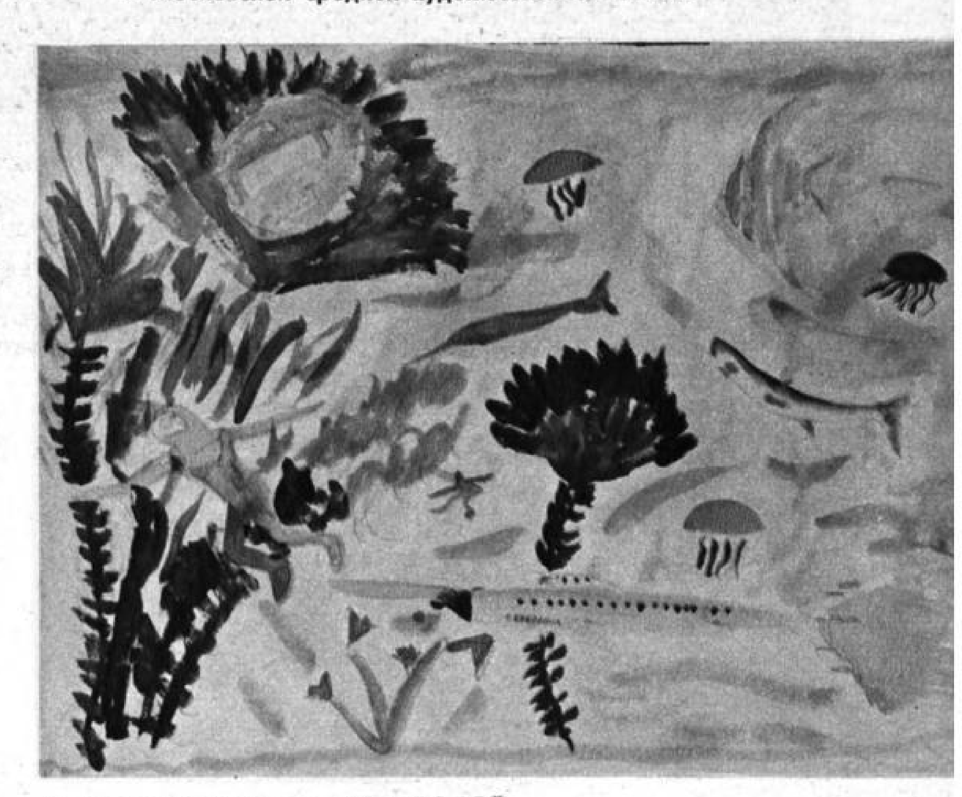
С. Миклашевич. 12 лет. С

творчество

Студия живописи Московского городского Дома пионеров
и Московской средней художественной школы

Н. Пархоменко, 13 лет. БАСНЯ.

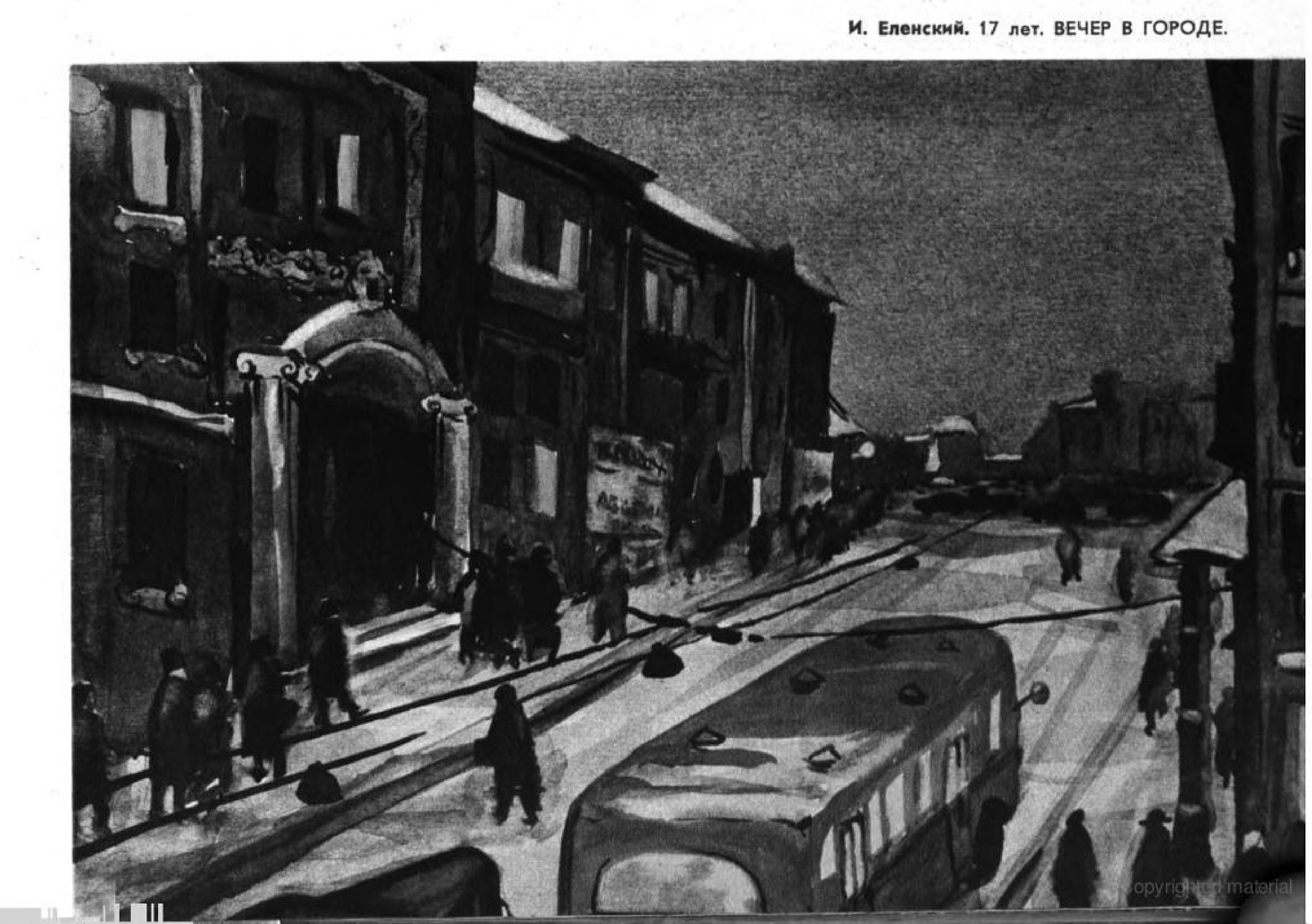

А. Прохоренко. 10 лет. ПОД ВОДОЙ.

И. Еленский. 17 лет. ВЕЧЕР В ГОРОДЕ.

…ЕТСКИЕ ЛЮДИ НА ЛУНЕ.

ВЫСТАВКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЕМЕСЛА ЦЕЙЛОНА

Фото И. Тункеля.

Панно на легендарный сюжет о белом слоне или о царе Висанте.

Маска демона Нагаракша (дерево).

Танец (копия храмовой росписи). Панно на ткани.

Слон из черного дерева.

Танец.

Про Варю

Рассказ

А. МУСАТОВ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Крапива

Хорошее это было лето для Алеши! Как только зазеленели луга, бегал он с ребятами за щавелем. Щавеля много, целые поляны. Потом подросли дудки, молочай, поспела черемуха, вишня, земляника в лесу, зарумянились яблоки в садах. С утра до вечера Алеша только и делал, что разгрызал, жевал, надкусывал. Язык его становился то желтым, то фиолетовым, то коричневым. Алеша до того наедался всякой всячины, что даже болел раза три.

— Ты бы не каждую траву жевал, Алеша,— сердилась мать.— Мало ли зелени на земле растет — всего не перепробуешь!

А как тут не пожевать, когда все ребята жуют? А потом, это так вкусно!

В середине лета в колхоз приехали переселенцы. Они поселились у колхозников.

У Алешиного отца дом был большой, пятистенный. В одной комнате жил Алеша с матерью и отцом, а другая комната, поменьше, пустовала. В нее и пустили одну семью.

В этой семье была девочка. Алеше она сразу не понравилась, как приехала. Маленькая, но крепенькая, как молодой дубок, белобрысая, ноги поцарапаны, за плечами косички прыгают.

— Мальчик, тебя как зовут? — спрашивает девочка, а сама скачет на одной ножке и через веревочку прыгает.

— Зовут Зовуткой...

— А я знаю, Алешей зовут. А меня Варей. Будем дружить? Да? Хочешь скакалочку?

Взял Алеша скакалочку, подпрыгнул, взмахнул — и запутался. Еще раз взмахнул — опять запутался.

— Не хочу!..— И вернул скакалочку обратно.

— А у вас в «чет-нечет» играют? А в «ловички»? А в «гуси-лебеди»?

— Мы во всякие игры играем, — отвечает Алеша, а самому досадно: никогда он про такие игры не слыхал.

А тут матери из дому вышли. Алешина мать и говорит:

— Вот тебе подруга, Алеша. Не обижай ее и другим в обиду не давай.

И Варина мать говорит:

— Ты не смотри, что она маленькая да худенькая. Дома она всегда с мальчишками водилась... Поди покажи ей, где у вас тут река, лес, поле.

Алеше как раз недосуг было: мальчишки на околице поджидали. Но и матери перечить нельзя.

— Пошли, что ли? — кивнул Алеша Варе.

Поднялись они на пригорок.

— Видишь, река! — говорит Алеша. — Чернушка называется. Только тебе тут купаться нельзя: глубоко.

— А я плавать умею,— отвечает Варя.

— Все равно нельзя. Ключи со дна бьют, закрутить может. Девчонки у нас вон где купаются... на пруду.

Прошли еще немного.

— Скотный двор. Слышишь, бык мычит? Это Муромец. Ох, и страшный он! Близко не подходи: сорваться может.

— А я маленькая, за кустик спрячусь.

— Одна такая спряталась... А Муромец ее на рога. Ну вот, все показал. Иди теперь домой.

— А я с тобой хочу.

Алеша руками развел: этого еще недоставало!

— Нельзя со мной. У меня дело есть. Срочное!

— А я хочу.

Видит Алеша, без хитрости не обойтись.

— Мы с тобой завтра еще походим. Хочешь, целый день будем гулять? Я тебе рыбы наловлю, ягод насобираю. А сейчас иди, ладно?

Согласилась Варя, побрела к дому. А Алеша к ребятам помчался.

Стали играть в «палочку-выручалочку». Не успел Алеша до конца сказать считалочки, смотрит, а по дорожке Варя бежит и через скакалочку прыгает.

— А вы в какую игру играете?

— Это чья такая? — спросил у ребят Алешин приятель Степа Карасев.

— Переселенка тут одна,— ответил Алеша.— У нас живет.

Варя стала в круг рядом с Алешей и потянула его за рукав.

— У вас как, по жребию водят или на охотника? А какую я считалочку знаю! Хотите, научу? «Тани-бани, кто под вами, под железными столбами...»

— Знаем, знаем! Не надо! — закричал Алеша и толкнул в бок Степу.— Ну-ка, посчитай, как надо...

А Степа на такие дела вот какой мастер: кого захочет, того и сделает искалочкой! Стали все в круг. Степа подмигнул ребятам и так ловко сказал считалочку, что водить досталось Варе.

Она легла ничком на землю, а мальчишки побежали прятаться. Время от времени они кричали:

— Подожди, подожди! Чур, не подглядывать!

Потом голоса утихли. Варя поднялась и, постучав палкой по бревну, закричала:

— Тише, мыши! Кот на крыше!

И отправилась на поиски.

Она подлезала под бревна, заглядывала в огороды, в сараи. Задрав голову, подолгу смотрела на кудрявую березу: не схоронился ли там кто-нибудь из мальчишек?

А мальчишки тем временем убежали к речке и сидели на берегу. Сидели и потешались. Ваня Антонов на тополь забрался, на самую макушку. С тополя ему все село видно.

— Ну, как там, Ваня? — кричали ему ребята.

— Ищет, под бревна полезла... Вот под крыльцо заглядывает.

— Ищет-свищет. Ой, не могу, ой, лопну! — визжал Степа.— И ловко же ты придумал, Алешка, на речку уйти!

— В крапиве шарит,— передавал с тополя Ваня.— Вот к Шмелевым в огород полезла. В канаву свалилась!

Ваня слез с тополя и сказал:

— Хватит, ребята... Пойдем покажемся. Не по-честному ведь играем.

— Ничего, пусть поищет,— махнул рукой Алеша.— Будет знать, как за нами увязываться!

Долго еще сидели ребята на речке: кто камушки в воду кидал, кто купался. Вот и солнышко ко сну пошло. Разбрелись по домам ребята. Подошел Алеша к дому, видит: Варя сидит на крылечке, щеку рукой подперла, задумалась.

— Эх, ты, сбежала! А у нас так не играют,— строго сказал Алеша.

— Я бы нашла: темно стало.

— Темно, темно! Вот завтра с утра искать будешь.

— Опять я? — испугалась Варя.

— А кто ж за тебя? Ты же искалочка, а не я.

— Я ногу порезала... Ей-ей, порезала! До крови. Вот погляди.

Алеша отвернулся в сторону, ухмыляется — теперь можно быть спокойным: Варя к мальчишкам и носа не покажет.

Но утром на всякий случай встал пораньше. Отвадил, отвадил, а там кто ее знает, эту Варьку! Попил парного молока, затянулся потуже отцовским ремнем и только было переступил через порог, а Варя тут как тут.

Идет и прихрамывает.

— Пойдем, Алеша... Я согласна.

— На что ты согласна?

— Искать вас буду.

Алеша от удивления даже рот открыл.

— У тебя же нога болит!

— Поджила малость...

— Ладно уж,— говорит Алеша.— Мы тебя прощаем... Не надо нас искать. Мы такие места знаем, упрячемся — сто лет не найдешь. Иди домой.

— Это я вчера не нашла. Темно стало... А сегодня обязательно найду.

Ну что тут скажешь?!

Побежал Алеша к ребятам. Варя за ним.

— Вот, — с досадой говорит Алеша, — опять она в «палочку-выручалочку» играть хочет. Мало ей вчерашнего!

Переглянулись ребята. Совсем им не до «палочки-выручалочки». Они только что на вырубку собрались, костры жечь. Степа даже коробку спичек унес из дому. И Варя совсем тут некстати.

— Не хотите в «палочку-выручалочку», давайте в «гуси-лебеди»,— говорит Варя.

Молчат ребята, только на Алешу поглядывают: эх, мол, ты, ворона!.. Опять привел.

И вдруг Степе пришло в голову.

— Какие там «гуси-лебеди»! Поиграем лучше в «голы руки не казать».

— Поиграем, поиграем! — обрадовались ребята.

Каждый обернул себе правую руку зеленым лопухом и сорвал длинный стебель кра-

пивы. Потом все запели: «Голы руки не казать!»,— стали гоняться друг за дружкой и хлестать крапивой по босым ногам и голым рукам. Сначала Варе такая игра понравилась: бегаешь, визжишь, увертываешься.

Но тут получилось как-то так, что крапива чаще всего жалила Варю. Руки и ноги у Вари покрылись красными волдырями. А ребята разошлись, прыгают, хохочут, размахивают крапивой, кричат: «Голы руки не казать, голы руки не казать!»

А как их не покажешь: рукава коротенькие, юбка выше колен! Ребятам, им хорошо в длинных штанах-то. «Хоть бы конец поскорее этой проклятой игре»,— подумала Варя.

Но мальчишки разошлись вовсю: прыгали вокруг нее, хохотали, визжали, приплясывали, размахивали крапивой.

Тут Варя и рассердилась. Нарвала большой пучок крапивы и, забыв про все правила игры, как веником, принялась направо и налево хлестать мальчишек по рукам, по спинам, по головам. Алеше и Степе досталось больше всех.

Отступили мальчишки и с тех пор никогда больше не прогоняли Варю от себя.

По грибы

Подошла грибная пора. Утром Алеша проснулся чуть свет, достал берестяной кузовок, отрезал полкаравая хлеба, густо посыпал солью.

— Ох, Алеша, сборы грибов дороже! — посмеялась мать.— Будет, как в прошлый раз: проходишь до вечера, а принесешь — пожарить нечего... Две сыроежки да опенок.

— Нет,— сказал Алеша.— Я теперь места знаю.

Он затянулся потуже ремнем и вышел на улицу. У березы его поджидали ребята: Степа Карасев, Ваня Антонов и еще несколько мальчишек. Отправились они к Субботинской роще. Не успели до первых перелесков дойти, слышат, железка какая-то гремит: «Трень-трень, трень-трень!»

Оглянулись — Варя их догоняет. В руках у нее большое жестяное ведро.

— Ладно же, ладно! — сказала девочка.— За грибами пошли и не сказались! Припомню я вам!

Переглянулись ребята. Ох, уж эта Варька! Ни одно дело без нее не обходится. Куда бы ребята ни собрались, она тут как тут.

— Мы далеко пойдем...— хмуро сказал Алеша.— В Субботинскую рощу.

— Ну и пусть! — ответила Варя.— Я с дедушкой еще дальше ходила.

— Дождь может начаться. Вымочит всю.

— Ну и пусть! Солнышко потом высушит.

И что ни скажут ребята, а Варя одно твердит: «Ну и пусть!». Так и махнули они на нее рукой.

Добрались ребята до рощи, принялись грибы отыскивать. А как их отыскивать, никто толком не знает. Ходят все кучей, как цыплята за квочкой. Один под куст заглянет — и все нагибаются, один остановится — и все встают. Алеша даже из себя вышел.

— Ходи по одному, рассыпайся!

Стали ребята врассыпную ходить, а сами друг за другом следят: вдруг кто на счастливое место нападет?

А вот Варя, она не так. Ходит еле-еле, шажки мелкие. И так ростом невелика, а тут еще согнется, а то и совсем на четвереньки встанет. В траве руками шарит, землю ковыряет. Словно она по запаху грибы чуяла.

— Вот здесь лисички-сестрички живут,— показывала девочка на редкий сосняк.

И правда, начинали попадаться ярко-оранжевые лисички.

— А это сыроежкина полянка.

— А тут волнушки-старушки прячутся.

Ребята, как куры на зерно, так и налетали на грибы.

Сама Варя пока ничего не брала: ни волнушек, ни сыроежек, ни лисичек.

— Мои грибы дальше будут. Сидят, меня дожидаются.

Подошла она к ельнику, пригнулась и полезла в самую чащу.

Степа Карасев походил, походил вокруг ельника и тоже в чащу полез. Алеша за ним. Ребята за Алешей. Смотрят, а Варя ползает по мху и белые грибы выковыривает. И бормочет про себя. Самый большой, с рыхлой шляпкой, «дедушкой» называет, поменьше — «тятькой и мамкой», а молодые, белесые и, как камушки, твердые — «ребятишками».

Заметила Варя ребят, загородила грибы руками.

— Чур, мой курень! Чур, мой!

Тут уж ничего не поделаешь: раз «чур» сказано, значит, ее. Алеша первым полез обратно. Ребята за ним. Походили они, походили по полянкам-лужайкам, отдохнуть сели. А похвастаться нечем. У Алеши грибов с полкузовка не будет, у Степы еще меньше, а у кого и совсем на донышке. Да и грибы-то незавидные: сыроежки, опята, маслята.

Вылезла из чащи Варя. Ведро у нее полным-полно грибов. Заглянула она в кузовки к ребятам, головой покачала.

— Ой, ребятишки, глаза у вас по ложке, а не видят ни крошки!

— Подумаешь, разбогатела, белый гриб нашла! — фыркнул Степа.— Знаем, зачем ты белых наверх положила: для красоты. А в середине у тебя и опята, и червивые грибы, и поганки.

— Сами вы поганки! — рассердилась Варя. Она опрокинула ведро, высыпала грибы на траву и начала их разбирать.

— Вот, проверяйте. Я маслят и сыроежек не беру...

У себя в ведре она оставляла только белые, а черные грибы, красноголовые подосиновики, рыжики и лисички откладывала в сторону.

— Возьмите! Мне не жалко!

Ребята переглянулись: брать, не брать?

— Нам чужого не надо! — строго сказал Степа, поднялся и полез в кусты.

Поднялись и остальные ребята.

Варя сложила грибы в аккуратную кучку, а сверху воткнула березовый прутик.

— Пойдет кто по дорожке и возьмет вас к себе в кузовок. А я беленькие пойду добирать!

Долго бродили ребята по лесу, а грибы, словно нарочно, не попадаются и не попадаются. Заскучал Алеша. «А ведь и вправду принесешь два гриба, пожарить нечего»,— вспомнил он материны слова. А тут еще ребята зовут. Вышел он на полянку.

— Смотри, Алеша,— говорят ему ребята,— грибы-то унес кто-то...

И правда, прутик березовый остался, а грибов нет. Заглянул Алеша в кузовки к ребятам: нет, у каждого сколько было, столько и осталось.

— А Степа где? — спрашивает Алеша.

Стали тут все Степу аукать. Долго кричали. Наконец он из-за куста показался.

— Что вы кричите! Грибы добрать помешали...

И верно, кузовок у него почти полон грибов. Переглянулись ребята. А Степа и глазом не моргнул, повернулся и опять было в кусты полез. Тут Алеша как дернет его за кузовок — грибы и рассыпались. Степа покраснел и на Алешу с кулаками.

— Варькины грибы, Варькины! — закричали ребята.

— Откуда Варькины?.. Я сам на курень напал...

Тут из чащи Варя выбежала. Встала между Степой и Алешей и тоже закричала:

— Брысь вы, брысь! Расчепитесь!

Потом к рассыпанным грибам подошла и разложила их на четыре равные кучки.

— Кидайте жребий!

Ребята так и сделали. Кому какая кучка досталась, тот ее в кузовок к себе и положил.

Повеселели ребята. Походили еще с часок по полянкам и совсем кузовки с верхом покрыли. Стали домой собираться. Только у Вани Антонова грибов меньше полкузовка было. Увидела это Варя и говорит:

— А давайте все вместе доберем ему до полного!

Ребятам даже смешно. Ведь это же Ваня Антонов! Он никогда ничего домой не доносит. Ягод наберет — съест их тут же в лесу, рыбы наловит — растеряет по дороге.

А Варя знай свое:

— Нужно, чтобы все с полным домой пришли.

Не стали ребята спорить, вернулись в лес, набрали Ване полный кузовок грибов и тогда уже все пошли к дому.

Варя пройдет немножко, остановится, рукой помашет: тяжелое ведро ей всю руку оттянуло. Видит Алеша: отстает Варя.

— Давай поменяемся...— сказал он.— Я твое ведро понесу, а ты у меня кузовок возьми. Он полегче.

Прошел Алеша шагов сто с ведром, и у него рука заболела. И жарко стало. Передал ведро Ване Антонову. И у того силенок не хватило.

Тут кто-то и догадался.

— А давайте на палке понесем!

Отыскали длинную жердь, повесили на нее четыре кузовка да Варино ведро и понесли: двое с одного конца, двое с другого.

Так и в деревню вошли.

У колодца колхозницы качали воду. Увидели ребят, остановили их, стали про грибы расспрашивать. Ребята наперебой рассказывали им про грибные места, частые ельники, мшистые полянки.

— Вот тебе и малые ребята! — говорили колхозницы.— Сколько грибов настригли! Да каких грибов!

...На другое утро ребята собрались на болото за черникой.

— Ну, все в сборе? — поднялся с бревен Степа.— Пошли!

— Вари нет. Она еще завтракает,— сказал Алеша.

— Тогда подождем,— согласились ребята.

Еще раз о ЖБКЛ

Рисунки Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

«Быстро, удобно, дешево» — под таким заголовком в № 8 журнала «Огонек» за 1959 год была опубликована корреспонденция, в которой рассказывалось о строительстве в Подмосковье жилых домов с легким железобетонным каркасом — ЖБКЛ-5 по проекту инженеров С. Е. и Н. Е. Леонтьевых.

Корреспонденция вызвала много откликов читателей. Тут и доброе слово в адрес авторов проекта, и ряд поправок к нему, и вопросы, по поводу которых хотелось бы получить разъяснение.

Наш корреспондент обратился с этими вопросами читателей к одному из авторов проекта дома ЖБКЛ-5 — начальнику главного управления местной промышленности Мособлисполкома Сергею Евтихиевичу Леонтьеву. Вот его ответы.

ВОПРОС. Где и каким образом можно приобрести дом ЖБКЛ-5?

ОТВЕТ. В Московской области изготовлением таких сборных домов заняты пять заводов Мособлисполкома. Причем железобетонные каркасы производит только один из них — Подольский. Понятно, что производительность этих предприятий не позволяет нам удовлетворить запросы всех желающих.

Разрабатывая проект, мы прежде всего задались целью сделать дом таким, чтобы его можно было построить из местных материалов при помощи несложного, дешевого оборудования и чтобы строительство этих домов не было связано с необходимостью вводить в строй крупные промышленные предприятия. Нам удалось довольно быстро осуществить наш проект с помощью предприятий местной промышленности Московской области именно потому, что это было просто и доступно и не повлекло за собой крупных капиталовложений.

Производство самых сложных деталей дома — частей железобетонного каркаса — можно наладить даже в полигонных условиях, на открытом воздухе. Изготовление оконных рам и дверей тоже под силу каждому мало-мальски оснащенному предприятию. Строительные материалы, которые требуются в большом количестве — а это в основном утеплители: камышит, соломит, фибролит, торфобрикеты, саман, шлаковые полублоки,— не являются дефицитными, а те из них, которые стоят дорого, применяются в самом ограниченном количестве. На весь дом требуется всего 3,5 кубометра железобетона и 6 кубометров древесины.

После того, как в «Огоньке» было рассказано о нашем проекте, мы получили запросы на чертежи от партийных, советских и хозяйственных организаций Украины, Белоруссии и других республик, из областей Сибири и Дальнего Востока. Там уже намечается строительство таких сборных каркасных домов. Нам думается, что жители села должны получать стандартные дома не откуда-то издалека, а именно с местных промышленных предприятий. Именно к этим предприятиям и должна адресовать свои требования сельская общественность.

ВОПРОС. Где можно купить чертежи стандартного дома ЖБКЛ-5?

ОТВЕТ. К сожалению, нигде. Ни мы, авторы, ни предприятия, где мы работаем, не в состоянии размножать чертежи. Это под силу лишь специальным организациям. У нас эти функции осуществляет Государственный комитет по делам строительства — Госстрой. Но Госстрой пока что не утвердил проект ЖБКЛ-5 как типовой, хотя он уже длительное время находится там на рассмотрении.

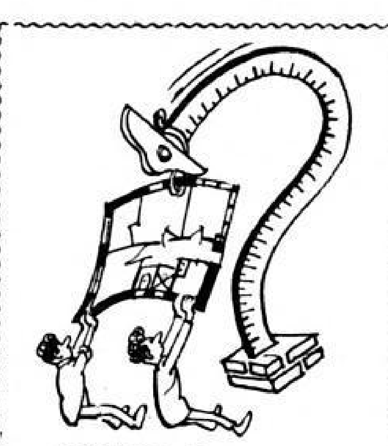
ВОПРОС. Читателей журнала очень заинтересовало центральное водяное отопление, предусмотренное вашим проектом. Они просят рассказать о принципе его действия и можно ли поставить его в уже существующих сельских домах и в существующих печах.

ОТВЕТ. Должен сразу оговориться, что центральное водяное отопление, предусмотренное нашим проектом, не может быть изготовлено, как все остальные детали дома, на небольших местных заводах. Этот вопрос должен решаться в промышленном масштабе. Чтобы решить эту проблему, необходимо либо построить новый, либо переоборудовать некоторые из существующих металлических заводов, чтобы они смогли поставлять комплекты отопления соседним областям.

У нас нет возможностей выслать схему и чертежи всем, кто обратился с такой просьбой к нам и в «Огонек», да и вряд ли индивидуальным застройщикам удастся выполнить все то, что будет указано в чертеже. Но должен сказать, что поставить в уже существующих сельских домах центральное отопление, изготовив его из имеющихся материалов, возможно. Для этого надо иметь стандартные трубы и обыкновенные чугунные радиаторы. Самый сложный узел — змеевик, вмурованный в железную печь. Мы этот змеевик предлагаем сваривать из цельнотянутых труб диаметром в 38 миллиметров. Но в роли змеевика могут с успехом выступить несколько секций обычного чугунного радиатора. Площадь нагрева змеевика должна составлять 0,7—0,8 квадратного метра. Это три — четыре секции радиатора.

Система отопления заполняется водой либо из подключенного к ней водопровода, либо с помощью вмонтированного ручного насоса. Через одну — две недели в систему емкостью до десяти ведер приходится добавлять ведро воды. В летнее время воду из отопления выпускать ни в коем случае не следует. На чердаке или под потолком необходимо установить напорный бачок. Туда поступает горячая вода из змеевика и уже оттуда самотеком расходится по батареям. Нужно помнить, что отопление работает тем лучше, чем ниже относительно радиаторов установлен змеевик. Регулировать обогрев комнат следует подбором секций радиатора.

Змеевик может быть вмонтирован не только в железную, но и в любую другую печь.

ВОПРОС. Как вы относитесь к советам читателей «Огонька» изменить планировку комнат в доме ЖБКЛ-5?

ОТВЕТ. Мы изучили эти пожелания и некоторые из них сочли уместными. В связи с этим в нашем новом проекте, который мы назвали ЖБКЛ-6, мы сделали комнаты более широкими, а сам дом приблизили в плане к квадратной форме. Кроме того, террасу и подсобные помещения (санитарный узел, чулан) мы поместили под одну общую крышу. Террасу остеклили двойными рамами, и она фактически превратилась в светлую четвертую комнату дома. На стоимости строительства в целом это не сказалось, зато жилая площадь увеличилась до 54 квадратных метров, а сметная стоимость одного квадратного метра снизилась с 804 до 649 рублей. Крыша сделана более крутой, благодаря чему с кровли будут хорошо стекать осадки и она станет надежнее. И, наконец, сборка дома по новому проекту значительно упростилась.

ВОПРОС. Многих читателей интересует, как обеспечивается гигиеничность бесканализационного санитарного узла.

ОТВЕТ. Санитарный узел, предусмотренный нашим проектом, не оригинален. Такие узлы строятся в сельской местности многих стран Европы и Америки.

Гигиеничность обеспечивается, во-первых, герметичностью самого унитаза: он снабжен крышкой, на которой укреплена мягкая резиновая прокладка. Во-вторых, вентиляцией: сбоку к унитазу прикреплена вентиляционная труба, выходящая на крышу. В-третьих, адсорбционным веществом: в сосуд, находящийся под унитазом, следует бросать некоторое количество разрыхленного торфа, который не только великолепно очищает воздух, но и способствует образованию ценнейшего удобрения — компоста. Эмалированный сосуд для компоста устанавливается под полом дома. Он изготовлен в виде тележки и вывозится периодически.

Н. КОЗЛОВСКИЙ,
Д. ПОПОВ

СТУДЕНТЫ идут на завод

Два собрания происходили в Киевском финансово-экономическом институте в разное время, но между ними была совершенно определенная связь.

На первое собрание пришли «старички» — студенты прошлых выпусков. Участники этого собрания говорили об одном: давая хорошие теоретические знания, институт плохо подготавливал студентов к практике.

А на второе собрание — оно состоялось в начале нынешнего учебного года — пришли студенты, принятые на первый курс факультета экономики промышленности. Прения были немногословны, решение приняли единодушно: «Всем курсом пойти работать на завод без отрыва от учебы».

Спустя несколько дней первокурсники подали заявления на Киевский завод станков-автоматов, прошли медкомиссию, инструктаж по технике безопасности и затем всем курсом пришли в заводские цехи и стали к станкам под начало опытных мастеров.

Прежде чем поздороваться, нужно вытереть руки. Это токарь, он же студент, Николай Александров. После окончания техникума поступил в институт. Учась в институте, стал работать на заводе; окончил здесь ученичество, получил рабочий разряд токаря. По всему видно, настроение у Николая отличное, и он вполне доволен своей судьбой.

Девятнадцатилетний студент и токарь Валерий Куць внимательно слушает указания опытного мастера Ивана Степановича Зарудного.

Прямо в одном из пролетов, поблизости от рабочих мест, пристроился цеховой кассир и, разложив свой нехитрый инвентарь, начал выдачу аванса в счет заработной платы. Николай Харапонов получил первые в жизни деньги, заработанные своими руками.

←

Распахивается дверь, и на пороге общежития появляется студент Евгений Белый, изрядно нагруженный покупками на весь «колхоз». Он сегодня дежурный по «заготовкам».

→

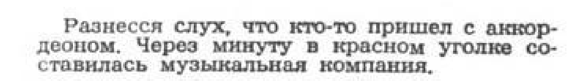
А на кухне дежурные «коки» Сергей Вознюк и Алексей Глебов. Готовится какое-то замысловатое воскресное блюдо.

Выходной день во всех студенческих общежитиях одинаков. Он полон забот о десятках пустяков и важных дел, которые откладываются на воскресенье. Нужно погладить брюки, пришить неведомо где потерянные пуговицы,— хорошо, что зашла студентка Вера Ильченко и помогает в этом деле.

→

Разнесся слух, что кто-то пришел с аккордеоном. Через минуту в красном уголке составилась музыкальная компания.

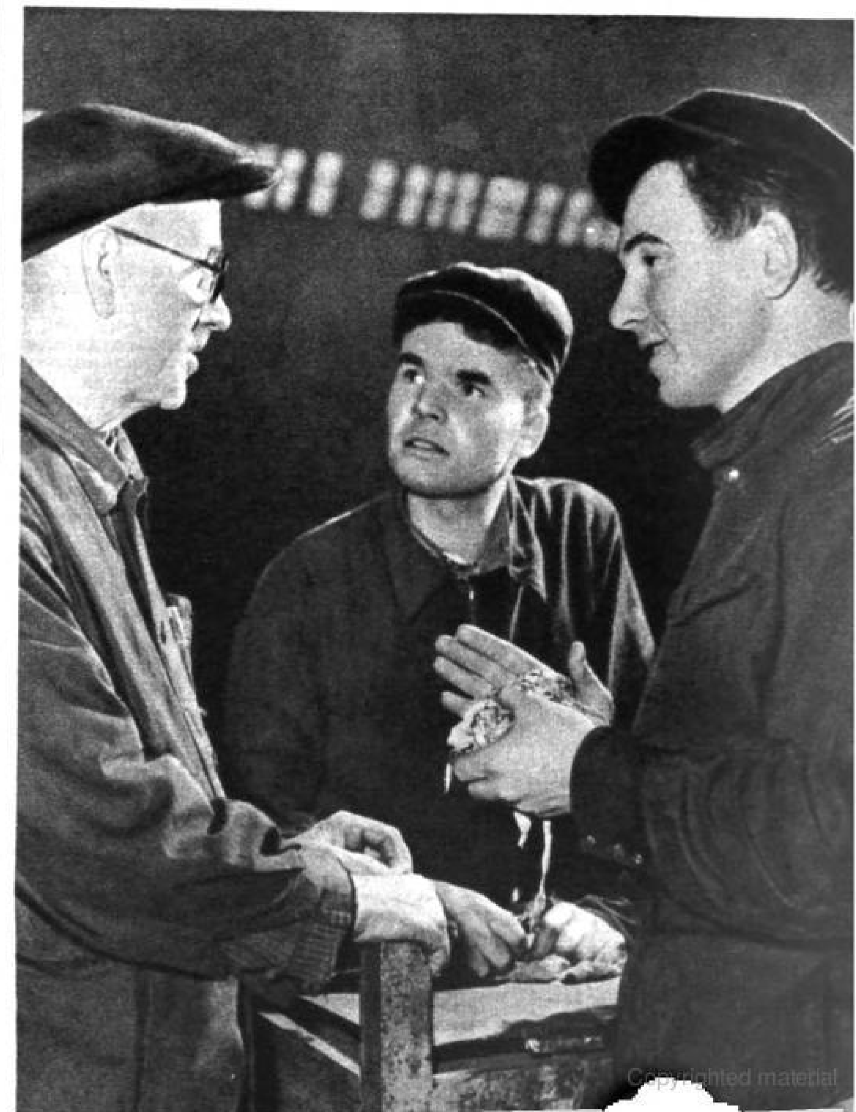

←

Это староста курса Владимир Лагода. Мы спросили у него:

— Какая ваша самая заветная мечта?

— Самая? — Он улыбнулся.— Мечта простая: хорошо окончить институт.

→

Инженер Иван Дмитриевич Климов был когда-то рабочим, потом учился на рабфаке, без отрыва от станка окончил институт.

— Когда я стал инженером, мне было гораздо легче, чем моим товарищам, которые не имели этого опыта за плечами,— говорит он своим новым друзьям.— В общем, одобряю вашу идею, молодцы!

Юрий ХАРЛАНОВ

В гамбургском порту раздался оглушительный взрыв. Это произошло 1 октября 1958 года. Любопытные, сбежавшиеся на набережную, увидели высоко задранный в воздух нос грузового судна «Атлас». Судно готовилось отплыть в Северную Африку с грузом товаров для Фронта национального освобождения Алжира. Полицейские катера подбирали матросов уходившего ко дну «Атласа». Изрядно перепугавшаяся команда судна смогла рассказать столпившимся у решетки зевакам лишь то, что на корме, очевидно, взорвалась адская машина.

Полиция начала расследование, и через несколько дней материалы были переданы в прокуратуру. На этом все кончилось. Прокурор наложил резолюцию: «Прекратить дело ввиду необнаружения преступников».

По Гамбургу поползли зловещие слухи. Говорили о какой-то «красной руке», неуловимой и вездесущей. Ссылались при этом на историю с коммерсантом Отто Шлютером, который вел торговлю с Фронтом национального освобождения Алжира. Он дважды чудом спасся от смерти. В первый раз бомба взорвалась в его конторе. Шлютер вышел из своего кабинета за несколько минут до взрыва, а убитым оказался один из его служащих. После этого Шлютер стал получать странные посылки — маленькие гробики с надписью: «Последнее предупреждение. Прекрати свою гнусную торговлю».

По просьбе коммерсанта этим делом занялась полиция. А через несколько дней в автомобиле торговца разорвалась еще одна бомба. За рулем сидела его мать, она была убита на месте. Сам Шлютер отделался легким ранением. Он потребовал найти и наказать убийц. Но и на этот раз прокуратура Гамбурга прекратила следствие «за ненахождением преступников».

Итак, два крупных преступления остались не раскрытыми гамбургской полицией. Кто же эти неуловимые гангстеры, которые покушаются на жизнь и имущество западногерманских коммерсантов?

Ответ пришел из другого города — из Франкфурта-на-Майне.

Там в начале марта 1959 года было совершено преступление в обстановке, удивительно напоминающей дело Отто Шлютера. Георг Пухерт, тоже занимавшийся торговлей со странами Северной Африки, был убит бомбой, которая взорвалась в тот момент, когда он садился за руль автомашины. Перед этим он также получил несколько угрожающих писем. Полиция Франкфурта напала на следы преступников, но долго не решалась опубликовать итоги расследования. Наконец прокурор Гейнц Вольф взял на себя смелость разгласить эти данные.

Вольф сообщил, что преступления в Гамбурге и Франкфурте совершались подпольной террористической организацией «Красная рука», засланной французской военной разведкой — пресловутым «Вторым бюро».

...Полицейские, наблюдающие за ночной жизнью крупных городов Западной Германии, давно уже приметили группу из трех иностранцев, которые регулярно навещали кабаки и притоны. Верховодил ими высокий, элегантно одетый мужчина с женственным лицом и прической «изобретателя рок-н-ролла» Элвиса Пресли. Он плохо говорил по-немецки, и ему помогал черноволосый здоровяк, свободно говоривший, кроме того, по-английски и по-французски. Если возникали какие-нибудь затруднения с полицией, здоровяк отводил агента в сторону и доверительно сообщал ему, что он представляет здесь французскую военную разведку. Переодетые полицейские неоднократно заставали этих людей во время переговоров с известными западногерманскими гангстерами.

Это и были главари «Красной руки». Кроме взрыва на «Атласе» и покушений на Шлютера и Пухерта, террористическая организация совершила ряд других преступлений. Ей приписывают убийство видного деятеля алжирского освободительного движения Тахара Суалема на вокзале в Саарбрюккене.

Аит Ахсен, на которого было произведено покушение.

«Красная рука» совершила покушение и на адвоката Аита Ахсена — деятеля Фронта национального освобождения Алжира. Автомобиль Ахсена обстреляли, когда он выезжал из ворот тунисского посольства в Бонне. Полиция преследовала черный «мерседес», из которого стреляли, до тех пор, пока он не скрылся за французской границей.

Как сообщают западногерманские газеты, в Европе и Северной Африке, кроме «Красной руки», действует еще ряд террористических банд, созданных «Вторым бюро» и колониальными властями Алжира: «Белая рука», «Зеленый полумесяц» и другие. Они совершили более сотни политических убийств в Марокко, Тунисе, Бельгии, Швейцарии и в самой Франции.

Прокурор Гейнц Вольф назвал имена членов банды. «Элегантный мужчина» — тридцатисемилетний француз Жан Виари, в прошлом инспектор французской тайной полиции в Северной Африке. За убийства, совершенные в Марокко, он заочно приговорен марокканским судом к смертной казни.

«Здоровяк» — бельгиец по месту рождения — Жан-Баптист ван Коттем, постоянно проживающий в Париже, очевидно, имел право выдавать себя за официального представителя «Второго бюро». Более того, франкфуртская полиция не скрывает, что в материалах следствия неоднократно упоминается имя полковника Марсье — одного из руководителей французской военной разведки.

Прокурор Гейнц Вольф открыл и цель покушений. «Красная рука» терроризировала тех западногерманских граждан, которые сочувствуют национально-освободительному движению в Алжире. Она запугивала и тех, кто совершал коммерческие операции с представителями Фронта национального освобождения Алжира.

Разоблачения франкфуртской прокуратуры вызвали взрыв негодования в Западной Германии. Социал-демократическая оппозиция выступила в бундестаге с официальным запросом. Представитель боннского министерства внутренних дел вынужден был давать объяснения в бундестаге. По сообщениям газет, он выразил крайнее недовольство... поведением франкфуртского прокурора!

Еще бы! В момент, когда в Бонне и Париже не жалеют усилий, чтобы продемонстрировать «сердечное согласие» между Западной Германией и Францией, когда руководители этих стран чуть ли не ежемесячно совершают визиты друг к другу, выясняется, что разведка «дружественной державы» ведет на территории другой страны широкую террористическую деятельность.

Франкфуртская полиция отнюдь не рассчитывает, что преступники будут пойманы и наказаны. «Очевидно, они находятся за пределами ФРГ, — заявил следователь Конрад, ведущий это дело. — Нет никакого смысла запрашивать Париж, так как обычно в подобных случаях не дают ответа по политическим соображениям».

Известно, с какой жестокостью французские каратели расправляются с участниками алжирского национально-освободительного движения. Расстрелы пленных без суда, пытки и истязания заключенных в тюрьмах и концентрационных лагерях, уничтожение мирного населения целых деревень — все эти чудовищные факты зверств многократно засвидетельствованы мировой общественностью. Подобного рода методы французская разведка пытается перенести и на взаимоотношения Франции с другими государствами.

Дело «Красной руки» вызвало характерный резонанс во французской печати. Демократические газеты обратили серьезное внимание на «похождения Жана Виари». Проправительственные органы печати сконфуженно напечатали краткую информацию о скандале и этим ограничились. Даже самые реакционные парижские газеты не осмеливаются прославлять похождения Жана Виари и его подручных; уж слишком ясен их низкопробный гангстерский характер. Ясно также, что эта банда действовала по заданию и под эгидой французских официальных властей.

Французские колониалисты не в силах справиться в открытой борьбе с алжирскими повстанцами. Они не в силах ослабить сочувствие и поддержку, которой пользуется во всем мире мужественная борьба алжирских патриотов. Преступные средства, к которым они прибегают, вызывают ненависть и презрение всех порядочных людей.

Машина Георга Пухерта, взорванная «Красной рукой».

Александр СЕРБИН

С волнением перелистываю листки блокнота. На этих листках — записи о двух встречах с Манолисом Глезосом, когда он в качестве корреспондента греческой демократической газеты «Авги» впервые приехал в Советский Союз.

...Дверь гостиничного номера открывает невысокий, плотно сло-

«РОССИЯ ПРИО

Беседа с лордом Бойд-Орром

В Москве, проездом из Китая, побывал видный английский ученый-экономист, председатель Британского совета содействия внешней торговле, член Королевского общества, лауреат Нобелевской премии лорд Джон Бойд-Орр. Это уже не первый его приезд в Москву. В апреле 1952 года он был избран председателем происходившего в столице Советского Союза международного экономического совещания.

Лорд Бойд-Орр и его жена совершили двухнедельную поездку в Китайскую Народную Республику.

— Я стремился, — рассказал наш гость корреспонденту «Огонька», — своими глазами посмотреть на изменения, происшедшие в Китае с осени 1956 года, когда я впервые познакомился с этой бурно развивающейся страной, о чем я написал в моей книге о Китае. Нынешнее путешествие позволило отметить существенный рост жизненного уровня, огромное жилищное строительство и действительно стремительные темпы индустриализации. Китайский народ с подлинным энтузиазмом осваивает богатые природные ресурсы страны, развязывает энергию рек, воздвигает плотины и мосты. Уханьский мост через реку Янцзы, поражающий не только своими размерами, но и новизной методов строительства, произвел на нас особенно сильное впечатление.

В ходе дальнейшей беседы лорд Бойд-Орр поделился и своими московскими впечатлениями:

— Нет нужды вновь говорить о повсеместно бросающемся в глаза благосостоянии советского народа. Для меня несомненно одно: наступила пора признать, что Россия приобрела всеобщее уважение. Этого нельзя не признать, независимо от того, сочувствуем мы или не сочувствуем коммунизму.

Отношение к Советскому Союзу, ставшему величайшей индустриальной силой, за последнее время изменилось к лучшему как в моей стране, так и в Соединенных Штатах. Показательны в этом смысле поездки в СССР таких деятелей, как Сайрус Итон, Аверелл Гарриман, прибывающий сюда вице-

ОБНИМУТ
ИОНЫ

Ровно 18 лет назад, 31 мая 1941 года, в небе над Афинами, оккупированными гитлеровцами, взвился греческий национальный флаг, поднятый Глезосом. Теперь это небо отгородили от Глезоса тюремной решеткой.

Греческая реакция беснуется. Она занесла руку на национального героя, на славу своей страны. Без суда и следствия брошено в тюрьмы много других греческих демократов.

Нельзя допустить, чтобы угроза висела над головой человека, которого весь мир знает как пламенного борца за мир, как героя, воплотившего лучшие черты своего народа.

Миллионы рук стремятся отвести эту угрозу. «Свободу Глезосу!» — требуют греческие рабочие и немецкие студенты, советские писатели и шведские социал-демократы, пионеры Москвы и юристы Англии. Люди благодарны ему за подвиг, возвеличивший человека, за верность идеям мира. Томящемуся в тюрьме Глезосу присуждена премия Международного союза журналистов за его деятельность в защиту мира. Когда Манолис Глезос снова окажется на свободе — а так будет, так должно быть! — ему вручат золотую медаль — награду юбилейной сессии Всемирного Совета Мира в Стокгольме.

Решетка будет сломана, и верного сына Греции обнимут миллионы людей!

женный человек. Густые черные волосы чуть тронула ранняя седина. Серые глаза смотрят спокойно и дружелюбно.

— Проходите, пожалуйста,— говорит он негромким, приветливым голосом.

Сначала не сразу понимаешь, что это он и есть, сам Глезос. Представление рисовало его другим, как это всегда бывает, если знаешь только о подвигах героя. Но вот начинается разговор, проходит несколько минут — и весь оказываешься под обаянием этого человека, простого, удивительно скромного и в то же время сильного своей верой в жизнь.

— Я ехал в Советский Союз впервые в своей жизни,— начинает он,—но ехал как в страну, хорошо мне знакомую. Признаться откровенно, я даже не представлял, что здесь что-нибудь особенно поразит меня. «Все знакомо,— думалось мне.— Я просто увижу здесь на практике ту систему, которую хорошо знаю». Но, едва вступив на советскую землю, я убедился в простой истине, что действительность всегда богаче теоретического знания. Я увидел то, чего не мог вообразить ни в каких фантазиях...

Главное, что интересовало Манолиса Глезоса в СССР, были успехи советской науки и техники. Он ходил по техническим выставкам и музеям, разглядывал модель первого искусственного спутника Земли на Промышленной выставке, был в планетарии, беседовал с учеными и работниками просвещения.

— Я, журналист, приехал сюда для того, чтобы своими глазами увидеть достижения науки и техники Советского Союза, о которых заговорил мир. Науке и технике принадлежит огромная роль в наше время. Поэтому пусть не обижаются на меня в вашем Большом театре, что в первую очередь я пошел смотреть в Москве не балет, а научный фильм «Дорога к звездам».

Примерно то же повторилось и в Ленинграде. Когда Глезоса спросили, что из достопримечательностей этого города он хотел бы увидеть, он ответил: «Атомный ледокол».

Разумеется, не только модели, схемы, макеты и машины интересовали Глезоса. Он внимательно присматривался к людям.

— Ваши люди на выставках — это не любопытные, которые ходят, раскрыв рот от удивления. Они по-настоящему, глубоко и жадно интересуются наукой. Если им что-нибудь не ясно, они упорно добиваются от экскурсовода, чтобы он выложил им все до конца.

С чуть заметной улыбкой Глезос говорит:

— Со мной был такой случай: я задал экскурсоводу вопрос, на который он так и не смог ответить. И тогда за разъяснение взялся один из стоявших рядом посетителей. Мы оба, я и экскурсовод, внимательно слушали объяснение. Когда посетитель кончил, экскурсовод просто сказал: «Да, вы правы». Это мне очень понравилось: советские люди умеют учиться друг у друга...

Глезос, сам увлеченный научными проблемами, ходил по школьным лабораториям, записывал цифры о количестве научных работников, занялся изучением программ научных дисциплин, которые преподают молодежи. Эти программы аккуратной стопочкой лежали тут же на столе.

— Изучая их, я думаю о Греции. Там в гимназиях 12 часов в неделю учат латыни и древнегреческому, — сказал Глезос.

И в этом коротком замечании прозвучала большая забота о своей стране, о ее молодом поколении.

— В Советском Союзе, — говорил Манолис Глезос, — я видел своими глазами, как ваша страна обгоняет другие страны в науке. А это приведет к тому, что и во всех других областях она тоже будет впереди.

О себе Манолис Глезос рассказывал мало и неохотно. Да, он сорвал флаг со свастикой с Акрополя. Как он это сделал? Он знал, как можно добраться до этого флага. Да, его несколько раз приговаривали к смерти. И во время войны и после. Во время войны фашисты арестовали его. Но им не удалось установить, кто он такой. Так смерть прошла мимо.

Потом он снова оживляется, когда речь заходит о советско-греческих отношениях.

— Я уезжаю из Советского Союза, думая о том, что надо сделать, чтобы отношения между нашими странами улучшались и чтобы это пошло на благо мира. Я считаю, что об этом должны думать все греки, независимо от их политических взглядов и идеологических убеждений.

Манолис Глезос.

...ЕЛА ВСЕОБЩЕЕ УВАЖЕНИЕ»

Лорд Бойд-Орр и его супруга в гостях у вице-президента Академии наук СССР А. В. Топчиева, показывающего гостям модель первого советского спутника.

Фото Г. Геронского.

президент США Никсон. Я думаю, что эти люди не стали бы стремиться в Москву, если бы успехи, достигнутые Советским Союзом за последние пять лет, не являлись столь поразительными. Отмечу и прием, оказанный Анастасу Микояну американскими деловыми кругами, стремящимися развить торговлю с вашей страной. И я счастлив, что четыре года тому назад поверил в неизбежность этого прогресса и не побоялся тогда эпитета «красный лорд», которым наградили меня некоторые наши газеты,— шутливо добавляет наш собеседник.

— Какое впечатление произвело на вас и на леди Бойд-Орр общение с советскими людьми?

— Дружелюбие, доброта и миролюбивый характер русских людей общеизвестны, и я, разумеется, уверен в том, что смогу внушить своим соотечественникам одно: только безумцы могут опасаться каких-либо военных намерений со стороны советского народа. Полагаю, что уже достаточно большое число англичан убедилось в том, что Россия оказывает благотворное влияние на ход мировых событий.

Я посоветую моим слушателям и читателям оставить всякие страхи и проводить свои отпуска в туристских поездках по вашей стране, где они, как я убедился, встретят вполне заботливое гостеприимство.

В этот свой приезд я был рад возобновить свои старые связи с советскими деятелями и учеными, в частности с председателем Всесоюзной торговой палаты М. Нестеровым, с академиками А. Топчиевым, А. Виноградовым, директором Института геохимии и аналитической химии имени Вернадского, который я смог осмотреть перед отъездом. Мне приходилось на протяжении последних лет участвовать во многих международных конференциях и встречах, на которых эти деятели, как и другие советские ученые, активно отстаивали дело мира.

В заключение нашей беседы я хотел бы выразить свою непоколебимую веру в быстрое приближение новой эры, эры мира и полного уничтожения войн. Наилучшим средством достижения этой цели должно быть взаимное доверие между Западом и Востоком. Путь к нему — развитие торговли, организация выставок, взаимное ознакомление, ведущее к дружбе. Так, шаг за шагом, мы сможем установить прочный мир.

«Как сталь огневая...»

...В Вильнюсе над могилой расстрелянных рабочих-коммунистов в скорбном молчании стоит человек, и слышится его сердцу доносящийся из-под земли голос погибших, но не сломленных солдат революции:

В борьбе нас не забудьте
 и в работе,
А если в будущем дойдет
 до баррикад,
Здесь, на могилах, камни
 вы найдете,
Пусть в тунеядцев камни
 полетят!

Когда думаешь о боевой поэзии Юстаса Палецкиса, о его жизни и творчестве, вспоминаешь прежде всего именно эти строки из его стихотворения «У могилы расстрелянных коммунистов».

Первые стихотворения Ю. Палецкиса были опубликованы в литовской коммунистической газете «Борьба рабочих» в 1919 году. В них звучал страстный призыв к братьям по классу, призыв накалять ненависть к угнетателям, не выпускать оружия из рук. Надо было иметь большое мужество, чтобы писать тогда такие стихи.

Деятельность Ю. Палецкиса — превосходный пример постоянно крепнущих и развивающихся связей художника с жизнью родного народа. И жизнь и творчество подчинены у него одной благородной цели: стремлению приблизить будущее, сделать судьбу народа такой солнечной и молодой, какой она не была еще никогда.

Читая недавно вышедшую в Москве книгу стихов Ю. Палецкиса, ощущаешь это особенно остро.

В сборник включены стихи разных лет на разные темы, но через всю книгу главной мыслью проходит дума о родном народе, его прошлом и настоящем, о его грядущем дне. И дума эта так горяча и беспокойна, так глубоко и бережно выношена в душе поэта, что захватывает тебя целиком и нельзя ее не услышать, нельзя не разделить всем сердцем.

Живой пафос стихов еще более возрастает, когда поэт обращается к темам современности, к героям наших дней — к молодежи, осваивающей целину, к рядовым великой коммунистической стройки. Поэт старается писать о наших людях так, чтобы стихи его были «нужны рабочим», чтобы «строфа, как сталь огневая, лилась».

Обладая даром публицистической разработки темы, поэт никогда не впадает в риторику, в декламационность. Его публицистика всегда по-настоящему вдохновенна и чиста, я бы сказал, лирична, потому что в ней всегда есть то, что мы называем поэтическим «я» художника: его взгляд, его интонации, его сердцебиение.

Публицистика Ю. Палецкиса, его лирика воспевают молодость нашей земли, нашего дела, нашего времени. Воспевают молодо и увлеченно. Молодостью времени и таланта веет от книги Ю. Палецкиса «Возрождение».

Виктор ТЕЛЬПУГОВ

Ю. Палецкис. Возрождение. Стихи. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1958. 183 стр.

С душевной теплотой

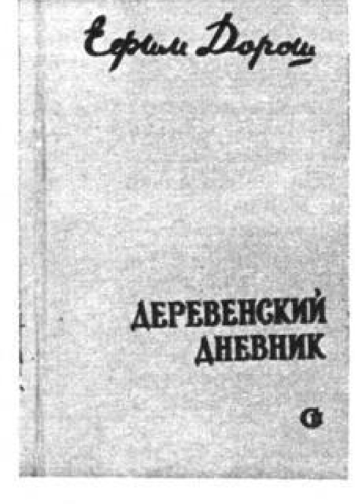
Эта книга заслуживает большого обстоятельного разговора, который уже начался. В пределах же небольшой рецензии следует в самом начале сказать, что это замечательная книга.

Среди московских литераторов часто возникают оживленные разговоры о связи писателя с жизнью, о формах этой связи: то ли это должны быть творческие командировки, то ли поездки на длительное время, то ли вообще массовое переселение писателей в деревню. Все это само по себе тоже может служить предметом серьезной беседы, но как тут не вспомнить не лишенное мудрости изречение Ильфа и Петрова о том, что не нужно так много бороться за чистоту, нужно как можно чаще подметать!

Московский писатель, казалось бы, далекий от того, что происходит где-нибудь в Ростове-Ярославском и в окружающих этот тихий городок деревнях и селах, написал проникновенную, согретую душевной теплотой, полную партийной и государственной заинтересованности книгу.

Это лишний раз доказывает, что главное в вопросе связи писателя с жизнью — внутренняя общественная активность писателя, его внутренний общественный интерес к тому, что делается в стране и в народе, а уж форму связи он как-нибудь найдет сам.

Ефим Дорош вот уже семь лет регулярно ездит в один и тот же сельскохозяйственный район в двухстах километрах от Москвы. Семь лет не такое уж большое время, но какие это годы! Первые записи в дневнике появились, надо полагать, во время первых поездок, когда все просчеты, допущенные в руководстве сельским хозяйством, колхозами, были еще практически в полной нетронутости, но уже повеяло свежим ветром. И в мечтах, думах и планах обнаружились те перемены, которые можно было наблюдать в последние четыре года.

Состояние колхозов, их нужды и достижения, крестьянская смекалка людей, характеры, склад ума, колорит речи, быт земледельцев, природа, среди которой они живут и трудятся, нравы, старина, перспективы жизни тех мест — все нашло место в этой книге, все разумно и пропорционально разместилось в ней.

Автор то задушевен, почти нежен, когда рассказывает о людях, симпатичных ему, о людях честных, чистых, трудолюбивых, будь то председатель колхоза Иван Федосеевич или простая женщина вдова Наталья Кузьминична; то беспощаден, почти жесток, когда речь идет о бюрократах, начетчиках, формалистах, губящих живое дело.

Форма дневника, коротких картинок, зарисовок с натуры дает писателю неограниченную возможность коснуться самых разных сторон деревенской жизни и о всех этих сторонах вынести свое суждение. А собеседник он умный, заинтересованный в деле. Еще и поэтому так интересно читать «Деревенский дневник».

В процессе создания книги писатель ищет средства выражения, нащупывает характер повествования, оттачивает и делает все более богатым и ярким язык. В первой части книги мы еще можем не встретить такой живописи словом, какая встречается, например, на 157-й странице:

«Несколько возвышаясь над заросшими канавами, идет в гору хорошо промытая булыжная дорога. Сейчас, после дождя, под дымчатым небом, откуда льется ровный, как бы процеженный свет, все вокруг радует свежестью и силой окраски. Сейчас видишь, как отличны друг от друга камни дороги — голубые, желтоватые, сиреневые, серые... Мурава под избами и деревья возле них — пронзительно зеленые, как весной. Сами избы — серебристые, с темными пятнами непросохшей воды между бревнами, с пестрыми наличниками, красными, зелеными крышами. А земля — черная».

Но пейзаж пейзажем, а дело делом. Дело-то в книге главное, оно не заслоняется ничем: ни красотами природы, ни лирическими отступлениями, ни экскурсами в прошлое.

Я бы рекомендовал прочитать эту книгу всем, кто имеет хоть какое-нибудь отношение к сельскому хозяйству нашей страны.

Вл. СОЛОУХИН

Ефим Дорош. Деревенский дневник. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1958. 382 стр.

ОПЕРНАЯ ПРЕМЬЕРА В ШКОЛЕ

Началось это ровно год тому назад. Журнал «Огонек» рассказал о том, как в поселке Чкаловском, Щелковского района, Московской области, ученики младших классов школы имени Ворошилова поставили детскую оперу «Гуси-лебеди».

После этого сообщения почтальон стал ежедневно приносить в школу пачки писем. Среди них были и сердечные поздравления и советы, но главным образом просьбы выслать ноты. Маленькие артисты вместе со своими учителями все свободное время до позднего вечера переписывали ноты... Кстати, было бы куда лучше, если бы эту свою прямую работу выполнял Музгиз, и не в свободное, а в рабочее время!

Однажды в школу имени Ворошилова пришло письмо с обратным адресом: «Болгарская Народная Республика, г. Каварна, музыкальная школа».

Юные болгарские музыканты обращались сюда с той же просьбой, что и многие советские школьники. Вскоре они получили в подарок клавир оперы «Гуси-лебеди» Юлии Вейсберг, а в подмосковный поселок пришел из Каварны толстый пакет с оперой-сказкой «Волшебный сон» болгарского композитора Илии Илиева.

Немало трудностей преодолел школьный учитель пения Виктор Николаевич Чепуров, прежде чем в поселке появилось объявление о новом детском оперном спектакле. Нужно было перевести либретто Емила Видлички на русский язык. Чепуров обратился к студентке 3-го курса Московской консерватории Тане Коларовой. Молодая болгарская певица, несмотря на экзамены, взялась за перевод. Вскоре подстрочник был готов. Теперь необходим был русский стихотворный текст. Вспомнили о Сергее Коршунове — молодом поэте, выпускнике Московского университета, который сам когда-то учился в этой школе. Коршунов с радостью согласился помочь односельчанам.

Теперь можно было приступать к постановке. Но школьный вокальный кружок невелик, а в опере «Волшебный сон» очень много действующих лиц, хоры, массовые сцены, пляски.

Объявили дополнительный набор.

Желающих играть, петь и танцевать в оперном спектакле оказалось так много, что образовалось чуть ли не три состава исполнителей — от малышей первых классов до юношей и девушек, заканчивающих школу.

Несколько месяцев юные любители театрального искусства увлеченно разучивали роли, маленький оркестр неустанно репетировал, художники расписывали декорации, и мамы шили костюмы.

Когда наконец раздвинулся занавес в школьном зале, фантастическое путешествие болгарского пионера Владко захватило всех присутствующих. Музыкальная сказка понравилась и детям и взрослым.

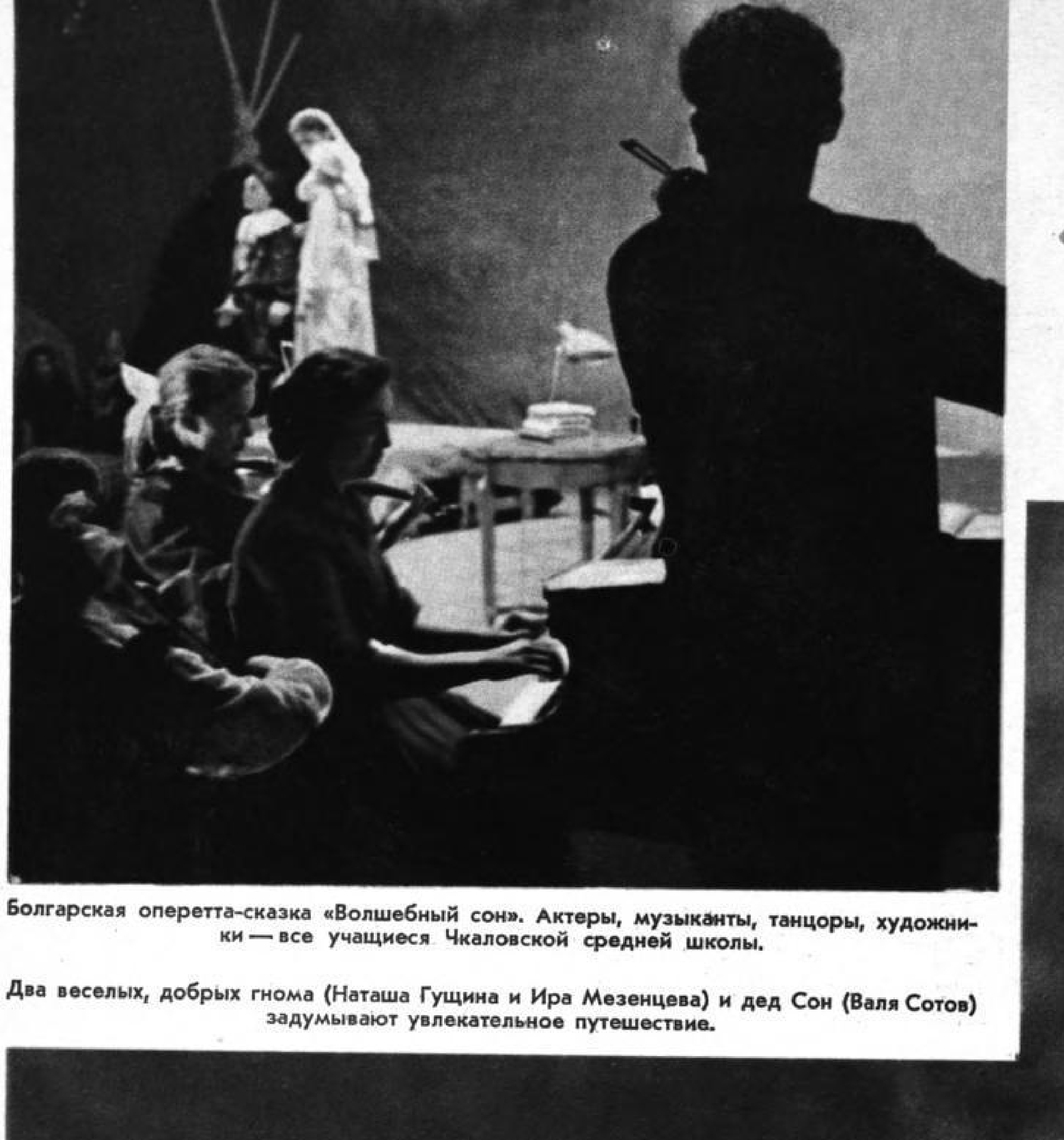
Спектакль школьники много раз показывали у себя в поселке, ездили в другие, играли даже на московской студии телевидения. И всюду юным артистам сопутствовал неизменный успех.

Мих. ЕФИМОВ

На репетиции: учитель пения В. Чепуров, поэт С. Коршунов и студентка Московской консерватории Таня Коларова.

Фото С. Фридлянда.

„Волшебный сон"

Фото С. ФРИДЛЯНДА.

Болгарская оперетта-сказка «Волшебный сон». Актеры, музыканты, танцоры, художники — все учащиеся Чкаловской средней школы.

Два веселых, добрых гнома (Наташа Гущина и Ира Мезенцева) и дед Сон (Валя Сотов) задумывают увлекательное путешествие.

Балерины-снежинки заканчивают подготовку перед выходом на сцену.

Пионер Владко (Володя Качалов) мирно заснул на своей кровати.

Встреча пионеров с медведями на Севере.

Во сне, навеянном гномами, Владко попадает в Черную Африку.

ДВЕРЬ ОТКРЫТА ВСЕГДА

А. Н. ЗОЛОТУХИН,
заслуженный врач РСФСР

ЗАПИСКИ ВРАЧА

Фото Риммы Лихач.

Во дворе стоит кол...

Весь ужас войны, если говорить в чисто личном смысле, выразился для меня в одном факте: я, пожилой, прожививший солидную часть положенного мне срока, остался жив, а мой сын Николай, которому только-только открывался чудесный мир, погиб. Он был артиллеристом, офицером. Его убили 1 декабря 1943 года под Невелем, где он и похоронен. Второй наш сын хоть изрядно побит, но все же уцелел...

Случилось так, что меня сразу по мобилизации отправили далеко на восток, в город Улан-Удэ. Там, в глубоком тылу, готовилась база для лечения тяжелораненых. Меня назначили начальником госпиталя.

Не стоит ворошить те четыре года: тяжело вызывать в памяти пропитанные кровью бинты.

В один из осенних дней 1945 года мое армейское начальство вызвало меня к себе и спросило, имею ли я желание демобилизоваться и вернуться в Курскую область. Это было странно. Я знал, с каким трудом отпускали нашего брата, и вдруг сами предлагают! Но тут же все разъяснилось: Курский облисполком прислал бумагу, в которой просил командование отпустить меня с военной службы на гражданскую работу. В бумаге говорилось о большой разрухе, оставленной войной. И была приложена петиция от граждан Медвенского района, жителей сел, входивших до войны в Лубянский врачебный участок. Тысяча человек подписала петицию. В январе 1946 года я приехал в Курск.

В облздравотделе предложили на выбор два места: больница в Обояни или большой санаторий под Курском. Но, сославшись на петицию, я попросил направление в Лубянку.

Меня встретили жена и дочка Шура. Они жили в нашем довоенном доме. Его война пощадила. Зато не пощадила больницу. Все было разрушено. Ни окон, ни дверей. Один каменный остов, а внутри гуляет ветер, наметает с улицы сугробики снега. В общем, как в присказке: во дворе стоит кол, на колу мочало, начинай все с начала.

Долго и, пожалуй, неинтересно рассказывать, как мы поднимали больницу.

Нужны были средства — их нам дало государство. Понадобились строительные материалы — райком партии и райисполком помогли. Оставалось только приложить руки. И я с благодарностью вспоминаю, как много потрудились тогда мои помощники: Гаврила Васильевич Машкин, отменный плотник и столяр, и мой однофамилец Гаврила Афанасьевич Золотухин, санитар. Оба были тяжело ранены на фронте: у Машкина сидела пуля в легком, а Золотухин остался без пальцев на обеих ногах, — но они никогда не жаловались на нездоровье. В феврале мы уже ввели в строй амбулаторию, а в марте — всю больницу.

Чтобы покончить с делами административно-хозяйственными и биографическими, скажу еще, что вскоре вернулся из армии сын Евгений и сразу же пошел учиться в Курский медицинский институт. Дочь поступила в фармацевтический техникум.

Колхозники очистили поля от металлолома, оставленного войной, он пошел в переплавку совсем на другие машины. Жизнь снова поднималась на пепелищах. Но было трудно, очень трудно!

После приема

Складывавшийся веками стиль описания болезней выработал одну классическую формулу: на фоне таких-то общих изменений обнаружено то-то и то-то (некоторые частности). Перефразируя эту формулу, о деятельности сельского участкового врача можно сказать так: на фоне болезней, общих для всех мест, на данном участке случалось то-то и то-то. И далее следуют частности.

У меня на участке «фон» был пестрый: тут и простудные заболевания, и хронический ревматизм, и желудочные болезни. К «фону» же относится еще одна статья, постоянно присутствующая в летописи больницы: это роды. Достаточно сказать, что за двадцать лет я принял более трех тысяч родов, в среднем получается один гражданин на каждые два дня. Но, конечно, появлялись они не всегда в такой строгой размеренности: бывало иногда пусто, а иногда густо.

Долго оставался нашим неизменным «фоном» в больнице юноша Коля Воронцов: у него был фиброзно-кавернозный туберкулез легких и спондилит — туберкулез позвоночника. Другие приходили и уходили, а он все лежал. Коля, не двигаясь, пролежал на спине несколько лет в специальной кровати. Все-таки мы его вылечили: теперь-то у нас в арсенале имелось могучее оружие — антибиотики.

На этом, если можно его так назвать, спокойном общем фоне время от времени возникали отдельные, возмущавшие спокойствие частности.

У сельского врача нет определенных часов приема «от» и «до»; принимаешь до тех пор, пока не уйдет последний больной. Выражение «дверь открыта всегда» следует понимать в буквальном смысле слова. Это — дело привычки, а привыкаешь быстро. Но по какой-то непонятной закономерности большинство из ряда вон выходящих случаев приключается в самое неподходящее время суток.

Поздно вечером я сидел дома и пил чай. В окно громко постучали. Выйдя на крыльцо, я узнал колхозника К. из соседнего села.

— Беда, Аким Никитович! — сказал он. — Жена кончается, помогите!

— Что с нею?

— Не знаю. Кровью изошла.

— Отчего же все-таки?

Он на секунду замялся, потом сбивчиво произнес:

— Право слово, толком не знаю... Бабьи дела... Известно ведь...

— Где она?

— Привез. Там, в амбулатории.

Я направился к амбулатории, он следом. К счастью, один из моих помощников, фельдшер Николай Иванович Новосильцев, еще не уходил.

Жена К. лежала на кушетке. Лицо белее белоснежной простыни. Дыхание прерывистое. Определить, в чем дело, не составляло труда: острая потеря крови. Причина — так называемый криминальный аборт. Вмешательство «домашними средствами», вероятно, не без участия какой-нибудь грязной «специалистки».

Спасти ее может только кровь. Кровь! Но где ее взять? В амбулатории у нас нет. Свою я дать не могу, так как не имею права считать себя здоровым. Да и группа может не подойти.

Новосильцев побежал в Любицкое звонить по телефону в Курск, в санитарную авиацию, — в больнице, как это ни прискорбно, телефона нет и до сего момента.

Через пятнадцать минут он вернулся:

— Самолет высылают.

Я попросил его выйти подежурить в поле, что недалеко от больницы. Там ровная местность; ее, вероятно, выберет пилот для посадки.

Оставалось только ждать, принимая все посильные меры к тому, чтобы помочь обескровленному организму протянуть еще хотя бы час — полтора.

Это всегда нелегко врачу: сидеть в пассивном положении возле умирающего человека и знать, что от тебя ничего не зависит. Ждать, только ждать!..

Мне вспомнился другой, тоже нелегкий случай с женщиной, пожалуй, даже из всех наиболее врезавшийся в память. Но тогда мне не нужно было ждать, тогда все зависело от моей решимости и умения...

Среди ночи разбудил стук в окно. На улице воет ветер, сухой снег скребет по стеклам. Быстро одевшись, сунул ноги в валенки, накинул пальто. В прихожей ждал колхозник в тулупе, мне незнакомый. В руках кнут.

— Доктор, спасите! — шагнул он мне навстречу.

Я спросил, что случилось.

— Жена... Рожает, никак не разродится!.. Фельдшер смотрел, сказал, срочно чтобы к вам ехал.

— Откуда вы?

— Из Рождественки.

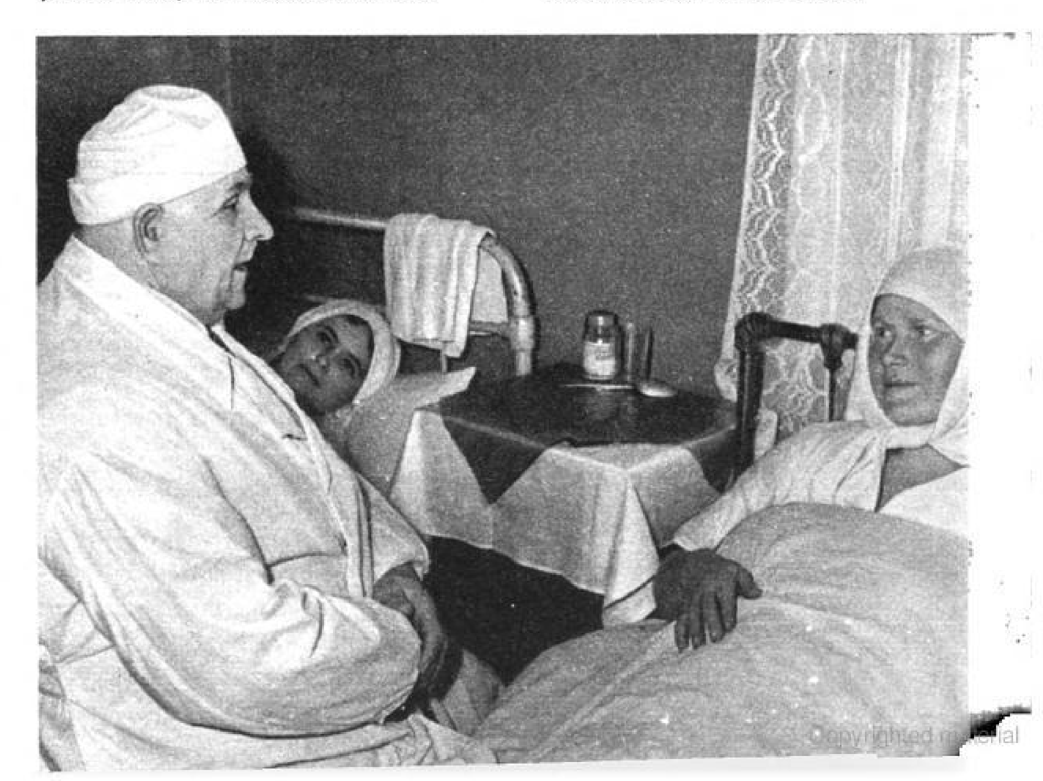
В Рождественке есть фельдшерский пункт, и фельдшер там довольно опытный акушер. Раз он посоветовал ехать за врачом — значит, случай серьезный.

До Рождественки километров двенадцать. Метет метель. Ветер встречный. Хозяин хлещет лошадь нещадно, но подвигаемся мы непростительно медленно. Кажется, что на километр тратим целый час.

Наконец доехали. Деревня спит. Лишь в одном окошке горит свет. Смотрю на часы: ехали всего пятьдесят минут.

В избе стоны. У постели дежурит фельдшер. Раздеваюсь. Мою руки. Потом спирт, йод. Теперь исследовать. Быстро, но не тороплюсь... Через минуту все ясно: поперечное положение плода. Нужно сделать то, что у акушеров на-

А. Н. Золотухин на обходе.

Окончание. Начало см. в № 22.

В физиотерапевтическом кабинете.

зывается «поворот на ножку». Мне еще не приходилось этого делать, но мозг работает четко, рука тверда.

Теперь маску для наркоза, эфир. Что ж, терпи, милая!

Отчаянный, даже какой-то сердитый вопль появившегося на свет мальчишки прекратил тихие стоны матери, стер с отцовского лица застывшее на нем выражение ужаса, расслабил мышцы судорожно сжатых рук фельдшера. Ори, малыш, ори! Сейчас в этой избе, для всех здесь присутствующих не найдешь музыки слаще!

Когда хозяин отвозил меня назад, он тихо напевал себе под нос. Ветер на сей раз был попутный...

...Но вернемся к колхознице К. Я сижу, обхватив пальцами запястье худой, как-то сразу еще больше похудевшей руки. Пульс становится нитевидным — плохой признак... Стрелка на часах не движется. Но соображаю, что прошло уже час двадцать минут.

И вдруг топот ног! Новосильцев и с ним незнакомая женщина. А я и не слышал шума мотора! В руках у них плоские чемоданчики: в таких перевозят кровь.

Кровь!.. Ее лучше не видеть, когда она хлещет из ран. Но как радостно смотреть на нее, когда она заключена в стеклянный цилиндр и когда этот цилиндр принесли к ложу, на котором ждет спасения обескровленный человек!

Гражданка К. не умерла. Самолет вовремя доставил кровь, и все сошло благополучно. Но, отправляясь допивать давно остывший чай, я думал: хоть бы поменьше было подобных «благополучных» случаев.

Гримасы зеленого змия

На пороге стоит удалец-молодец лет двадцати трех, высокого роста, одетый по-городскому, как сдеваются теперь у нас в деревнях молодые люди: темно-синяя пара, белая рубаха, галстук, ботинки на микропористой подошве, любезной всякому врачу, потому что она держит ноги сухими: ведь всегда, когда приходит к тебе человек с насморком и катаральным состоянием верхних дыхательных путей, смотришь ему на ноги: как он обут?

Парень, пришедший на прием, не был болен. Он был просто пьян.

— Товарищу доктору мое почтение! — бросил он развязно.

— Садитесь, молодой человек,— показал я ему на стул.— Что скажете?

— Заболел! — радостно сообщил он. — Надо подлечиться.

— И давно заболели? — Я пощелкал себя пальцем по шее.

Он обиделся.

— Да нет, вы меня не так поняли!..

В конце концов выясняется, что он из села, в котором сегодня престольный праздник.

— Из лекарств могу предложить вам нашатырный спирт, — говорю ему напоследок.— А освобождения не получите.

С тем он и убрался, оставив после себя стойкий сивушный запах.

Как это нелепо: век искусственных спутников, но во многих деревнях еще отмечаются престольные праздники!

Я много, бессчетное количество раз беседовал на эту тему с колхозниками — частным образом и на лекциях — и неизбежно сталкивался с одним и тем же простым рассуждением: денег на трудодни получаем порядочно, в доме достаток, чего ж не выпить, не попраздновать лишний раз? Так рассуждают даже те, кто вообще совсем не пьет.

То обстоятельство, что сам я никогда не пью, дает мне право бороться с пьянством, открыто глядя людям в глаза. На лекции народ собирается охотно. И это уж не тот народ, с которым приходилось разговаривать в 1935 году. Да и деревня не та. В 1935 году на участке было всего две неполных средних школы, а теперь пять неполных и одна десятилетка. В селах — клубы, библиотеки. Учителя, инженеры и техники РТС — это уже своя интеллигенция, большая культурная сила, она заметно воздействует на остальных.

Читая лекцию, чувствуешь, что тебя понимают. Знаю, многие бросили пить, уяснив себе всю пагубу алкоголя. Но это по большей части пожилые, у кого уже дает о себе знать печень. А молодых и здоровых одной, как говорится, голой лекцией не прошибешь.

Нечего греха таить, наши сельские клубы и комсомольские организации работают еще не так, как надо бы. Вот и случается, что парень наизусть стихи Маяковского и Твардовского читает, а придет престольный праздник — он будет праздновать. А потом, чего доброго, и в больницу прибежит: «Аким Никитович, зашейте щеку!», «Аким Никитович, положите примочку на глаз!»

Очень много еще надо поработать сельской общественности на этой неприглядной «ниве».

Война с бабками

Об этом можно было бы написать очень много. Длилась война долго, проходила с переменным успехом, однако медицина все же одержала победу.

Иногда исход сражения решался одним ударом. Оборудовали мы, скажем, в амбулатории зубоврачебный кабинет, приехал зубной врач — и все бабки, специальностью которых было заговаривать зубы, вернее, зубную боль, лишились клиентуры и переквалифицировались в простых домохозяек.

Среди распространенных рецептов у знахарок есть такой: «Ты встань до зари, выйди в чисто поле, ключевой водой умойся, а как солнце взойдет, повернись к востоку, солнцу поклонись и скажи: сгинь, моя болезнь, сгинь...» Поэтично, не правда ли?

Мы открыли у себя физиотерапевтический кабинет, оборудованный современными приборами и аппаратами, и все увидели, что соллюкс или кварц — это искусственное солнце — действует на болезни гораздо сильнее, чем подъем до зари. Опять ряды бабок понесли сокрушительный урон.

Мало-помалу знахарки в наших местах вывелись. Но память о них осталась. Изредка какая-нибудь женщина, прихворнув, начинает выспрашивать у знакомых, не знают ли они, где найти хорошую бабку. Я беру для примера женщину потому, что, по моим наблюдениям, мужчины гораздо менее подвержены вере в знахарство.

Не очень давно произошло следующее.

Некая еще совсем не старая мать семейства ни с того, ни с сего вдруг потеряла аппетит, почувствовала недомогание. Родные стали просить ее, чтобы она сходила к врачу в нашу больницу. Но у нее были на этот счет свои соображения.

Она упорно искала бабку, однако в ближайших окрестностях ничего подходящего не оказалось: так, мелюзга разная.

Тогда кто-то сказал ей, что есть будто бы в Сталинградской области знаменитая бабка, лечит от всех болезней с гарантией. Собралась она в дальнюю дорогу, положила в чемодан сала и меду бабке в подарок и поехала.

Вернулась через несколько дней довольная, с пустым чемоданом. Бабка дала ей взамен сала и меду пакетик с порошком и велела пить дважды в день: утром и вечером — после еды. И, конечно, уверила, что все как рукой снимет.

А дальше события развивались вот каким образом.

Прибегает ко мне вихрастый парнишка.

— Аким Никитович, мамка заболела, вас зовет!

— А что же она сама не придет?

— Она не может ходить, лежит в постели.

Повел он меня к себе домой. Осмотрел я его мамку, выслушал. Глазам моим предстал человек, дошедший до крайней степени истощения.

Прошу ее по порядку и подробно рассказать, когда и как началось недомогание; она же отделывается общими словами, из которых ничего не уяснишь. Ведь я в тот момент не знал, что она ездила к бабке. Снова терпеливо задаю вопросы и, между прочим, спрашиваю:

— А не принимали ли вы какого-нибудь лекарства?

Она взгляд отвела, говорит:

— Лекарства? Нет, не принимала.

— А может, домашними средствами пробовали лечиться?

Молчит, но, вижу, легкий румянец появился на бледных щеках. Кажется, попал...

— К знахарке не обращались?

И тут она все поведала.

Бабка дала ей пакетик с порошком, и она, как было велено, стала пить его утром и вечером. Ее сначала поташнивало, а потом начались сильные рвоты. День ото дня хуже. Однако она не бросала пить, потому что бабка предупреждала: «Будет тошнить, а ты не отступайся. Так и должно быть». Постепенно она довела себя до того, что совсем перестала есть, потеряла силы и вот слегла.

Я взял у нее остатки злополучного порошка, отправил его на анализ. Лаборатория быстро определила, что это медный купорос. Бабуся-то, оказывается, знакома с началами фармакологии! Ведь медный купорос в очень маленьких, безвредных дозах добавляется в рвотные средства, приготовляемые аптеками. Модернизированная, можно сказать, бабуся! Однако шутки шутками, а дело могло кончиться плачевно.

Подобные истории, став достоянием гласности, действуют лучше любой лекции.

32 и 67

Наша семья стала сплошь медицинская. Дочь окончила фармацевтический техникум и работает в лубянской аптеке. Муж ее учится заочно в Московском фармацевтическом институте. Сын мой Евгений вот уже шесть лет заведует районной больницей в Медвенке, и я у него вроде как бы в подчинении. По этому поводу мои знакомые коллеги острят: дескать, не совестно на старости лет быть под началом у собственного сына? И если отвечать им не в шутку, а всерьез, то я бы ответил так: я, старик, доволен своей работой. Мое поколение врачей заложило для них, молодых, фундамент, и пусть они развивают то, что сделано.

А сделано немало.

Если я для примера скажу, что вместо прежних восьми коек в Лубянской больнице имеется теперь двадцать пять, в том числе пять в родильном отделении; что раньше штат больницы состоял из одиннадцати человек, а теперь — из тридцати пяти; что годовой бюджет наш увеличился по сравнению с 1935 годом в шесть раз,— это, может быть, мало о чем скажет. Но есть цифры, в которых, как в фокусе, скрестились все успехи советского здравоохранения.

32 и 67...

32 года — так страшно низка была средняя продолжительность человеческой жизни в России до революции.

67 лет — такова средняя продолжительность жизни в нашей стране, высчитанная в 1956 году.

И когда вдумываешься в эти цифры, испытываешь радость и хочется работать дальше засучив рукава.

Литературная запись
Олега ШМЕЛЕВА.

С огромным успехом проходят в США гастроли балета Большого театра Союза ССР. Вся печать полна восторженных отзывов.
Мы печатаем письмо Альберта Кана, полученное из Нью-Йорка, и отрывки из статей театрального критика Джона Мартина.

СПЕКТАКЛЬ МНОГИХ «ЗВЕЗД»

Жизель — одна из наиболее прославленных ролей Улановой. Нетрудно понять, почему это так. Уланова — актриса редкого, неземного таланта, и роль крестьянской девушки, которая превращается в сверхъестественное, воздушное существо, как нельзя лучше соответствует ее дарованию.
Она создает образ не ради демонстрации своей виртуозности. Актриса обладает удивительно трогательной способностью вкладывать чувство даже в самые знакомые хореографические фразы.
В «Жизели» как будто нет ничего необычного, новаторского. Но отличие и красота Улановой — в ее необыкновенном умении донести до аудитории то, что находится у нее в душе.
Не только Уланова, но и Фадеечев-Альберт и Левашев-Лесничий глубоко прочувствовали свои образы. Фадеечев — молодой, порывистый, несколько напуганный влюбленный, искатель приключений и вместе с тем очень привлекательная фигура. Он тоже танцует превосходно. Лесничий Левашева — темпераментный, одухотворенный, страстный образ.
В па де де из первого акта изумительна Е. Максимова, она артистична, танцует с абсолютным совершенством. И трудно представить более грациозного партнера, чем Г. Евдокимов — поистине замечательный танцор! Следует воздать должное кордебалету, который сделал второй акт просто магическим.
Даже с такой великолепной актрисой, как Уланова, Большой театр никогда нельзя обвинить в спектакле одной «звезды». Само величие актрисы предостерегло бы ее от участия в таком спектакле.

«Нью-Йорк таймс», 2 мая.

Фото Г. Соловьева.

Двадцать пять минут не смолкали неистовые овации зрителей после последнего спектакля «Жизель» в «Метрополитен-опера».

«КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК»

Своей последней премьерой в «Метрополитен-опера» Большой театр избрал балет «Каменный цветок». Второй акт этого спектакля — одно из чудес репертуара.
Место действия его — рынок с самыми разнообразными русскими типажами, которые танцуют свои партии совершенно сногсшибательно. Поразителен ансамблевый цыганский танец, но вершиной всего является цыганское трио. Исполняют его Н. Касаткина, Я. Сех и Г. Евдокимов с фантастическим блеском.
Как в этом действии, так и в остальных Вл. Левашев в роли злодея создает превосходный образ. Он характеризует его верно, с большим чувством стиля и артистичностью.
Хозяйку Медной горы танцует Майя Плисецкая. Замечательно, что, даже стоя на месте недвижимо, она достигает почти такого же эффекта, как в своих бурных танцах.
М. Кондратьева прекрасно танцует верную возлюбленную, с приятной лиричностью, с чудесным драматическим оттенком. Красивый, с высоким прыжком В. Васильев создает образ идеального сказочного героя.

«Нью-Йорк таймс», 5 мая.

В день 95-летия Этель Лилиан Войнич известную писательницу пришли поздравить артисты балета Большого театра: Ярослав Сех, Сусанна Звягина, Екатерина Максимова.

Фото Е. Аккуратова.

За кулисы во время концерта с горячими поздравлениями пришел художник Борис Федорович Шаляпин, сын знаменитого русского артиста.

БРАТСКОЕ РУКОПОЖАТИЕ

Альберт КАН

Мне повезло дважды. Во-первых, в день начала гастролей Большого театра я находился в Нью-Йорке; во-вторых, я был владельцем билета на спектакль!.. В тот вечер давали «Ромео и Джульетту» Прокофьева с участием Улановой. Несколько месяцев назад я видел этот балет в Москве, но спектакля в Нью-Йорке ожидал, вероятно, с еще большим волнением, чем все зрители. И не только потому, что знал, какое прекрасное зрелище меня ожидает. Я был убежден, что русский балет произведет огромное впечатление на моих соотечественников, и понимал, как это важно для роста добрых отношений между нашей страной и родиной артистов Большого театра.
В день первого спектакля я проснулся около четырех часов утра после беспокойно проведенной ночи. Я думал о русских: какой прием ждет их в огромном, новом и чужом для них городе? Сможет ли американская публика понять русское искусство так же, как понимают его на родине русских?..
И в тот же вечер на все эти вопросы был дан полный и ясный ответ. Уланова и другие артисты Большого театра покорили Нью-Йорк. «Восхитительно!», «Потрясающе!», «Великолепное зрелище, пронизанное драматизмом и полное жизни!» — вот отзывы на спектакль. Газета «Нью-Йорк таймс» писала о спектакле с участием Улановой: «Это был вечер, который не забудет никто из присутствовавших в театре. Слово «балет» в наших краях приобретет теперь новый смысл...»
Мне в этот вечер показались особенно знаменательными и символичными некоторые моменты. Не забыть, как все находившиеся в огромном зале «Метрополитен-опера» поднялись и в торжественной тишине, стоя, слушали американский и советский национальные гимны в исполнении американского оркестра под управлением советского дирижера Юрия Файера...
Так же глубоко взволновала меня заключительная сцена балета. Враждующие семьи Монтекки и Капулетти обнимают друг друга, примиренные любовью своих детей... Воцарилось молчание, и занавес стал опускаться. Потом публика встала и начала аплодировать артистам. Артисты, в свою очередь, аплодировали зрителям...
«О брат Монтекки! — восклицает Капулетти в конце шекспировской трагедии.— Дай свою мне руку!».
У скольких зрителей прозвучали эти слова в сердцах! Как много людей в нашей стране страстно хотят кончить «холодную войну» и протянуть руки для братского пожатия русским! Какую великолепную роль играет балет Большого театра в деле дружбы и мира!..

Р. Стручкова и А. Лапаури исполняют в концерте «Вальс» М. Мошковского.

Фото Г. Соловьева.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

ШКОЛЬНИКИ ЗА РУЛЕМ

На занятиях по автоделу в 281-й московской школе.

Фото Ф. Короткевича.

Во дворе 281-й московской школы собрались ученики 10-го класса. Сейчас начнется урок практического вождения автомобиля. Уже выкатили из гаража светло-серую «Победу» с двумя табличками спереди и сзади: «Учебная». Те, кто сегодня сядет за руль, протирают стекла, начищают никелированные бамперы, проверяют уровень масла, бензина, подкачивают шины.

Преподаватель автодела Б. Л. Боршанский как-то обратился к ученику Виталию Годунову:

— Ты с нами не поедешь.

— Почему?

— Учишься плохо, двоек нахватал. Вот исправишься, тогда посмотрим.

Минуло несколько месяцев после этого разговора. Виталий теперь не получает двоек. Он стал прилежным, хорошим учеником. Любовь юноши к автомобилю сделала свое дело.

Спросите любого десятиклассника 281-й школы: «Какой твой любимый предмет?» И он обязательно ответит: «Автодело».

Ребята не только знакомятся с устройством автомобиля и работой всех его механизмов, но и учатся управлять машиной. Каждый ученик должен провести за рулем не меньше десяти часов.

В прошлом году восемнадцать выпускников школы получили водительские права. Сейчас к экзаменам в Госавтоинспекции готовятся двадцать юношей и девушек. В школе проводятся соревнования на звание лучшего автомобилиста. Чемпионом школы в этом году стал Сережа Копытов.

Л. КАФАНОВА

Оазис создали строители

Рабочие Красноводского нефтезавода заканчивают благоустройство пионерлагеря.

Фото Г. Санько.

Ночью задул «афганец». Злой, горячий ветер поднял тучи раскаленного песка и понес его на город. Трудно дышится. Даже ночью было 37 градусов жары! «Неужели и за городом нельзя найти местечко, где было бы не так жарко?» — думал директор Красноводского нефтеперерабатывающего завода Николай Григорьевич Литвинов.

Он стал расспрашивать старожилов и узнал, что в Авазе, небольшом рыбацком поселке, недалеко от города, постоянно дуют прохладные ветры и там дышится легко.

Николай Григорьевич съездил в Авазу, проверил. И вскоре приехал туда с начальниками цехов и членами заводского комитета.

Многие удивленно оглядывали выжженные солнцем пески. На горизонте ни деревца.

Рабочие решили сами создать тут оазис. Строили всем заводом после работы.

И вот сегодня перед путником, едущим из Красноводска в Авазу, неожиданно среди рыжих песков возникает большой сад. Благоухает белая акация, зеленеет привыкший к безводному климату карагач, робко расправляют листья тоненькие топольки.

В однодневном доме отдыха Авазы могут разместиться 250 человек.

В четырех зданиях находятся детский сад и пионерский лагерь. Триста малышей — питомцев заводского детского сада — проведут здесь лето.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Ордена Славы инженера Селезнева

Четырнадцать лет назад после тяжелого ранения солдат Владимир Селезнев демобилизовался из Советской Армии с орденами Славы III степени и Красной звезды и медалью «За отвагу».

Бывший разведчик с отличными оценками окончил горный техникум, а затем защитил и диплом инженера.

И вот, получив назначение в уральский город Сухой Лог, молодой инженер пришел в военкомат, чтобы стать на учет.

— Видно, хорошо воевал,— сказал офицер, просматривая графу о боевых наградах.

— Возможно, тут не все записано,— заметил Селезнев.—Представляли меня еще к одному ордену Славы за разведку в тылу врага. Но не знаю, правда: наградили или нет. После этого вскоре меня ранило, а затем воевать пришлось уже в другой части...

Офицер внимательно выслушал, записал что-то у себя в блокноте. Вскоре Селезнева пригласили к районному военкому.

— Пятнадцать лет дожидался хозяина,— сказал подполковник И. К. Корнеев, вручая бывшему разведчику орден Славы II степени.

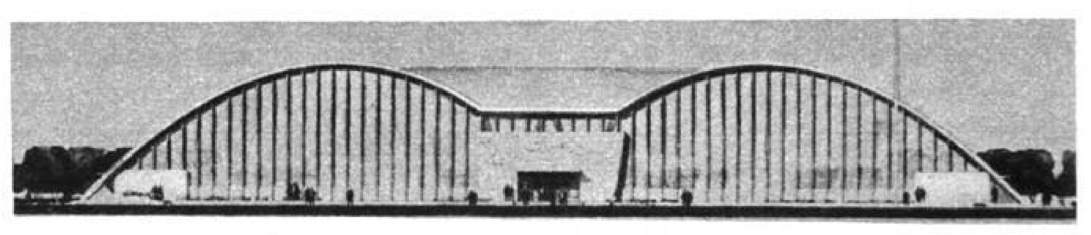
А совсем недавно в Сухой Лог на имя начальника горного цеха цементно-шиферного завода Владимира Селезнева пришла еще одна радостная весть. Из Министерства Обороны СССР сообщили, что в архиве обнаружен приказ о награждении рядового В. И. Селезнева орденом Славы I степени за геройский подвиг в боях на подступах к Берлину.

...Жаркие бои шли тогда каждый день. В составе небольшой группы разведчиков Селезнев под огнем противника форсировал Одер. Целые сутки бойцы удерживали важный плацдарм, отражая яростные атаки гитлеровцев. В этих боях Селезнева тяжело ранило, четвертый раз за войну. Почти полгода провел он после этого в госпитале, и о том, что награжден третьим орденом Славы, так и не узнал тогда.

Орден Славы I степени отважному разведчику вручили в торжественной обстановке на общезаводском митинге. Герои Великой Отечественной войны, кавалера всех орденов Славы поздравили родные, друзья, товарищи по работе.

А. ГРИГОРЬЕВ

Крытый корт в Лужниках

На Центральном стадионе имени В. И. Ленина скоро появятся новые сооружения. К «спутникам» Главной спортивной арены прибавятся еще три.

Строится закрытый теннисный корт с четырьмя площадками для тренировочных игр. На высоте трех метров от пола протянется балкон с двумя рядами мест для пятисот зрителей.

Это помещение может быть превращено и в единый спортивный зал, опоясанный легкими сборно-разборными трибунами для трех с половиной тысяч зрителей. Здесь можно будет проводить соревнования по теннису, волейболу, баскетболу.

Неподалеку от Дворца спорта соорудят закрытый каток для тренировок хоккеистов и фигуристов. Длина этого здания — около семидесяти, ширина — сорок пять метров. Главный фасад представит собой стеклянный витраж, сверху окаймленный железобетонным козырьком. Хладоцентр, питающий Дворец спорта, будет обслуживать и тренировочный каток: сюда проведут трассу рассолопровода.

Под метромостом, часть которого нависает над стадионом, намечено устроить тренировочный легкоатлетический манеж.

Корт, каток и манеж будут хорошо оборудованы. Уже в будущем году они войдут в строй.

А. СОРИН

Фотоаппарат «Малютка»

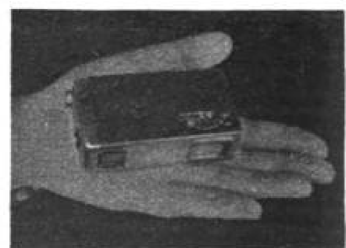
Когда делегация Украины выезжала на XXI съезд КПСС, работники Киевского совнархоза вручили ей миниатюрный фотоаппарат — опытный образец нового изделия.

Теперь готовится массовое производство. И хотя фотоаппарат имеет официальное название «Киев-Вега», за ним прочно закрепилась ласкательная кличка «Малютка». Он немногим больше спичечной коробки. Но при малых размерах в нем 105 деталей.

Этот фотоаппарат — прекрасный подарок любителям. Он имеет объектив «Индустар» — 3,5/2,3, два светофильтра: МС-17 и ОФ-12. Выдержки — 1/3, 1/60, 1/200. Диафрагма—от 3,5 до 11.

На пленке вмещается 20 кадров, каждый размером 10×14 миллиметров. Пленка может быть с перфорацией и без нее.

Мих. СЕМЕНОВ

Фотоаппарат «Киев-Вега».

СОВЕТСКАЯ ВЫСТАВКА В НЬЮ-ЙОРКЕ

И. БОЛЬШАКОВ,
заместитель министра внешней торговли СССР

30 июня в Нью-Йорке, в выставочном здании «Колизей», открывается советская выставка. Это будет первая большая наша выставка в Америке в послевоенное время. Она познакомит американский народ с созидательным мирным трудом наших людей, с их культурой, бытом и отдыхом. Над составлением экспозиции работала большая группа специалистов. Они многое сделали, чтобы занимательно и доходчиво показать достижения Советского Союза в области науки, техники и культуры.

Более 10 тысяч экспонатов представит наша промышленность. Среди них — металлообрабатывающие станки новейшей конструкции, первоклассные машины, приборы. На стендах будут выставлены действующие макеты металлургического комбината, атомного ледокола «Ленин», Сталинградской электростанции, аэродрома, оборудованного современными электронными приборами, легковые автомобили «ЗИЛ-111», «Чайка», «Волга», «Москвич», тракторы, сельскохозяйственные орудия.

Несомненно, большое внимание привлекут сделанные в натуральную величину модели первых трех советских искусственных спутников Земли.

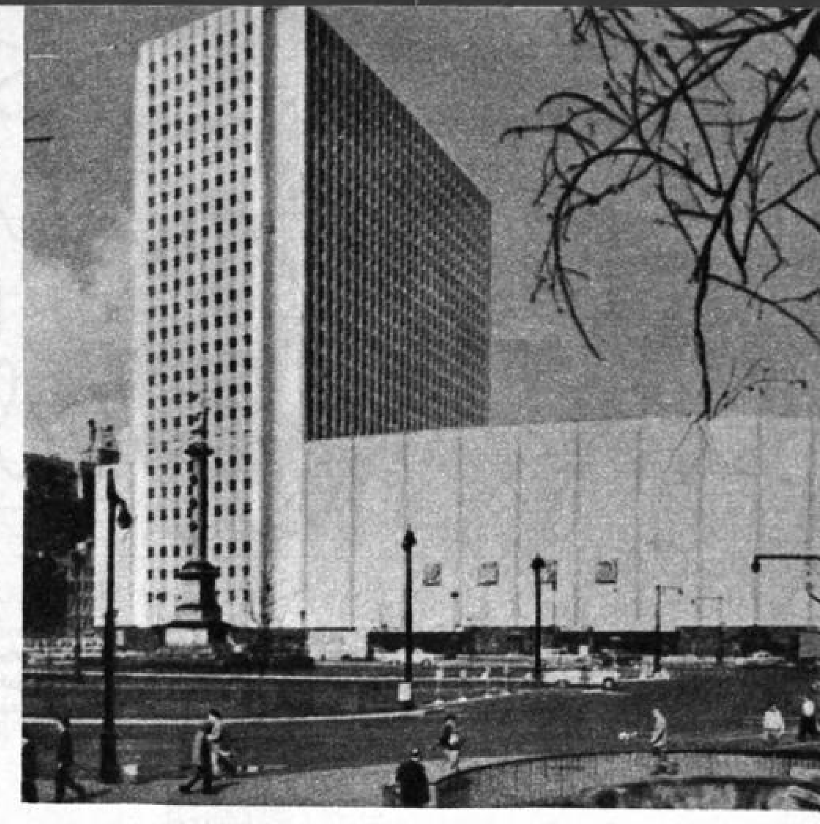
В большом и разнообразном ассортименте будут представлены предметы широкого потребления — различные ткани, меха, ковры, обувь, готовая одежда, музыкальные инструменты, кустарно-промысловые изделия, предметы домашнего обихода. Американцы познакомятся также и с продукцией нашей пищевой промышленности.

Наглядные экспонаты, красочные панно, яркие фотографии, диаграммы, плакаты, макеты — все это расскажет американцам, как быстро движется СССР дорогой технического прогресса, как растет жизненный уровень советских людей, какие радостные перспективы открывает перед ними семилетка.

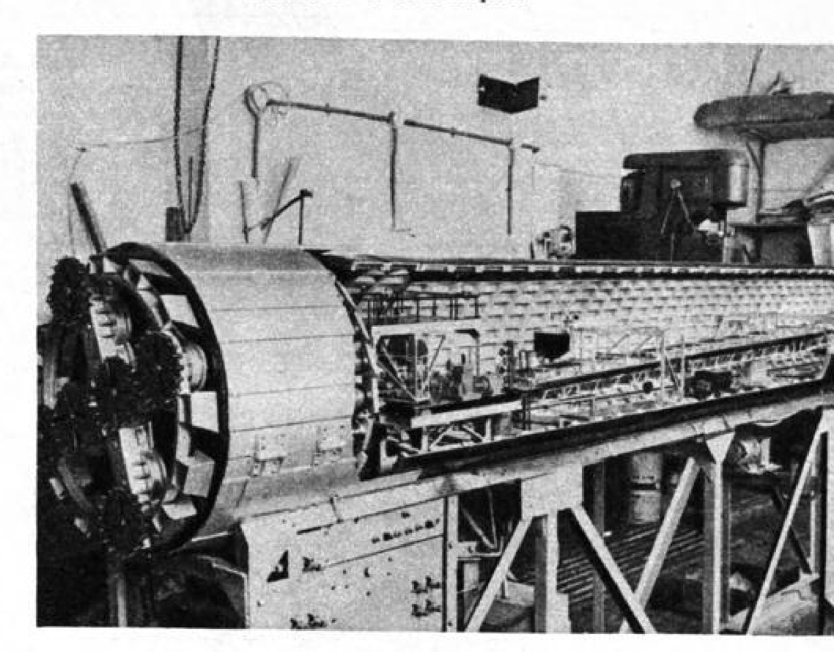
Значительное место в экспозиции займет раздел культуры. Здесь посетители узнают о многих видах образования советских людей — в СССР учится более 50 миллионов человек. О расцвете многонационального советского искусства будут свидетельствовать лучшие произведения наших писателей и художников; предполагается экспонировать более 6 500 книг художественной, научной, детской и социально-экономической литературы, 80 произведений советской живописи и 30 скульптур. Тут же — макеты художественного оформления лучших наших спектаклей. Специальные стенды отводятся кино: американцы увидят кадры из многих фильмов последних лет — «Тихий Дон», «Летят журавли», «Дом, в котором я живу», «Идиот».

В дни работы выставки в одном из кинотеатров Нью-Йорка будут демонстрироваться наши панорамные фильмы. В это же время там будет выступать народный хор имени Пятницкого и артисты из союзных республик.

Советская выставка в Нью-Йорке явится большим событием в культурной жизни США, она послужит делу сближения и лучшего взаимопонимания народов двух великих стран.

«Колизей» в Нью-Йорке.

Проходческий щит для метро (макет).

Металлургический комбинат (макет).

Владимир Дуров и его артисты

...Осенним днем 1928 года в лесной тишине гулко грянул выстрел. Охотник — жертва нечаянного, самопроизвольного выстрела — был убит наповал. Так погиб гастролировавший тогда в Ижевске известный цирковой артист Анатолий Анатольевич Дуров — дядя Володи Дурова, один из самых близких для него людей.

Фото Л. Герасимова.

Вызванный в Ижевск телеграммой, Владимир Дуров уже через несколько дней, в ноябре 1928 года, заменил своего дядю, став продолжателем аттракциона, начатого много лет назад его дедом по материнской линии — знаменитым русским дрессировщиком и клоуном Анатолием Леонидовичем Дуровым.

Еще школьником во время летних каникул он нередко сопутствовал дяде в гастрольных поездках. Мальчик ревностно помогал артисту, вместе с ним выступая на представлениях, ухаживал за животными, наблюдал их повадки, внимательно присматривался к системе дрессировки. Но этого для самостоятельной работы все же было недостаточно. И тут на помощь пришли те черты характера, без которых немыслимо любое искусство, а искусство дрессировщика в особенности: воля, бесстрашие, любовь к труду, неиссякаемая терпеливость.

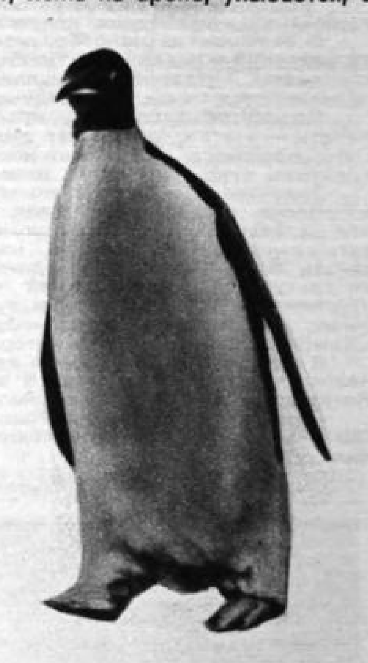
...Разумеется, есть у дрессировщика свои любимцы, которых он предпочитает другим. Но годами вырабатываемое ровное, ласковое отношение к каждому животному, знание его повадок, особенностей, природных наклонностей, «характера» представляют собой одну из основ дрессировки. Принцип, которым руководствуется Владимир Григорьевич, состоит в том, что звери должны быть безупречно здоровы, сыты, чисты и ни в коем случае не запуганы. Недаром же так охотно и весело работают дуровские «артисты».

Есть у Дурова такой номер: слон наступает ему ногой на грудь. Обычно животное делает это мягко, осторожно, едва касаясь тела своего «учителя». И вот однажды во время представления, когда могучий слон, тяжело ступая своими громадными лапами, подошел к лежащему на спине дрессировщику и уже занес над ним ногу, в цирке внезапно погас свет.

«Только бы он не испугался!» — пронеслось в голове артиста. И Дуров ласково заговорил:

— Спокойно, Максинька, спокойно. Все в порядке, Максинька...

Когда через несколько секунд свет зажегся, зрители, оцепеневшие от страха, увидели, что артист, лежа на арене, улыбается, а

над ним с поднятой ногой невозмутимо стоит слон. Умное животное застыло в этой позе и простояло так до тех пор, пока вновь не загорелось электричество.

— Я тогда только опасался, — вспоминает Владимир Григорьевич, — чтобы внезапно не раздался какой-нибудь шум сверху. Слоны очень пугаются звуков, доносящихся сверху, так как поднять голову, чтобы установить причину шума, они не могут, и это, естественно, их раздражает... К счастью, все обошлось благополучно!

По мнению артиста, приучить животное к доброй, ласковой руке дрессировщика — значит открыть «путь к сердцу» слона и голубя, кенгуру и лисы, верблюда, морского льва, петуха, обезьяны...

Владимир Дуров принес на манеж высокую речевую культуру. Прозаическое и поэтическое слово занимает в его выступлениях заметное место. В одной из сценок артист ведет «разговор» с морским львом. По незаметному для зрителя сигналу дрессировщика животное делает резкий, громкий выдох. Звучит

этот выдох совершенно отчетливо, как «ага». Подобный «словарный запас» морского льва оказался вполне достаточным для создания забавного диалога.

Зрители, видевшие один из «коронных» аттракционов Владимира Дурова, «Железную дорогу», наверняка запомнили удивительно быстрого носильщика — белого африканского хорька. Буквально в мгновение ока он уносит с арены багаж пассажиров—четыре «мешка» один за другим. Я попросил Владимира Григорьевича объяснить, как это делается. Взяв с меня слово, что никто, кроме читателей «Огонька», не будет посвящен в эту профессиональную тайну, артист рассказал:

— Роль носильщика исполняет целый «коллектив»— четыре хорька. Внешне они очень похожи. И пока один из них, вцепившись в мешок, мчится с арены за кулисы, там уже мой помощник держит второго носильщика, готового выскочить на манеж.

— Ясно. Но почему же они так бешено носятся? Кто их подгоняет?

— Аппетит! К мешочкам прицеплены кусочки мяса. Зная это, каждый хорек торопится схватить и унести в свою клетку вкусный «багаж».

Поздним вечером мы сидели с Владимиром Григорьевичем в его квартире, и я слушал увлекательнейший рассказ о дрессировке животных, о разных эпизодах из тридцатилетней практики артиста, о городах, где доводилось ему выступать. Мой собеседник называл Киев и Баку, Сталинград и Армавир, Брюссель... Около двухсот городов... А к нам, беспорядочно чередуясь, из передней доносилось мяуканье, лай, буйный, залихватский свист, блеяние овцы... «Сложная квартира», — подумал я и спросил:

— У вас и дома живности полно?

В это время, важно ступая, вошел из передней в комнату, где мы сидели, маленький африканский попугай Жако, серый, с красным хвостиком.

— Сейчас это мой единственный квартирант. Его «репертуар» вы сейчас слышали.

Как бы в подтверждение слов хозяина попугай, подняв головку и строго глядя на меня, издал превосходную соловьиную трель, но завершил ее самым неожиданным образом, два раза сердито тявкнув, ни дать, ни взять — моська из подворотни. Потом той же царственной походкой попугай зашагал из комнаты в переднюю. Мы оба засмеялись.

— Любопытный квартирант, не правда ли? Тут многие мои артисты жили: обезьяны, петухи, сурок и даже двое медвежат несколько часов здесь провели. Беспокойно? Да, конечно. Но, честно говоря, для меня это приятное беспокойство.

Приятное беспокойство... Когда смотришь выступление талантливого дрессировщика на арене — легкий, шумный каскад живого веселья,— и в голову не приходит мысль о трудностях, о беспокойстве, которое его почти никогда не оставляет. В самом деле, в Сочинском цирке произошел несчастный случай с цаплей, угодившей под паровоз «Железной дороги»,— ее нужно было долго лечить; в Ижевске поздно вечером слон, испугавшись чего-то на прогулке, вдруг пустился бежать по улице. И, обогнав его на автомашине, Дуров бросился наперерез животному, успокоил его и привел в станок; в Харькове у одного из лучших морских львов обнаружилось помутнение зрачка. Пришлось лечить, пересмотреть рацион, добавить в пищу рыбьего жира; во время репетиции в Симферопольском цирке повредил себе ногу любимец Владимира Григорьевича — бегемот Малыш. К счастью, перелома не оказалось, и с помощью лечебной физкультуры «младенец», весящий около тонны, довольно быстро вернулся в строй.

Конечно, все это лишь случайности. Но ведь огромная труппа Дурова насчитывает сотни птиц, зверей и домашних животных — от голубей до медведей, верблюда, бегемота, слона. И каждый нуждается в определенном питании, внимательном уходе. Каждое животное надо совершенствовать в его «амплуа», как говорится, повышать его профессиональное «мастерство»...

...Народный артист республики Владимир Дуров постоянно занят творческими поисками. Он стремится обогатить свое яркое, интересное искусство дрессировщика...

Я. ОСТРОВСКИЙ

Зеленый ветер

Антон ПРИШЕЛЕЦ

Рисунок Б. ЖУТОВСКОГО.

ДЕВУШКА-ВЕСНА

Где-то здесь или там,
Далеко-далеко,—
Над Москвой ли рекой
Иль над Волгой-рекой —
Я бесцельно бродил,
Потихоньку насвистывая,
Томик чьих-то стихов
На ходу перелистывая.
А по речке в тот год
Шел большой ледоход.
И весна — без весла —
Радость сердцу несла.
В берег солнечный бьет
Развороченный лед.
А по берегу
Девушка,
Вся золотая, идет!
Золотая коса,
Золотые глаза,
Легкий шарфик летит,
Как дымок, в небеса.
Но когда поравнялась
Со мною она,
Вижу: это ж не девушка,
Это весна!
Повстречалась
И так улыбнулась она,
Будто душу пронзила
До самого дна!

С той поры,
После встречи такой,
Много дней
Я бродил над рекой.

Много лет,
Лишь услышу, при мне
Заведут разговор о весне,
Снова вижу я
Тот ледоход,
И та девушка
Снова навстречу идет!
А над ней,
Над ее золотой головой,
Рвется к небу
Платочек ее голубой!

ПЕСЕННИК

Весенний день сходил на нет,
Закатом освещен.
И в этот час
Приснился мне
Чудесный этот сон.
Я шел под птичий свист и гром
Между садов и сел.
Так было празднично кругом,
И я на праздник шел.
А в ста шагах, тропинкой той,
Которой шел и я,
Кудрявый парень молодой
Шел впереди меня.
Казалось, он не шел, а плыл,
Он плыл и песню пел.
Он легким был, крылатым был
И песни петь умел.
Качались травы на лугах,
Кипел цветов прибой.
Он шел в крестьянских сапогах,
В рубашке голубой.

Есенин ли? Захаров ли?
Я угадать не мог.
Бежит река, горит вдали,
Зеленый луг широк.
А там, где луг, девчата в круг,
Задорных песен гул.
И путник мой, веселый друг,
К тем песням повернул.
И так запел!
Про край родной,
Что всех дороже нам.
И взглядом встретился со мной,
И я его узнал.
Он был не тот и не другой,
С кем спутал я его.
Он просто песенник лихой
И парень боевой.
И песня русская его
Росла, пошла волной
Над всей над нашей луговой,
Над стороной родной!

БАСНИ

Даулен АЙТМУРАТОВ

ВОР И ЗАМОК

Перемахнув через забор,
Подполз к порогу дома Вор.
Достал свои отвертки и отмычки,
Благословил ночную тьму,
Замок ощупал по привычке
И вот, пыхтя, прилип к нему.
Но, как с ним ни мудрил и как его ни тряс,
Проникнуть в дом не мог на этот раз.
Не помогли уловки воровские!..
Когда ж прошиб ворюгу пот,
Он прошипел: «Будь трижды проклят тот,
Кто делает замки такие!»
Тогда Замок изрек:
— Хорош!
За что ж ты мастера искусного клянешь?
Ведь в том, что я на свет рожден,
Виновен ты, брат, а не он!

ЧТО В ЭТОМ ТОЛКУ!..

Однажды старичок-бахвал
Расхвастался перед соседом:
— Я не из тех, которым мир неведом.
Где только в молодости я не побывал!
На край земли ходил неоднократно.
В самом Ургенче был! Тебе понятно?
Сосед в ответ:
— Что в этом толку, друг,
Коль даже скромности ты не привез оттуда?
В Ургенче ведь бывал и старый мой бурдюк,
Привязанный к горбу верблюда.

Перевел с каракалпакского
В. КОРЧАГИН.

Знаменитый дом

Обычный с виду дом, построенный на грани XVIII и XIX веков на Литейном проспекте в Ленинграде, является своеобразным памятником истории русской культуры. В двадцатые годы XIX века здесь, на квартире С. М. Салтыковой, бывали декабрист П. Г. Каховский и лицейский друг Пушкина А. А. Дельвиг. Несколько позднее в этом же здании жила А. А. Воейкова, прототип героини баллады «Светлана» Жуковского. Долгие годы во дворе квартировали литераторы отец и сын Зотовы. К ним, по воспоминаниям сына В. Р. Зотова, заходили Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Кольцов, Никитин. В 1879 году на квартире В. Р. Зотова был спрятан архив «Народной воли», который принес известный революционер-семидесятник Н. А. Морозов. Некоторое время здесь проживал знаменитый хирург Н. И. Пирогов.

Двадцать лет, до самой смерти, находился в доме на Литейном Николай Алексеевич Некрасов. Все эти годы в его квартире помещалась редакция журнала «Современник» и позднее — редакция «Отечественных записок». Иногда целые сутки проводили у редактора за работой Чернышевский и Салтыков-Щедрин; в гостях у Некрасова можно было видеть Льва Толстого, Островского, Тургенева, Гончарова и других писателей. Около года у Некрасова жил Добролюбов.

Однажды в окнах этого дома впервые в Петербурге вспыхнул электрический свет. Событие произошло в квартире у П. Н. Яблочкова...

Четыре мемориальных доски напоминают о прошлом знаменитого дома. В нем устроен Государственный музей-квартира Некрасова.

А. РЫСКИН

С первым столетием!

Казаку-колхознику Мариинской станицы Ивану Корнеевичу Рубину в этом году исполнилось сто лет. Он чувствует себя хорошо, всегда бодр, любит заниматься огородничеством.

Разрешите поздравить через журнал нашего односельчанина с первым столетием!

В. СОСКОВ

Станица Мариинская,
Ростовской области.

Лисенок Тявка

Лисенок был пойман в лесу. Не сразу мы приручили его, зато потом он брал уже прямо из рук мясо, хлеб и сахар. Днем он обычно отсиживался в ящике за печкой, а по ночам расхаживал по квартире. Мы дали ему кличку Тявка, и лисенок охотно на нее отзывался.

Осенью по ночам Тявка стал лаять и пробовать свои зубы. Сначала он изгрыз туфли, затем зонтик, а потом принялся за телефон, который уронил на пол и разбил. Мы отнесли Тявку в лес. Лисенок выскочил из ящика, звонко залаял и скрылся в кустах.

Каково же было наше удивление, когда на следующее утро мы обнаружили Тявку снова в ящике, оставленном на опушке! Через неделю мы опять пришли, но ящик был пуст.

В. и Г. ЛЕБЕДЕВЫ

Станция Менделеево,
Пермская область.

Дуб Суворова

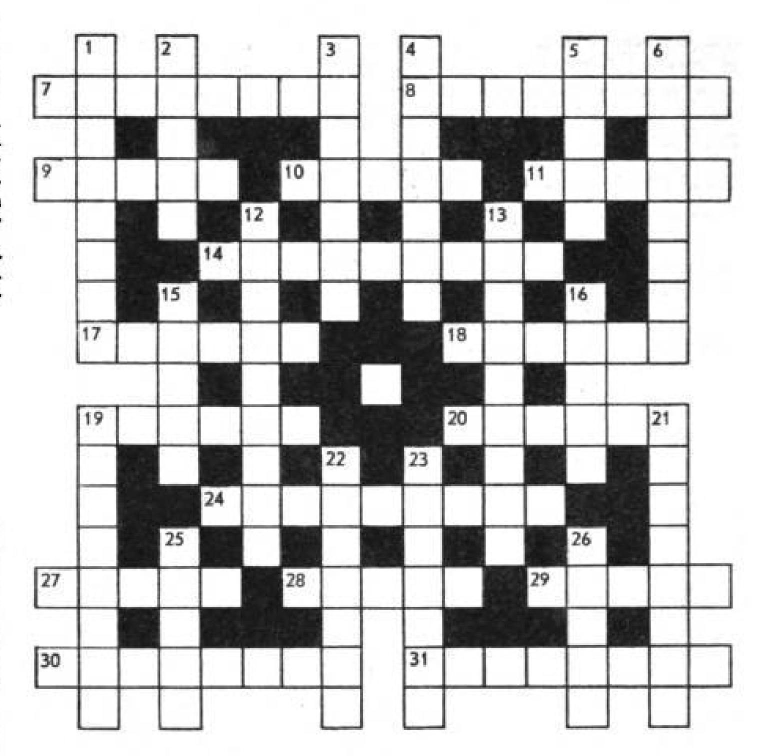

Между городом Кобрином и местечком Дивин, Брестской области, растет могучий дуб. На нем имеется надпись: «По народному преданию, под этим дубом отдыхал великий русский полководец А. В. Суворов во время похода из Немирова к Кобрину 3 сентября 1794 г.». Дуб Суворова охраняется населением как исторический памятник.

П. КАНОНИДИ

Брест.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Вращающийся вал металлорежущего станка. 8. Герой русских былин. 9. Соцветие злаков. 10. Приток Ганга. 11. Негритянский ученый и писатель. 14. Физико-географическая зона. 17. Племя, жившее на Оке. 18. Удлиненная впадина. 19. Музыкант. 20. Гребная шлюпка. 24. Поэма А. Блока. 27. Горная система в Европе. 28. Духовой инструмент в Молдавии. 29. Руководитель первой советской Антарктической экспедиции. 30. Быстрорастущее вечнозеленое дерево. 31. Тригонометрическая функция.

По вертикали:

1. Место конноспортивных соревнований. 2. Порт в Северо-Восточном Китае. 3. Специалист сельского хозяйства. 4. Насмешливое выражение. 5. Точка пересечения меридианов. 6. Ягодный кустарник. 12. Советский ученый-химик. 13. Установление сортовых качеств посевов. 15. Машина для обработки материалов давлением. 16. Чешский национальный герой. 19. Народная артистка СССР. 21. Крупный учебно-научный центр Франции. 22. Материал для изготовления мозаики. 23. Представительница населения союзной республики. 25. Транспортировка леса водой. 26. Лесная птица.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

5. Ауэзов. 6. «Косарь». 9. Басон. 10. Финиш. 12. Калар. 15. Отжиг. 16. Изолятор. 17. Каток. 19. Огарь. 21. Виолончелист. 22. Подсолнечник. 25. Фасад. 27. Запев. 29. Осинники. 31. «Гудок». 33. Нарты. 34. Набор. 35. Лиман. 36. Монета. 37. Висмут.

По вертикали:

1. Журнал. 2. Повар. 3. Токио. 4. Гранит. 7. Комик. 8. Дидро. 9. Батат. 11. Штурм. 13. Подполковник. 14. Стереометрия. 18. Одинцова. 20. Гусеница. 23. Салон. 24. Декан. 26. Довод. 27. Зинин. 28. Муфлон. 30. Штраус. 32. Карта. 33. «Налим».

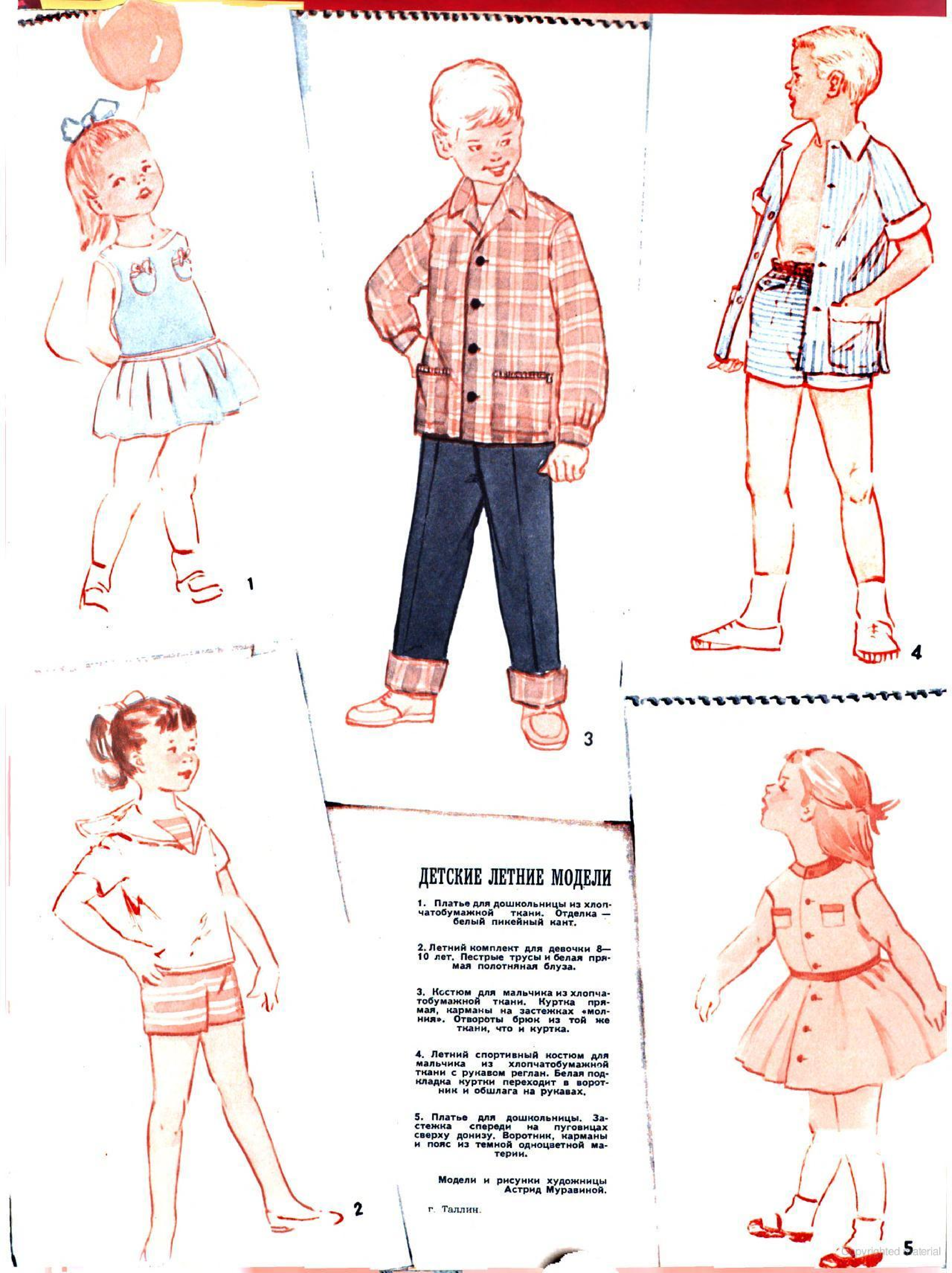
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусства — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03364. Подписано к печати 27/V 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₁₆. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 768. Заказ № 1208.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

ДЕТСКИЕ ЛЕТНИЕ МОДЕЛИ

1. Платье для дошкольницы из хлопчатобумажной ткани. Отделка — белый пикейный кант.

2. Летний комплект для девочки 8—10 лет. Пестрые трусы и белая прямая полотняная блуза.

3. Костюм для мальчика из хлопчатобумажной ткани. Куртка прямая, карманы на застежках «молния». Отвороты брюк из той же ткани, что и куртка.

4. Летний спортивный костюм для мальчика из хлопчатобумажной ткани с рукавом реглан. Белая подкладка куртки переходит в воротник и обшлага на рукавах.

5. Платье для дошкольницы. Застежка спереди на пуговицах сверху донизу. Воротник, карманы и пояс из темной одноцветной материи.

Модели и рисунки художницы Астрид Муравиной.

г. Таллин.

Цена номера 3 руб.